

СЕРИЯ
ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. ЧЕКАЛОВА
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
В VI ВЕКЕ.
ВОССТАНИЕ НИКА

СЕРИЯ

ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

✿

ИССЛЕДОВАНИЯ

✿

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
1997

А. А. ЧЕКАЛОВА

КОНСТАНТИНОПОЛЬ
В VI ВЕКЕ.
ВОССТАНИЕ НИКА

*Издание второе,
исправленное и дополненное*

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
1997

ББК Чек. (Рос.)
Чекалова 97(2)

**Редколлегия серии
«Византийская библиотека»:**

*Г. Г. Литаврин (председатель), О. Л. Абышко
(со-председатель), И. А. Савкин (со-председатель),
С. С. Аверинцев, М. В. Бибииков, С. П. Карпов,
Г. Л. Курбатов, Г. Е. Лебедева, Я. Н. Любарский,
И. П. Медведев, Д. Д. Оболенский, Г. М. Прохоров,
С. С. Хоружий, А. А. Чекалова*

Монография посвящена одному из наиболее трагических событий византийской истории — восстанию, разразившемуся в столице империи — Константинополе — в январе 532 г. Этот грандиозный бунт вошел в историю под именем Ника (νίκη), что значит «Побеждай» — таков был клич восставших. Зародившееся на ипподроме как протест против своевольия императора, восстание было вскоре поддержано высшей сенаторской знатью, недовольной авторитарной политикой Юстиниана. Восстание и его значение рассмотрены в книге на широком фоне социально-политической и экономической жизни Константинополя, крупнейшего города и центра всей жизни империи.

Для всех интересующихся историей и культурой Византии.

ISBN 5-89329-038-0

9 785893 290387

© Издательство «Алетейя» (СПб.) — 1997 г.
© А. А. Чекалова — 1997 г.

Предисловие ко второму изданию

Первое издание этой монографии, вышедшее в свет в 1986 г., было подготовлено к печати в 1984 г. С тех пор вышло немало работ, в той или иной степени относящихся к восстанию Ника, этому важному и трагическому событию ранневизантийской истории. Большая их часть учтена при подготовке настоящего издания.

Однако поскольку книга базируется на широком материале источников, круг которых до сего времени не изменился, текст монографии в значительной степени сохранен и в этом издании. Существенным изменениям подверглась лишь та часть работы, в которой анализируется специфика сенаторского сословия Константинополя, что стало предметом моего специального изучения в последние годы, а также роль и степень участия сенаторской аристократии и ее высшего слоя — патрикиев — в восстании Ника.

Кроме того, были устранены замеченные погрешности и опечатки, допущенные в первом издании.

А. А. Чекалова

ВВЕДЕНИЕ

(историография вопроса,
характеристика источников)

Восстание Ника — крупнейшее народное движение ранней Византии. В любом труде, посвященном эпохе Юстиниана, будь то обширная монография или небольшая статья в энциклопедии, имеется описание этого события либо по крайней мере упоминание о нем. Характерно, однако, что в основу многих современных представлений о великом мятеже 532 г. легли специальные исследования, увидевшие свет в середине XIX — начале XX в., в которых основное внимание уделялось ходу восстания, его хронологии, топографии, характеристике источников, в то время как причины восстания, социальный состав его участников и их роль в этом движении исследовались явно недостаточно и изучение их практически не выходило за рамки отдельных, нередко умозрительных, а порою и просто весьма общих и случайных суждений.

Первая специальная работа о восстании Ника вышла в свет в 1854 г. Автором ее являлся профессор Цюрихского университета В. А. Шмидт. По словам исследователя, его интерес к восстанию был вызван той ролью, которую оно сыграло в политической, правовой и нравственной истории Византии. Вместе с тем его привлекало и то, что, несмотря на свою очевидную значительность, восстание не было как следует изучено. Отметив скудость сведений о нем и их разбросанность, автор решил создать целостную картину восстания, чтобы после него «никому не понадобилось проделывать этот нелегкий труд» [293, с. 1]. В. А. Шмидт и не предполагал, вероятно, что его работа явится лишь началом, отправным пунктом для многих исследований в будущем.

Приступив впервые к детальному изучению восстания Ника, В. А. Шмидт достиг весьма существенных результатов. Он собрал весь основной материал источников и привел в систему, хотя и с некоторыми неточностями, их противоречивые данные.¹ В работе с источниками В. А. Шмидт показал незаурядное мастерство. Наиболее ярко оно проявилось в анализе диалога между прасинами и императором — так называемых «Акт-ов по поводу Калоподия». Исследуя их, автор сопоставил известные ему факты из византийской истории с короткими фразами спора на ипподроме и тем самым раскрыл смысл его многих неясных мест. Он первым раскрыл и религиозный смысл диалога [293, с. 47—50].

¹ Наиболее важные источники по восстанию Ника были названы еще Э. Гиббоном, однако этот исследователь не сделал попытки критического их сопоставления и следовал в основном за изложением Прокопия, хотя он использовал и другие источники [197, с. 222—226].

Несмотря на бесспорные достоинства работы В. А. Шмидта, его труд не свободен от недостатков. Говоря о причинах восстания, автор останавливается, причем весьма кратко и поверхностно, лишь на династической, церковной и цирковой оппозиции [293, с. 24—26]. Уже ближайший последователь В. А. Шмидта — В. К. Надлер, считал это недостаточным и писал в своей книге: «Интриги и заговоры, от кого бы ни исходили они, какими бы средствами ни располагали они, могут произвести переворот внутри двора, но они не в силах вызвать движение масс. Великое восстание 532 г. было вызвано всем предыдущим развитием, всюю правительственною системою Юстиниана» [75, с. 60—61].¹

У В. А. Шмидта имеется и ряд неточностей в изложении хода восстания. Так, описывая события, происходившие накануне восстания, он чрезмерно сближает их во времени [293, с. 47, 52], невольно создавая у читателя впечатление о преднамеренной подготовке этого на деле стихийного и рождавшегося постепенно грозного бунта.

В своем стремлении нарисовать стройную картину восстания В. А. Шмидт допускает порой либо искажение хода событий (например, перенос провозглашения императором племянника Анастасия Ипатия с 18 на 19 января [293, с. 70]), либо вольное толкование источников (согласно «Пасхальной хронике», 17 января одни димоты избивали других, в изложении же В. А. Шмидта, солдаты убивали димотов [293, с. 64—66]).

¹ Впрочем, этим общим суждением автор и ограничился. В остальном его труд совершенно неоригинален и зачастую представляет собой буквальный перевод работы В. А. Шмидта на русский язык.

Через несколько лет после публикации В. А. Шмидта и совершенно независимо от него о восстании Ника написал греческий ученый профессор Афинского университета К. Папарригопулос в третьем томе своей «Истории греческой нации». Его изложение значительно уступает работе В. А. Шмидта. Здесь нет того понимания «Актов по поводу Калоподия», которое проявил немецкий ученый, и текст диалога дается в основном в том виде, в каком сохранил его Феофан [339, с. 116—133]. Кроме того, К. Папарригопулос отказался от комплексного изучения источников и следовал по большей части двум авторам — Прокопию и Феофану.

Недостаточно высокое качество исследования К. Папарригопулоса вызвало появление к жизни другого греческого сочинения, уже специально посвященного восстанию Ника. Автором его был известный юрист Павлос Каллигас. Подвергнув критике соответствующий пассаж труда К. Папарригопулоса, он указал на высокие достоинства исследования В. А. Шмидта и в основном повторил его суждения [337, с. 329—358].

В ответ на статью П. Каллигаса К. Папарригопулос написал прекрасное полемическое сочинение, в котором попытался ответить своему оппоненту [340].

Прежде всего К. Папарригопулос коснулся причин восстания. Дело в том, что П. Каллигас, следуя в целом за В. А. Шмидтом, в данном вопросе явно уступал своему предшественнику, не назвав даже тех видов оппозиции, о которых говорил в свое время В. А. Шмидт. В связи с этим К. Папарригопулос указал на роль династической оппозиции [340, с. 7—8], в чем он не только вернулся к В. А. Шмидту (попутно заметим, что К. Папарригопулос не был знаком с его работой), но и пошел дальше, отметив определенное влияние на восставших сенаторских кругов.

Следуя В. А. Шмидту, П. Каллигас упрекал К. Папарригопулоса в том, что автор «Истории греческой нации» не показал той враждебности, которую питал к прасинам Юстиниан [337, с. 330]. Отвечая на этот упрек, К. Папарригопулос не только выступил против П. Каллигаса, но и косвенно задел В. А. Шмидта, у которого вопрос о цирковой оппозиции рассмотрен весьма поверхностно и примитивно. К. Папарригопулос справедливо отметил, что симпатии Юстиниана к венецам не были столь неизменными и безграничными, как это обычно себе представляют. В качестве доказательства автор сослался на закон 527 г., запрещавший всякую борьбу партий ипподрома, а также на участие в восстании Ника венецов, что свидетельствует о недовольстве политикой Юстиниана также и среди них [340, с. 9]. Это указание на сложность политики Юстиниана в отношении партий ипподрома явилось большим достоинством нового исследования К. Папарригопулоса.

Несмотря на высокие для своего времени качества, эта работа К. Папарригопулоса осталась в научном мире не замеченной, и в 1889 г. известный английский профессор Дж. Бьюри, издавая свою «Историю Поздней Римской империи», в разделе, отведенном восстанию Ника, воспроизвел в основном изложение В. А. Шмидта вместе со всеми неточностями, которые подметил К. Папарригопулос [147, т. I, с. 340—345]. Но, очевидно, заинтересовавшись восстанием Ника, Дж. Бьюри вскоре написал о нем специальную статью, где занялся разбором источников, хронологией и топографией восстания [149, с. 92—119]. Проведя сравнение ряда византийских памятников разных эпох, Дж. Бьюри верно подметил сходство «Пасхальной хроники», «Хронографии» Феофана, «Экскерптов» Константина Багрянородного и др. с «Хронографией»

Иоанна Малалы. Однако едва ли возможно считать, как это делает автор, что все эти источники в разделах, описывающих восстание Ника, восходят к полному варианту «Хронографии» Иоанна Малалы (см. ниже, с. 19—25).

Весьма тщательно изучена Дж. Бьюри хронология восстания, хотя и здесь, как мы попытаемся показать ниже, не во всем можно с ним согласиться.

Существенным недостатком статьи Дж. Бьюри является, на наш взгляд, то, что он отказался в ней от исследования причин восстания, его социальной характеристики и последствий, а также его места в ряду прочих народных движений того периода. Автор попросту отослал читателя к статье Ф. И. Успенского, посвященной партиям ипподрома вообще, а не конкретно восстанию Ника [111, с. 1—16].¹

Этот недостаток в значительной степени свойствен и изложению восстания Ника, содержащемуся во втором издании его «Истории Поздней Римской империи» [148, т. II, с. 39—48]. Говоря о причинах мятежа,

¹ В «Истории Византийской империи» [110, с. 499 и сл.]. Ф. И. Успенский уже непосредственно связывает историю цирковых партий с восстанием Ника, полагая, что одной из причин восстания явилась борьба правительства с «городскими вольностями». Из других причин он называет корыстолюбие чиновников императора (следя здесь за рассказом Прокопия о восстании Ника) и суровые меры против монофиситов. В последнем выводе автор явно не прав, и его трактовка религиозной политики Юстиниана в первые годы его правления значительно уступает обстоятельному и до сих пор не утратившему своего значения изложению церковной политики этого императора, сделанному Ю. Кулаковским в работе, появившейся в свет почти одновременно (1912 г.) с «Историей Византийской империи» Ф. И. Успенского [55, т. II, с. 233 и сл.]. Сам ход восстания освещен Ф. И. Успенским весьма небрежно и скорее напоминает описание, сделанное Э. Гиббоном, нежели В. А. Шмидтом или Дж. Бьюри.

автор лишь кратко останавливается на стремлении Юстиниана проводить политику, независимую как от прасинов, так и от венетов. Роль народных масс в восстании практически находится вне поля зрения исследователя. По мнению Дж. Бьюри, размах движения был вызван агитацией сенаторов, стремившихся к смене императора [148, т. II, с. 44].

Несмотря на определенную ограниченность и неполноту, работам Дж. Бьюри была суждена долгая жизнь. При характеристике восстания последующие авторы брали за основу именно их. Многие положения Дж. Бьюри были приняты и Ш. Дилем, остановившимся на восстании Ника в обширной монографии «Юстиниан и византийская цивилизация в VI в.» [173, с. 465—473]. Вместе с тем в трактовке причин восстания Ш. Диль ближе стоит к В. А. Шмидту, полагая, что восстание было вызвано пристрастным отношением Юстиниана к прасинам. Правда, Ш. Диль пошел несколько дальше, остановившись впервые, впрочем очень кратко, на финансовой политике Юстиниана [173, с. 465—473].

Близок к работам Дж. Бьюри и рассказ о восстании Ю. Кулаковского, хотя он и не ссылается на труды своего английского коллеги [55, т. II, с. 75—84]. Несколько досадным представляется невнимание Ю. Кулаковского к причинам восстания, которые он трактует отчасти как Э. Гиббон, отчасти как Ш. Диль. Это тем более бросается в глаза, что в книге Ю. Кулаковского собран богатый фактический материал, позволяющий прийти к гораздо более глубоким суждениям.¹

¹ Особняком от всех этих названных выше и так или иначе связанных между собой исследований стоит теперь уже совершенно устаревшая работа Л. Мордтмана, в которой восстание Ника рассматривается исключительно в топографическом аспекте [274].

Современная зарубежная историография в трактовке восстания Ника также в значительной степени восходит к работам Дж. Бьюри. Многие историки (Э. Штейн [301, с. 449—456], Г. Острогорский [276, с. 66 и сл.], Г. Дауни [178, с. 41 и сл.], Дж. Баркер [128, с. 82—91], Р. Браунинг [145, с. 109—112]) в той или иной степени следуют выводам и наблюдениям Дж. Бьюри. Более оригинальным является соответствующий раздел фундаментального труда Э. Штейна, который, приняв многие положения Дж. Бьюри, высказал ряд интересных соображений относительно хронологии восстания, «Актон по поводу Калоподия» и т. д. Большое внимание исследователь уделил финансовой политике Юстиниана в начале его правления, рассматривая ее как основную причину восстания [301, с. 441—449]. Поправки и добавления Э. Штейна были учтены рядом других исследователей (Л. Шассеном, Г. Дауни, Э. Франциусом, Р. Браунингом). Однако Л. Шассен, Г. Дауни и Э. Франциус останавливаются на финансовой политике Юстиниана лишь вскользь [161а, с. 45; 178, с. 41; 180, с. 103; 192, с. 70], а Р. Браунинг, хотя и пишет об этом несколько подробнее, сосредоточивает свое внимание не на тяжести положения народных масс, а на ухудшении положения более богатых слоев населения [145, с. 107—108].¹

¹ Правда, Р. Браунинг упоминает о том, что Юстиниан обложил соответствующей податью и городское население, которое раньше наряду с более обеспеченными классами в значительной степени могло уклоняться от уплаты ее, в то время как основная тяжесть налогового бремени ложилась на плечи крестьян. Данное утверждение, однако, явно сомнительно, так как хорошо известно, что и горожане немало страдали от податей [33, нов. 43, 59]. По всей видимости, можно говорить лишь об общем усилении налогового гнета, а не об установлении не существовавших ранее налогов на городское население.

Некоторые ученые (А. Джонс, Дж. Баркер), излагая причины восстания Ника, не дают даже краткой характеристики финансовой политики Юстиниана и ее связи с восстанием, не говоря уже о более глубоких причинах этого народного движения, объясняя его, как и некогда Дж. Бьюри, в первую очередь отношением Юстиниана к партиям ипподрома [235, т. I, с. 271; 128, с. 82]. По мнению же Л. Шассена, и политика императора по отношению к партиям, и его финансовые мероприятия накануне восстания явились лишь предлогом к мятежу; истинной причиной его было недовольство аристократии новым императором [161а, с. 59]. О подобном суждении, сделанном неспециалистом, можно было бы и умолчать, если бы оно не обнаруживало явной тенденции, опять-таки восходящей к Дж. Бьюри, — чрезмерно преувеличивать влияние аристократии на восстание Ника. Именно этим отличаются работы Э. Штейна, Г. Дауни, Дж. Баркера [301, с. 449; 180, с. 100 и сл.; 128, с. 86]. Более осторожен в данном случае Р. Браунинг, но и по его мнению, Юстиниану не удалось успокоить восставших на ипподроме 18 января, потому что против него были настроены лица высокого положения [145, с. 111].

Исключением стала работа Ф. Тиннефельда, который, хотя и пишет о восстании в том же русле, что и другие современные западные византилисты, все же на первый план выдвигает роль в нем народных масс. Сам рассказ о восстании Ника помещен автором в разделе «Народ как политический фактор в столице» [311, с. 194—199].

В завершение краткой характеристики зарубежной историографии восстания Ника уместным представляется упомянуть о чрезвычайно интересной работе из-

вестного французского византиниста Ж. Дагрона «Constantinople imaginaire», посвященной сказаниям о постройках столицы империи. Не занимаясь непосредственно восстанием Ника, автор дал впечатляющую картину того, какой страшный след остался в памяти константинопольцев от кровавого разгрома восстания. Восстание Ника, пишет историк, породило своего рода психоз, ибо трупы убитых, погребенные тут же на ипподроме под разобранными для этого случая скамьями ипподрома и у ворот Некра (Мертвые), как страшная пляска смерти служили постоянным напоминанием о вопиющем злодеянии Юстиниана, учинившего резню на ипподроме, который, являясь политическим центром города, служил местом встречи императора и народа, всегда приходившего на эту встречу без оружия. Людская молва, отразившаяся в названиях построек Константинополя, отомстила Юстиниану. За жестокую расправу над безоружным населением он остался в памяти современников и последующих поколений не только как создатель храма св. Софии, но и как император-палач и злой завистник славы полководца Велисария [168а, с. 168—169, 309—314].

Из отечественных историков первым на восстании Ника остановился М. В. Левченко. Во многом еще базируясь на работах Дж. Бьюри и Ш. Диля, автор вместе с тем стремится пойти дальше их: он вполне справедливо подчеркивает роль народных масс в этом движении, говоря «о степени ожесточенности народных низов против правительства», проявившейся в этом мятеже. Тем не менее М. В. Левченко, как и Дж. Бьюри, допускал возможность, что восстание было подготовлено частью враждебной Юстиниану senatorской аристократии [71, с. 58—61].

Более подробно исследует восстание Ника А. П. Дьяконов, который вслед за М. В. Левченко акцентирует внимание на совместном выступлении в нем народных масс независимо от их деления на цирковые факции [51, с. 209—212]. При этом автор склонен даже вообще отрицать добровольное участие сенаторов в восстании [51, с. 211]. Достаточно много места отводит он анализу «Акт по поводу Калоподия» и связанной с ними дискуссии [51, с. 209—210]. Несомненным достоинством работы А. П. Дьяконова является то, что он связывает восстание Ника с другими народными выступлениями той эпохи.

Примерно в то же время, что и А. П. Дьяконов, о восстании Ника писала Н. В. Пигулевская, которая также характеризует его как выступление городского населения [78, с. 140—141]. В отличие от А. П. Дьяконова, Н. В. Пигулевская признает определенную роль сенаторов в восстании, но делает это более осторожно, нежели М. В. Левченко [78, с. 141].

Как одно из самых крупных движений народных масс изображает восстание Ника Г. Л. Курбатов [57, с. 65—78]. Автор останавливается на характеристике положения простого народа, причем не только столицы, но и провинции [57, с. 69—71], ярко обрисовывает алчность и продажность центральной администрации [57, с. 70].

Значительное место уделено восстанию Ника в томе I «Истории Византии», в главе, написанной З. В. Удальцовой [54, с. 282—296]. Анализ источников, сохранивших сведения об этом народном движении, и весьма подробное описание хода событий сочетаются здесь, насколько позволяет характер общего труда, с анализом причин восстания и позиций различных социальных групп, принявших в нем участие.

Автор в первую очередь обращает внимание на экономические причины восстания, отмечая обострение противоречий между руководящими группами венетов и прасинов, на недовольство их обеих фискальной и вообще экономической политикой Юстиниана. Немаловажное значение, по мнению автора, имела и переменчивость религиозной политики Юстиниана. Особо останавливается исследовательница на тяжести положения народных масс накануне восстания [54, с. 286]. Подчеркивая решающую роль народа в этом движении, она вместе с тем отмечает определенное влияние на ход событий в январе 532 г. сенаторской оппозиции, «занявшей по отношению к народу предательскую позицию» [54, с. 293]. Разгром восстания, по мнению автора, имел важные последствия как во внешней, так и во внутренней политике Юстиниана [54, с. 295]. В частности, он явился ударом по оппозиционно настроенной аристократии и по старой муниципальной организации [54, с. 295].

Внимание историков к восстанию Ника, и прежде всего к его социальным аспектам, показывает, что назрело время для более тщательного и глубокого исследования этого крупнейшего народного движения VI в. Вполне очевидно, что необходимо изучить весь сложный комплекс причин восстания, социальный состав его участников, их роль в этом движении, а также место и значение восстания Ника в истории Византии VI в. Этой цели и призвана служить настоящая работа.

Восстание Ника произвело неизгладимое впечатление на современников и надолго сохранилось в памяти последующих поколений, оставив заметный след в сочинениях историков и хронистов не только VI в. Наиболее подробно оно освещено в трудах хронистов — «Хронографии» Иоанна Малалы, «Пасхальной хронике», «Хронографии» Феофана. Современник событий Иоанн Малала в книге XVIII своей «Хронографии» отвел восстанию Ника весьма значительное место [26, с. 473—477]. По всей видимости, его рассказ о нем является повествованием очевидца.¹ Больше половины отрывка, посвященного этому народному движению, отведено автором предыстории восстания и событиям его первых двух дней (13 и 14 января), далее в «Хронографии» пропуск, и лишь с 18 января ход восстания вновь излагается весьма подробно.

Причины восстания Ника истолковываются Иоанном Малалой весьма суеверно: мятеж, по его словам, был вызван кознями дьявола, наущением злых демонов. Дважды повторяет хронист эту мысль — в начале изложения и при описании событий, имевших место на ипподроме 13 января: «Когда же дьявол внушил им злую мысль, они (димы) начали кричать: „Многая лета человеколюбивым прасинам и венетам!“» [26, с. 474].

Определить, на чьей стороне симпатии автора, довольно сложно, поскольку, как и в остальных разделах

¹ Иоанн, сириец по происхождению, по-видимому, незадолго до восстания переехал из Антиохии в Константинополь [103, с. 19]. Ряд авторов допускают возможность, что труд Иоанна Малалы был прерван и затем продолжен жителем Константинополя [149, с. 95; 301, с. 703; 76, с. 12]. В любом случае строки, посвященные восстанию Ника, были написаны свидетелем событий.

своего труда, хронист весьма беспристрастен и объективен [103, с. 14], но все же нельзя не отметить, что Юстиниан для него — прежде всего василевс, а Ипатий и Помпей — просто тираны [26, с. 475—477]. Возможно, и о кознях дьявола он вспомнил неспроста, но по той причине, что выступить против власти, в его представлении, можно было лишь по дьявольскому наущению.

Основной действующей и, по сути дела, единственной силой восстания в изображении Иоанна Малалы являются народные массы. О причастности к нему сенаторов хронист не говорит ни слова, хотя непохоже, чтобы он ничего не знал о фактах подобного рода. Буквально через несколько страниц он сообщает о возвращении из ссылки патрикия Прова [26, с. 478], который был, хотя и в меньшей степени, нежели его братья Ипатий и Помпей, причастен к движению (см. ниже). По всей видимости, Иоанн Малала сознательно опускает упоминание об участии сенаторов в восстании, ибо оно, как ему, вероятно, казалось, придавало бы событиям излишне всеобщий характер, а этого верноподданный хронист позволить себе не мог.

По манере изложения и подаче материала к «Хронографии» Иоанна Малалы тесно примыкает «Пасхальная хроника» — сочинение анонимного автора, написанное в середине VII в. [16, с. 620—629]. Восстание Ника изображено здесь с массой подробностей, и на фоне необычайно бедного, нередко состоящего лишь из консульских фаст изложения эпохи Юстиниана это особенно бросается в глаза. Вряд ли было случайным, что, описывая время правления этого императора, хронист счел необходимым остановиться лишь на двух моментах: восстании Ника и послании Юстиниана о вере. По-видимому, и сто лет спустя,

когда создавалась «Пасхальная хроника», восстание Ника вызывало живейший интерес и у авторов исторических сочинений, и у читающей публики.

Описание восстания начинается в «Пасхальной хронике» с краткого пересказа «Актów по поводу Калоподия»; затем автор сразу же, без всякого перехода излагает события второго дня восстания (14 января), но с этого момента рассказ становится таким подробным и насыщенным фактическим материалом, как ни одно другое сочинение, касающееся восстания Ника. Источники, к которым восходит в данном случае «Пасхальная хроника», неизвестны. Дж. Бьюри сделал попытку объяснить необычайную полноту рассказа «Пасхальной хроники» о восстании тем, что ее составитель пользовался полным вариантом «Хронографии» Иоанна Малалы [149, с. 95]. Это, однако, представляется сомнительным, и вот по каким причинам.

При описании восстания Иоанн Малала и автор «Пасхальной хроники» сходно излагают всего три момента: смещение неугодных восставшим чиновников 14 января, эпизод с готами, возглавляемыми Велисарием, и события 18 января. Различий же гораздо больше: в «Пасхальной хронике» рассказ о народном движении начинается с «Актów по поводу Калоподия», которых нет в «Хронографии» Иоанна Малалы; опущен ряд событий, занимающих в изложении Иоанна Малалы половину текста, отведенного восстанию Ника (казнь семи венетов и прасинов накануне восстания, события 13 и утра 14 января); имеется описание событий 16 и 17 января, отсутствующее у Иоанна Малалы. Сам Дж. Бьюри не относит это за счет сокращения текста полного варианта «Хронографии» Иоанна Малалы [149, с. 100]. Кроме того, необходимо отметить и некоторые фактические отклонения текста

«Пасхальной хроники» от повествования Иоанна Малалы. Так, согласно Иоанну Малале, храм св. Софии сгорел 13 января [26, с. 474], а по «Пасхальной хронике» — 14—15 января [16, с. 621—622]. Очевидно, автор «Пасхальной хроники» использовал не дошедший до нас исторический источник, каковым могла быть константинопольская городская хроника.

Изложение восстания Ника в «Пасхальной хронике» весьма беспристрастно и отличается в первую очередь прагматизмом. Автор даже не вспоминает о кознях дьявола, побудивших жителей города к мятежу; причин восстания как бы вовсе не существует. У хрониста явный интерес к деталям событий, но не к их оценке. Так же как и в «Хронографии» Иоанна Малалы, в «Пасхальной хронике» действия народа выдвинуты на передний план; и здесь народ — главное действующее лицо восстания. Тем не менее автор, хотя и мимоходом, сообщает и о том, что не все воины, расквартированные в столице, сохраняли верность Юстиниану. Есть в «Пасхальной хронике» и упоминания об участии в восстании сенаторов. Таким образом, «Пасхальная хроника» содержит существенные добавления к рассказу Иоанна Малалы.

Ряд важных сведений о восстании Ника сохранился и в «Хронографии» Феофана (начало IX в.) [41, с. 181—186], описавшего эпоху Юстиниана на основе источников VI в. Главная ценность рассказа Феофана о восстании заключается в том, что в нем целиком воспроизведены «Акты по поводу Калоподия», занимающие большую часть текста, посвященного этому народному движению. Оставшуюся часть изложения Феофан попытался как можно больше насытить фактическим материалом. В чем-то его рассказ близок к «Хронографии» Иоанна Малалы, в чем-то — к «Пас-

хальной хронике»; вместе с тем в нем есть и отступления от обоих сочинений: некоторые события в нем опущены (например, смещение чиновников 14 января), некоторые изложены по-иному (казнь венетов и прасинов накануне восстания, пожар св. Софии и др.). Но что для нас самое важное — это детали, отсутствующие в упомянутых выше источниках. В частности, Феофан называет число солдат, которыми располагало правительство [41, с. 184], а также число патрикиев [41, с. 185—186], причастных к восстанию. В результате картина восстания у Феофана получается менее однозначная, нежели, например, у Иоанна Малалы, основное внимание которого сосредоточено на действиях восставшего народа.

Совершенно иной характер, чем в сочинениях хронистов, носит рассказ о восстании в произведении современника событий, главного историографа эпохи Юстиниана Прокопия Кесарийского [35, т. I, А, I, 24]. Меньше всего он заботится о том, чтобы скрупулезно и последовательно изложить факты этих нескольких грозных для Константинополя дней. Его задача иная — дать цельное, яркое изображение разразившегося в столице мятежа. Под талантливым пером историка события восстания как бы обретают вторую жизнь, сохраняя свою силу и значительность. Намеренно освободив свой рассказ от ряда подробностей, он сделал более выпуклой и впечатляющей общую картину движения.

По словам Прокопия, восстание возникло случайно, без всякой причины — ἐκ τοῦ ἀπροσδοκῆτου [35, т. I, А, I, 24, 1]. Он рисует полные уничтожающей критики портреты властей предержавших — префекта претория Востока Иоанна Каппадокийского и квестора Трибониана, как бы невольно указывая на причину

(или хотя бы на одну из причин) восстания. Но историк тут же подчеркивает, что, пока не начался описываемый им грандиозный бунт, никто и не вспоминал о том, что они давно «наносят вред государству» [35, т. I, А, I, 24, 17]. Прокопия словно раздражает то, что люди так долго терпели злоупотребления Иоанна и Трибониана.

Симпатии Прокопия не на стороне восставшего народа, «этой черни, все любящей делать в спешке» [35, т. I, А, I, 24, 31], поступкам которой он не находит никаких оправданий, однако и не на стороне Юстиниана. Все они безоговорочно отданы представителям сенаторской знати, олицетворением которой Прокопий считает сенатора Оригена, чей образ действий вызывает у автора нескрываемое восхищение [35, т. I, А, I, 24, 26—31]. И если ныне мы можем с достаточной долей вероятности охарактеризовать роль сенаторов в восстании Ника, то этим мы в значительной степени обязаны Прокопию Кесарийскому с его пристрастным отношением к сенаторскому словию. Прокопий — единственный автор, более или менее конкретно рассказавший об участии сенаторов в восстании, хотя ему и пришлось тем самым открыто заявить в сочинении, предназначенном для публикации при жизни Юстиниана, о враждебном отношении к императору значительного числа сенаторской знати, проявившемся в январе 532 г.

В отличие от хронистов, изображавших события, происходившие на ипподроме, площадях и улицах города, Прокопий поведал читателю и о том, что творилось в это время во дворце, рассказал о панике, царившей в императорской резиденции, о колебаниях Юстиниана, о полной отваги речи императрицы Фодоры [35, т. I, А, I, 24, 32—38].

Рассказ Прокопия о восстании Ника — это повествование о нем с совершенно иных позиций, нежели у хронистов, которые, в сущности, излагали историю восстания с точки зрения «человека улицы»; описание Прокопия — это рассказ человека, хорошо осведомленного о событиях во дворце и выразившего интересы сенаторской знати.

Два других автора VI в.: один — представитель имперской чиновной администрации Иоанн Лид, другой — неизвестный сирийский монах, условно именуемый Псевдо-Захария, давая две различные краткие версии восстания Ника, согласны в одном — в том, что причиной его послужили злоупотребления Иоанна Каппадокийского [25, III, 70—71; 46, IX, 14]. Иоанна Лида в самом восстании больше всего занимают пожары различных зданий и сооружений, к истории создания которых он проявляет особый интерес. Также в связи с грандиозными пожарами, охватившими Константинополь в январе 532 г., рассказал о восстании Ника автор XI в. Георгий Кедрин [24, с. 647—648].

Латиноязычный хронист VI в. Марцеллин Комит привел в своем небольшом рассказе о восстании Ника его официальную версию, преподносившую это широкое народное движение как династический заговор [31, с. 103]. Примечательно, однако, упоминание автора об участии в нем значительного количества представителей знати [31, с. 103].

Церковный историк VI в. Евагрий ограничился тем, что дал сокращенную версию Прокопия о восстании [21, IV, 13].

Небольшой рассказ о восстании Ника есть и в «*Excerpta de insidiis*» императора Константина Багрянородного [22, с. 172]. По мнению Дж. Бьюри, этот отрывок восходит к «Хронографии» Иоанна Малалы

[149, с. 96—98]. Однако при чтении пассажа Константина Багрянородного бросаются в глаза следующие обстоятельства: некоторые факты у него изложены ближе к рассказу Прокопия, нежели Иоанна Малалы (сцена разгрома восстания, количество погибших в восстании и т. д.), а некоторые словосочетания удивительным образом напоминают текст «Хроники» Георгия Амартола, например:

у Константина
Багрянородного
[22, с. 172]:

ἀντιῆραν
αὐτῷ ὁ δῆμος τῶν ἐγομένων
πρασινοβενέτων
καὶ πολλὴν ἀταξίαν καὶ
ἄλωσιν ἐν τῇ
Κωνσταντίνου
πόλει ἐποίησαν

у Георгия Амартола
[24а, с. 628—629]:

καὶ ὁ δῆμος ἀντάρας
τὸ λεγόμενον πρασινοβένετον
καὶ πολλὴν
ἀταξίαν καὶ ἀρπαγὴν
καὶ σφαγὴν καὶ ἐμπρησμὸν
ἐν τῇ πόλει ποιήσαντες

По всей видимости, автор «Эксцерптов», взяв за основу текст «Хронографии» Иоанна Малалы, использовал при описании восстания и другие известные ему исторические сочинения.

Весьма существенное место отведено восстанию Ника в «Сокращенной истории» Иоанна Зонары (первая половина XII в.) [28, с. 152—156]. Правление Юстиниана (в котором он, по всей вероятности, видит известную аналогию с правлением Алексея I Комнина) описано Иоанном Зонарой весьма тенденциозно. Его главным руководством явилась в данном случае «Тайная история» Прокопия.

Повествование Иоанна Зонары о восстании Ника занимает промежуточное место между рассказом Прокопия и изложением хронистов (Иоанна Малалы, автора «Пасхальной хроники», Феофана). С сочинениями последних «Сокращенную историю» Иоанна Зонары сближает фактический материал, с рассказом Прокопия — стремление дать живые картины восстания. Но если у Прокопия красочность изложения сочетается с исторической достоверностью, то Иоанн Зонара прибегает и к искажению фактов. Для своего описания он создал схему, которая не вполне соответствует реальным событиям. По словам Иоанна Зонары, начавшееся в столице волнение Юстиниан пытался подавить двумя способами: вооруженной силой варваров-наемников и уговорами — клятвой, данной им народу на ипподроме 18 января [28, с. 153, 155]. В действительности же все было значительно сложнее. Схематично описал Иоанн Зонара и пожары, объединив их все в один [28, с. 154—155].

Но, пожалуй, более всего его рассказ отличается от других источников тем, что автор его откровенно становится на сторону восставших константинопольцев, возмущенных тем, что император призвал против них «мойру варваров» [28, с. 153—154]. Сражение между варварами-наемниками и горожанами поставлено у Иоанна Зонары в центр повествования. В его изложении, именно из-за поведения варваров мятеж принял столь грандиозные размеры. Иоанн Зонара винит их и в разыгравшемся пожаре [28, с. 154], от которого погибли «красота и блеск города» [28, с. 152]. Изложение Иоанна Зонары интересно главным образом тем, что оно показывает, как народное движение эпохи Юстиниана было переосмыслено в духе своего времени хронистом эпохи Комнинов.

Подводя итог характеристике свидетельств источников относительно восстания Ника, можно сказать следующее. Хотя данные историков и хронистов об этом событии (порой противоречивые, но в то же время и дополняющие друг друга) дают возможность с той или иной степенью достоверности представить себе ход восстания и состав его участников, их явно недостаточно, чтобы выявить с необходимой полнотой причины восстания и мотивы, побудившие различные слои константинопольского населения принять в нем участие. Свести причины этого широкого народного движения лишь к злоупотреблениям Иоанна Каппадокийского было бы явным упрощением хотя бы потому, что после его смещения на второй день восстания оно, разгоревшись вновь, бушевало еще целых пять дней. Наконец, указанные выше свидетельства источников не позволяют изучить последствия восстания Ника и его место среди других народных движений VI в.

Поэтому при работе над историей восстания Ника невозможно было ограничиться лишь теми данными, которые содержатся в источниках непосредственно о нем. Возникла необходимость широко использовать все доступные материалы по истории Византии VI в. В ходе изучения особенностей экономического развития Константинополя в начале VI в., социальной структуры его населения, социальных связей, роли народных масс, а также анализа последствий восстания Ника и того места, которое ему принадлежало среди других народных движений эпохи Юстиниана, были использованы: «Свод гражданского права», житийная литература, акты поместного собора 536 г., папирусы, переписка папы Гормизды и, разумеется, сочинения названных выше историков и хронистов — в той мере, в какой они осве-

щают не только восстание Ника, но и византийскую эпоху VI в. в целом, а также ряд других (например, сочинения Феодора Чтеца, Агафия, Феофилакта Симокатты, Виктора Тоннененского, Иешу Стилита и др.).

Глава I

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ В НАЧАЛЕ VI в.

Не будет преувеличением сказать, что история Константинополя есть история самой Византийской империи. Город на берегу Босфора стал центром политической жизни империи с начального периода оформления Византии как самостоятельного государственного образования, и это во многом определило его дальнейшее развитие. Присутствие императорского двора, сановной аристократии и многочисленных государственных чиновников ставило Константинополь в особое положение по сравнению с другими городами ранней Византии. Являясь в то же время значительным экономическим центром, он по своему типу принадлежал к крупным городам (μεγαλόπολεις) [132], но среди подобных городов в VI в. лишь Александрия

могла соперничать с ним как культурный центр и крупный торговый город, в то время как Антиохия и Рим уже значительно ему уступали [176, с. 112].

Константинополю посвящена богатая литература. Немало работ написано о его топографии,¹ его изучают как важный центр экономической, политической и культурной жизни империи [295; 178; 212]:² исследуются состав [136, с. 11—45] и численность проживавшего в нем населения [225, с. 81—109], вопросы снабжения города хлебом и водой, развлечения, жилищная проблема и т. п. [86, с. 115 и сл.; 235, т. II, с. 695 и сл.; 145, с. 54—63].

Нельзя не признать, однако, что экономическая история Константинополя VI в., как, впрочем, и более раннего времени, еще ждет специального исследования. Хозяйственная жизнь столицы того периода по традиции либо рассматривается в контексте общей экономической истории Византии VI в., либо используется в качестве сравнительного материала при изучении более поздней эпохи.

Так, Н. В. Пигулевская, характеризуя ремесло и торговлю ранней Византии, привлекает и материал,

¹ Наиболее важные исследования в этой области: [227, 228; 203]. История Константинополя главным образом в отношении топографии и архитектуры рассмотрена в следующих изданиях [308; 257; 224].

² Как центр торговой, политической, культурной и интеллектуальной жизни Византии рассматривает Константинополь Х. Хунгер [219, с. 41 и сл.]. По мнению исследователя, это был город, в котором легко можно было сделать карьеру и который притягивал провинциалов как магнит [219, с. 49]. Константинополю, ставшему в сознании жителей Востока их новым центром, заменившим Рим, посвящена работа Г.-Г. Бека [135]. Становление Константинополя как столицы империи рассмотрено в фундаментальном исследовании Ж. Дагрона [170].

относящийся к Константинополю [77; 81; 79]. Торговые связи столицы, пошлины, монополии, масштабы использования рабского труда нашли свое отражение в работах З. В. Удальцовой [54, с. 228—245; 107; 106]. Г. Л. Курбатов, рассматривая особенности развития ранневизантийского города в целом и выясняя специфику развития крупных городов империи, уделил значительное внимание и Константинополю, его ремесленному производству, положению отдельных групп ремесленников, торговле с другими городами и странами [54, с. 106—110; 63; 64, с. 80 и сл.]. Ряд вопросов ремесла и торговли Константинополя затрагивает в своих работах И. Ф. Фихман. Особый интерес представляют его наблюдения о государственных мастерских [112, с. 144 и сл.].

Активно использовал материал, относящийся к Константинополю VI в., М. Я. Сюзюмов в разрабатывавшихся им в весьма широком хронологическом аспекте концепциях рабства, наемного труда, предпринимательства, экономики пригородов крупных городов в Византии [91; 90; 94; 96]. Много ценных конкретных замечаний по экономике Константинополя VI в. сделано М. Я. Сюзюмовым и в его комментарии к «Книге епарха» [6, с. 101 и сл.].

Среди довольно многочисленных зарубежных исследований по истории византийского города, имеющих непосредственное отношение к экономической истории Константинополя, следует назвать в первую очередь известную работу Э. Кирстена [243] и статью общего характера Ф. Дэльгера [176, с. 107—139]. Вопросы управления государственными мастерскими, налогообложения, сбора пошлин, монополий рассмотрены И. Караяннопулосом [239, с. 60—61, 71, 168, 179—180, 235 и т. д.]. Степень применения рабского и

свободного труда в ремесле исследовалась в статьях И. Хана [207, с. 31 и сл.] и А. Джонса [236, с. 13—14]. Внимание А. Джонса привлекли также оружейные мастерские Константинополя и организация торговли шелком [235, т. II, с. 834 и сл., 862]. О производстве шелка и чеканке монет писал Р. Лопес [255; 251]. Торговые связи Константинополя анализировались в работах А. Льюиса [249, с. 3—53], Л. Бульнуа [141, с. 119—120, 138—141], И. Миллера [271, с. 119, 149—150]. Организация морской торговли рассмотрена Ж. Руже [288]. Таможне и таможенным сборам в Константинополе VI в. посвящена статья Э. Арвейлер [122] и один из разделов монографии Э. Антониадис-Бибику [125, с. 75—95].

Все эти исследования, бесспорно, имеют большое значение для изучения экономики Константинополя ранневизантийского времени. Тем не менее назревает, по-видимому, необходимость в комплексном исследовании экономической истории столицы VI в. с использованием того значительного материала, который содержится в *Corpus Juris Civilis*, житиях святых и других источниках.

Не ставя перед собой столь обширной задачи, которую можно решить лишь в рамках специальной монографии, мы в данной главе все же попытаемся дать по возможности полную картину экономического развития Константинополя в начале VI в., сосредоточив главное внимание при этом на тех кардинальных особенностях этого развития, которые предопределили политику Юстиниана в первые годы его правления и, таким образом, оказались одной из непосредственных причин восстания Ника.

То, что Константинополь VI в. был одним из крупнейших городов империи и являлся значительным центром ремесла и торговли, до недавнего времени считалось фактом бесспорным и общепризнанным. Тем не менее А. Джонс, автор фундаментальной работы по истории Поздней Римской империи, выступил с утверждением, что Константинополь IV—VI вв. не имел важных отраслей ремесленного производства и, несмотря на выгодное географическое положение, не являлся торговым центром. Своим блеском и величием город был обязан, по мнению исследователя, исключительно присутствию двора и правительства [235, т. II, с. 688]. Точка зрения А. Джонса при всей своей оригинальности едва ли имеет под собой серьезные основания и, более того, явно противоречит источникам.¹ Уже как резиденция императора столица располагала целым рядом ремесленных мастерских, которые удовлетворяли нужды двора. Согласно Кодексу Юстиниана, в Константинополе существовали ткацкие мастерские по производству льна (*linyphia*) [17, XI, 8 (7), 13, 14; XI, 9 (8), 2], шерсти и шелка (*gynaecia*) [17, XI, 8 (7), 2; XI,

¹ Сам А. Джонс, характеризуя торговлю и ремесло ранней Византии, упоминает об оружейных мастерских столицы [235, т. II, с. 835] и называет ее крупнейшим шелковым рынком [235, т. II, с. 862]; ср. [232, с. 192], где автор говорит об одном крупном константинопольском торговце одеждой. Парадоксальную точку зрения А. Джонса можно объяснить лишь тем, что, будучи историком античности, он смотрел на Константинополь так, как смотрели на него современники превращения маленького Византия в имперскую столицу, видя в нем прежде всего город-выскочку, а также тем обстоятельством, что Константинополь как столица складывался постепенно, отстаивая свое право на первенство в империи в упорной борьбе с Александрией и Антиохией.

9 (8), 1],¹ красильные мастерские (*baphia*) [17, XI, 8 (7), 2; XI, 9 (8), 3—5], мастерские по производству предметов роскоши [17, XI, 9 (8), 2]. К тому же столица обслуживала нужды не только двора, но и всего государства, производя оружие [33, нов. 85] и чеканя монету [33, эдикт XI, гл. I].

Все эти мастерские являлись государственными и находились под особым контролем правительства. Работавшие в них ремесленники образовывали государственные корпорации (*δημοσία σωματεία*), в которые мог попасть далеко не каждый. Для того чтобы стать членом подобной корпорации, необходимо было достичь определенного возраста, обладать способностями к ремеслу и, сверх того, происходить из семьи такого же ремесленника — члена корпорации (...ἐκ γένους ὧν τοιοῦτου καὶ ἡλικίας καὶ τέχνης ἐστὶν ἐπιτήδειος) [17, XI, 8 (7), 16].²

¹ И. Караяннопулос и А. Джонс относят понятие «гинекей» только к мастерским по производству шерстяных тканей и одежды [239, с. 60; 232, с. 183 и сл.; 235, т. II, с. 836]. Производство шелка, по мнению А. Джонса, было организовано иначе, нежели изготовление шерсти [235, т. II, с. 862]. Между тем специалисты, изучающие организацию производства шелка в Византии, относят понятие «гинекей» в первую очередь к мастерским, изготавливающим шелк [255; 84, с. 4; 80, с. 227; 79, с. 85; 141, с. 140—141]. Об изготовлении шелковых одежд гинециариями содержатся сведения и в Кодексе Юстиниана: *Auratas ac sericas paragaudas auro intextas viriles privatis usibus contexere conficereque prohibemus et a gynaeceiariis tantum nostris fieri praecipimus* [17, XI, 9 (8), 1]. По всей видимости, прав Дж. Уилд, который относит понятие «гинекей» и к мастерским по изготовлению шерсти, и к мастерским, производящим шелк [321, с. 650, 661—662].

² В литературе по поводу этой статьи Кодекса существует довольно оживленная дискуссия. Закон этот точно не датирован и является извлечением из «Василик» (LIV, 16, 16). В начале 40-х годов Р. Лопес высказал предположение, что эта статья от-

Но, раз оказавшись в государственной корпорации, ремесленник навсегда прикреплялся к ней, и его не могло освободить даже получение какого-либо звания

носятся ко времени не Юстиниана или его предшественников, а Ираклия [252, с. 459—461; 255, с. 5 и сл.; 251, с. 7 и т. д.]. Однако это положение встретило возражения Ф. Дэльгера и его ученика Б. Зиноговица, что побудило Р. Лопеса вновь выступить в защиту своей точки зрения. Сущность его доводов сводится к следующему: 1) законы, приведенные в Кодексе Юстиниана, прикрепляли работников к их мастерским, недатированная же конституция, напротив, ограничивает возможность поступления в них; 2) конституция не упоминает о «комите священных щедрот», а говорит лишь об управителях провинций; 3) наказания, которые предусматриваются конституцией, нехарактерны для более раннего периода [254, с. 78]. В рецензии на эту работу Ф. Дэльгер вторично высказался против точки зрения Р. Лопеса, исходя из других, но весьма существенных факторов. В «Василики», отмечает Ф. Дэльгер, не включались новеллы, изданные в период между правлением Тиверия II и Льва VI. Стиль спорной конституции также, по его мнению, больше свойствен Юстиниану либо его предшественникам [177, с. 224].

Доводы, как мы видим, носят формальный характер, но они очень важны, поскольку содержание конституции едва ли в данном случае можно приводить как аргумент: само по себе оно может служить отражением той или иной политики императора. К тому же законы Кодекса и указанная конституция не столь уж несовместимы. В своей совокупности они могут просто-напросто означать, что государственные корпорации являлись закрытыми учреждениями, попасть в которые было столь же сложно, сколь и выбыть из них [141, с. 140]. Меры по ограничению вступления в корпорацию скорее всего были вызваны тем, что разорившиеся слои населения, в частности куриалы [33, нов. 38, гл. VI], стремились в поисках средств к существованию проникнуть в иные социальные слои, в том числе и в состав ремесленников государственных мастерских, тем самым увеличивая число неквалифицированных работников. Государство же было заинтересовано в сохранении определенного числа ремесленников достаточно высокой квалификации, и относящиеся к государственным мастерским постановления имеют в виду именно их.

(...nec dignitatis cuiuscumque privilegio ab huiusmodi conditione liberari) [17, XI, 8 (7), 1]. Лишь в случае, если работник подыскал себе подходящую замену, он мог освободиться от своего занятия [17, XI, 8 (7), 13].

В мастерских, производящих шерстяную и шелковую одежду, гинециариями работали целые семьи; свободная женщина, вышедшая замуж за гинециария, разделяла положение мужа [17, XI, 8 (7), 13].

Первоначально ткачеством занимались только женщины, свободные и рабыни, на женской половине дома (отсюда и название «гинекей»). Со временем, однако, ткачество, особенно шелковых тканей, стало преимущественно мужским занятием [255, с. 6, примеч. 3; 321, с. 659; 112, с. 37—38]; женщины, по всей видимости, выполняли менее квалифицированную работу, поскольку в случае их укрывательства полагался меньший штраф, чем за ремесленника-мужчину [255, с. 6]. Вопрос о разделении труда в шерстяных мастерских пока еще неясен. Известно лишь, что в более ранний период мужчины готовили волокна, а женщины их пряли. Льяную же одежду ткали женщины [321, с. 659].

Положение, в котором находились жены гинециариев, не было характерным для жен работников других государственных мастерских. Во всяком случае, женщина, вышедшая замуж за монетария, не теряла своей свободы (*Edicimus, ne qua mulier splendidioris gradus monetarii adhaerens consortio decus nativae libertatis amittat* [17, XI, 8 (7), 7]). Стремясь удержать ремесленников в государственных мастерских, правительство издает ряд соответствующих постановлений, которые сурово наказывали лиц, укрывавших беглых ремесленников. За сокрытие беглого гинециария (ex

familia gynaecii) полагался штраф в пять либр золота, а раба-ткача — в три либры [17, XI, 8 (7), 5, 6],¹ что намного превышало стоимость раба, знающего ремесло. Столь строгие меры были, по всей видимости, вызваны ростом частных мастерских по производству шерсти и шелка, хозяева которых в погоне за рабочими руками охотно принимали у себя бежавших из государственных мастерских ремесленников, а нередко просто санивали их.

Из приведенного выше текста закона [17, XI, 8 (7), 6] следует, что работниками государственных мастерских являлись рабы (*textrini nostri mancipia*). В конституции императоров Валентиниана, Феодосия и Аркадия, составленной в 389 г. и воспроизведенной в Кодексе Юстиниана, прямо говорится о существовании государственных рабских мастерских (...*si qui publicorum servorum fabricis...*) [17, VI, 1, 8]. Но наряду с рабами в этих мастерских было немало и свободных. К последним Р. Лопес относит монетариев, которые, по его мнению, получили свободу к середине III в. [251, с. 3]. А. Джонс считает свободными оружейников [232, с. 190], в то время как ткачи, красильщики, ловцы пурпуровых раковин являлись, по

¹ Qui *textrini nostri mancipia occultatione celaverit, ternis libris auri pro singulorum hominum suppressione plectetur*. Не вдаваясь в содержание этих двух законов, исследователи полагают, что в первом из них [17, XI, 8 (7), 5] также идет речь о рабах, как и во втором [255, с. 6, примеч. 3; 207, с. 31; 235, т. II, с. 836; т. III, с. 281, примеч. 30; 321, с. 656]. Странно, однако, чтобы за одинаковое преступление полагался разный штраф. Думается, это можно объяснить тем, что термин *familia gynaecii* в данном случае не относится к рабам, скорее всего речь здесь идет о свободных людях. О применении термина *familia* к свободным см. [172, с. 8; 112, с. 61, примеч. 333].

его мнению, рабами [232, с. 189; 235, т. II, с. 836] (ср. [255, с. 4]).

Среди оружейников и монетариев, несомненно, имелись свободные люди. Едва ли были рабами те монетарии, которые получили какое-либо звание (*dignitas*), на что справедливо указал И. Хан [207, с. 31].¹ Но вряд ли полностью правомерно предложенное Р. Лопесом и А. Джонсом разделение ремесленников государственных мастерских на рабов и свободных в зависимости от их ремесла. Известно, что среди оружейников и монетариев были не только свободные, но и рабы, которые образовывали там особые группы [207, с. 33; 68, с. 29—33]. С другой стороны, ловцы пурпуровых раковин (*murileguli*), получившие звание (*dignitas*), определенно были свободными [207, с. 31]. Разумеется, не становились рабами и те куриалы, которые начали заниматься ловлей пурпуровых раковин [33, нов. 38, гл. VI].²

Таким образом, среди ремесленников государственных мастерских могли быть и свободные, и рабы.

¹ Монетарием некогда был, например, Иоанн Постник, патриарх времен Юстина II, Тиверия и Маврикия [39, с. 7]. И. Хан предложил другую классификацию ремесленников государственных корпораций — в зависимости от их экономического и военного значения. Спорность такой точки зрения отмечена И. Ф. Фихманом [112, с. 143, примеч. 107].

² Р. Лопес полагает, что речь идет не о ловцах раковин, а о красильщиках [255, с. 5], но он применяет этот термин (*murileguli*) и по отношению к ловцам пурпуровых раковин [255, с. 10]. В словарях текст этой новеллы [33, нов. 38] понимается по-разному. Одни [298, с. 671] полагают, что речь идет о красильщиках, другие [250, с. 966] — о ловцах раковин. И. Хан [207, с. 31] и А. Джонс [235, т. II, с. 836] считают *murileguli* ловцами пурпуровых раковин.

В литературе последних лет наблюдается тенденция к отождествлению фактического положения свободных и рабов государственных мастерских. А. Джонс, например, считает этих рабов *de facto* свободными. Он отмечает, что рабы могли жениться, иметь семью, собственность [232, с. 189].¹ Однако положение рабов государственных мастерских в данном случае ничем не отличалось от положения других категорий рабов, и их право на семью и собственность являлось не столько показателем их фактической свободы, сколько отражением эволюции института рабства в целом [107, с. 20—27; 69, с. 66—67].

К точке зрения А. Джонса близок И. Хан, который полагает, что и рабы, и свободные работники государственных мастерских образовывали некую единую правовую категорию [207, с. 32]. Но, как справедливо отметил И. Ф. Фихман, свободные продолжали оставаться юридически свободными, а рабы—рабами, что, несомненно, сказывалось в конкретных жизненных ситуациях [112, с. 61—62, примеч. 333].

¹ В качестве дополнительного довода А. Джонс указывает на возможность для ловцов пурпуровых раковин получать звание [235, т. II, с. 836]. Но, как уже отмечалось, речь в данном случае может идти только о свободных людях. Сомнительным кажется и утверждение А. Джонса о том, что *murileguli* занимали достаточно высокое положение, поскольку куриалы старались попасть в их ряды [235, т. II, с. 836]. Сам А. Джонс считает куриалов единым сословием лишь в юридическом плане; в социальном же и экономическом оно могло объединять людей самого разного положения. В качестве примера автор называет некоего куриала, который был неграмотным ткачом и обедал вместе со своими работниками [235, т. II, с. 737]. Об окончательном размежевании сословия куриалов на богатых и бедных см. [69, с. 147—148].

Как бы то ни было, положение и тех и других было весьма тяжелым, и включение в Кодекс Юстиниана статей, закреплявших ремесленников за государственными мастерскими и сохранявших принудительное наследование ремесла, свидетельствует о том, что император намеревался сохранить в городах Византии, и в первую очередь в Константинополе, слой бесправных перед лицом государственной власти и постоянно терпевших угнетение и унижение ремесленников.

Государственные мастерские находились в ведении высоких должностных лиц. Так, ткацкие и красильные мастерские, монетный двор контролировались комитом священных щедрот [17, XI, 8 (7), 5, 11, 12, 13, 14; 9 (8), 1, 4, 5; 239, с. 60—61; 321, с. 652]. Во главе гинекеев и вафий (красильных мастерских), а также мастерских, чеканивших монету, стояли особые прокураторы (*procuratores gynaeciorum, procuratores baphiorum, procuratores linyfiorum, procuratores monetarium*) [17, XI, 8 (7), 2, 14; 32, с. 30; 239, с. 60—61]. Они занимали свою должность не более двух лет и осуществляли функции представительства; технической стороной дела руководили лица, избранные из числа самих ремесленников [321, с. 652—654].

Прокураторы гинекеев и вафий получали свою должность, уплатив особый сбор — суффрагий (*...suffragiis abstineant, per quae memoratas administrationes adipiscuntur*) [17, XI, 8 (7), 2]. Это давало возможность получить должность прокуратора самым различным людям. В законе от 333 г. говорилось о прокураторах, которые присваивают имущество императора (*per quos et privata substantia nostra tenuatur*) и по вине которых во время окраски портятся изделия, сотканые гинекциариями. Нередко прокураторы, получив должность,

уклонялись от уплаты полагающейся суммы (*suffragiis abstineant*). В этом случае закон предписывает нерадивых прокураторов предать казни (*gladio feriantur*) [17, XI, 8 (7), 2].

Это постановление, столь явно свидетельствующее о злоупотреблении чиновников своим положением, не потеряло злободневности и в VI в., найдя свое место в Кодексе Юстиниана. Воспроизведение данного рескрипта в «Своде гражданского права» показывает вместе с тем, что правительство Юстиниана стремилось сохранить, а по возможности и усилить жесткую регламентацию и контроль над государственными мастерскими, в частности над производством шерстяной и шелковой одежды. Производство одежды из высокосортного шелка и окраска тканей в любые оттенки пурпура вообще были объявлены прерогативой государства и запрещались частным лицам; им также не разрешалось ношение и производство некоторых видов драгоценностей. По закону императора Льва, приведенному в Кодексе Юстиниана, не разрешалось украшать жемчугом, изумрудами и гиацинтами пояса, уздечки и седла. Военную одежду вообще нельзя было украшать чем-либо, кроме золота. За нарушение закона полагался штраф в 50 либр золота. Украшения, предназначенные специально для императора, изготовляли дворцовые ремесленники (*artificii palatini*), их запрещалось производить в частных домах или мастерских. Нарушение закона каралось штрафом уже в 100 либр золота [17, XI, 12 (11)].

На практике, по-видимому, эти законы (судя хотя бы по тому, что они переиздавались) нередко нарушались. В «Тайной истории» Прокопий упрекал статистиотов за то, что они носили одежду значительно более пышную, чем это требовало их положение [35,

т. III, VII, 11]. Включая указанные конституции в свой Кодекс, Юстиниан, по всей вероятности, хотел (как и тогда, когда он запрещал укрывательство и смиривание государственных ремесленников) сдерживать частное производство дорогих тканей и особого рода драгоценностей и таким путем укрепить силу и авторитет императорской власти.

Под контролем государства находилось и производство оружия, хотя и в этой сфере случались отклонения от закрепленных законом норм. Во всяком случае, из вышедшей вскоре после восстания Ника новеллы 85 явствует, что ремесленники не всегда сдавали изготовленное оружие в государственный арсенал, но иногда продавали его частным лицам. Оружие производилось в различных городах империи как в государственных мастерских (*fabricae*), так и отдельными ремесленниками (баллистариями и др.) [33, нов. 85, гл. II—III]. Свои оружейники имелись, по всей видимости, и в военных лагерях и крепостях.¹ Одним из основных центров производства оружия в VI в. являлся Константинополь, где изготовлялись самые разнообразные его виды — луки, мечи, копья, стрелы, щиты, шлемы и т. д. [33, нов. 85, гл. IV]. Как полагает Э. Арвейлер, в Константинополе делали и вооружение для военных судов [121, с. 424].

В производстве оружия существовал определенный стандарт (хотя он временами и нарушался, насколько это явствует из гл. II 85-й новеллы), должны были соблюдаться и определенные количественные нормы. Так, до 374 г. в Антиохии один барбарикарий делал за месяц шесть бронзовых шлемов и украшал восемь

¹ Ср. для более раннего периода [260, с. 30—31].

шлемов серебром и золотом, в то время как константинопольский барбарикарий делал шесть шлемов и украшал три; законом 374 г. предписывалось, чтобы константинопольские мастера выполняли ту же норму, что и антиохийские [235, т. II, с. 835].

Так же как и ремесленники других государственных мастерских, оружейники навсегда прикреплялись к своей профессии. Чтобы помешать их побегу, им выжигали на руке особые знаки — стигматы [17, XI, 10 (9), 3].

Оружейные мастерские находились в ведении магистра официй [17, XI, 10 (9), 2, 3, 6, 7; 33, нов. 85; 138, с. 87; 165]. Непосредственным начальником мастерской являлся примикерий (*primicerius fabricae*), который через два года службы, получив в качестве вознаграждения почетную должность протектора, освобождался от прежней обязанности [17, XI, 10 (9), 2; 235, т. II, с. 835]. Максимальный срок службы для примикерия оружейной мастерской, как мы видим, был таким же, что и для прокураторов шелкоткацких и прочих государственных мастерских. Ограничения в сроках их деятельности были, по всей видимости, вызваны стремлением избежать столь частых в те времена злоупотреблений должностью.

Помимо указанных выше мастерских в Константинополе имелись государственные хлебопекарни (*pistrina publica*), где выпекался хлеб из привезенного из Египта зерна. По данным *Notitia dignitatum*, в столице насчитывалось 120 пекарен [32, с. 243].

Весьма развито было в Константинополе судостроение — как государственное, так и частное. VI век явился периодом интенсивного развития кораблестроения на верфях византийской столицы. Значительный флот пришлось создать императору Анастасию, чтобы

успешно противостоять мятежному Виталиану, который располагал 200 судами [249, с. 19—20]. Еще больше кораблей требовалось Юстиниану, готовившемуся к обширным завоеваниям на Западе. Значительного количества судов требовали и возросшие масштабы перевозок хлеба для снабжения Константинополя.

В столице были две крупные судостроительные верфи: одна — в Неории, другая — в XIII регионе (в северной части Золотого Роба), т. е. там, где в *Notitia dignitatum* обозначена *navalia*. Эта верфь позднее получила название ἑξάρτουσις и стала служить исключительно для создания государственного, точнее, военного флота [121, с. 429—432].¹

В Константинополе имелись и специальные мастерские для изготовления весел — та κωλάρια. Как полагает Р. Гийан, во времена Юстиниана они располагались на месте старого порта Византия — Неория [203, т. II, с. 131].² Подобные мастерские были, по всей вероятности, и в Сиках, где существовал квартал, называемый та κωλάρια [33, нов. 159, предисл.].

Наряду с государственными мастерскими в Константинополе имелось множество рассеянных по всем 14 регионам города мастерских свободных ремеслен-

¹ В отличие от Э. Арвейлер, Р. Жанен и Р. Гийан отождествляют ἑξάρτουσις с верфью Неория [227, с. 235—236; 203, т. II, с. 131]. ἑξάρτουσις XIII региона, по мнению Р. Жанена, являлась местом, где корабли оснащались вооружением [227, с. 236].

² В отличие от Р. Жанена, считающего, что у Золотого Роба было два порта — Неорий и Portus Prosphorianus [227, с. 235], Р. Гийан полагает, что под Неорием хронисты подразумевали порт Προσφόριος, в то время как прежний порт Неорий уже прекратил свое существование и был переделан в верфь [203, т. II, с. 131].

ников [33, нов. 43]. Сколь велико было их общее число, можно заключить на основании некоторых данных, приведенных в законодательстве. Из 43-й новеллы Юстиниана мы узнаем, что от каждой торгово-ремесленной корпорации выделялось определенное количество мастерских (эргастриев), доходы от которых шли на нужды главной церкви Константинополя — храма св. Софии. От уплаты налогов государству эти эргастрии, точнее, их владельцы-ремесленники, учитывая их обязанности, были освобождены. А насчитывалось их 1100 [33, нов. 43, предисл.]. Кроме того, торгово-ремесленные корпорации поставляли определенное количество лиц, обеспечивавших пожарную охрану Константинополя, — так называемых коллегатов. Находились они в 13 регионах столицы, и, по данным *Notitia dignitatum*, их было 560 [32, с. 243]. Ко времени Юстиниана коллегаты насчитывали уже 563 человека [17, IV, 63, 5].¹ Как и владельцы упомянутых выше 1100 эргастриев, коллегаты также не платили налогов. Насколько же велико было общее число эргастриев столицы, если только освобожденных от государственных податей лавок и мастерских насчитывалось 1663! Можно с полной очевидностью утверждать, что Константинополь стал к тому времени подлинным центром свободного ремесла.

¹ Н. В. Пигулевская считает, что эти 563 человека (*collegati*) составляли отдельную корпорацию, и на основании этого закона делает выводы о положении корпораций вообще [79, с. 66]. То, что речь идет о представителях разных корпораций, ясно хотя бы из следующих слов: «...in eorum locum, quos humani subtraxerint casus, ex eodem, quo illi fuerant, corpore subrogentur...» (Ср. [32, с. 230]). См. также [320, с. 128; 86, с. 274, примеч. 64].

Разнообразен и обширен был круг ремесел, где показывали свое умение многочисленные свободные ремесленники византийской столицы. Были в Константинополе мастерские по обработке металлов, о чем свидетельствует 85-я новелла, в которой, в частности, говорится об изготовлении в столице ножей [33, нов. 85, гл. IV]. В «Чудесах св. Артемия» упоминаются χαλκεύς и χαλκοτύπος, причем в первом случае речь определенно идет о кузнеце, в мастерской которого, находившейся в портике Домнина, имелись горн, мехи, молот и наковальня [43, с. 36—39].

Одним из основных видов ремесла в Константинополе являлось, по всей вероятности, ткацкое производство. Уже само существование запретов на изготовление одежды из высокосортных тканей частным лицам, а также законы против укрывательства и смазывания свободных ремесленников и рабов-ткачей государственных мастерских по выделке шерстяных и шелковых тканей говорят о наличии в городе и частных ткацких эргастириев. О существовании в Константинополе частных ткацких мастерских, в которых использовался труд наемных рабочих, прямо говорится в житии св. Авксентия [45, кол. 1384].

Гончары, работавшие в столице, изготавливали разнообразные керамические изделия, часть которых дошла до наших дней.

Были в Константинополе кожевники (οἱ βυρσεῖς), об одном из которых упоминается в «Чудесах св. Артемия» [43, с. 36—37]. Изготовлением обуви занимались οἱ ζαγγάριοι, располагавшиеся в особом квартале — τὰ ζαγγάρια, о чем поведал нам Феофан [41, с. 181].¹

¹ По мнению А. П. Рудакова, οἱ ζαγγάριοι являли собой особый вид ремесленников, изготавливавших обувь. Обычно же

Обитали в столице и скорняки, квартал которых (τὰ γορνάρια) находился недалеко от Августеона [16, с. 623].

На высоком уровне стояло ювелирное дело. В Константинополе было немало искусных мастеров по золоту, позолоте, драгоценным камням [17, X, 64, 1].

Положение столицы предъявляло высокие требования к масштабам и качеству строительного дела в Константинополе. Правда, в конце V — начале VI в. общественное строительство не имело такого размаха, как в эпоху Феодосия II, однако частное строительство велось в это время весьма интенсивно. На средства знати возводились церкви, монастыри, странноприимные дома и, конечно, особняки [41, с. 151; 132, с. 9, 12—13; 170, с. 512—513].

В строительстве широко применялась система подрядов, являвшаяся наиболее распространенной формой наемного труда в Византии [95, с. 34—37]. Подрядчик обычно обговаривал все условия с работодателем, а затем набирал нужных ему работников. Он мог быть влиятельным лицом и, как правило, действовал через нескольких субподрядчиков, бравшихся за выполнение определенных частей или видов работы. Многогранность работ при выполнении сложных подрядов, таких как постройка церкви или дворца, требовала привлечения мастеров самых различных специальностей, притом высококвалифицированных: проектировщиков и планировщиков, инженеров, скульпторов, мозаичистов, лепщиков по гипсу, камнерезов и, наконец, непосредственно строителей — каменщиков, маляров, плотников и т. д. Кроме того, в работу вовлекалась

этим занимались σκυτότομοι [86, с. 145—146]. Сведения о них, однако, относятся к более позднему времени.

масса чернорабочих поденщиков, которых набирали из пришлого, в основном крестьянского, населения [95, с. 43—44].

Система строительного дела была тщательно разработана, а корпорации строителей пользовались определенным влиянием. Из закона 483 г. известно, что мастера строительного дела (*artifices*), подрядчики (*ergolabi*), а также специалисты по другим работам (*professores*), в том числе строители бань, заключали между собой соглашения, запрещавшие перехватывать данный кому-либо заказ и вообще выполнять работу, уже порученную другому [17, IV, 59, 2 (1)].

По-видимому, строители пытались подчас оказывать давление на работодателя, бросая начатую ими работу, в то время как другие строители в силу указанных выше соглашений отказывались продолжать ее [17; VIII, 10, 12, § 9]. Очевидно, вследствие этого закон Зинона, воспроизведенный в 531 г. в Кодексе Юстиниана, строго запрещал подрядчикам и строителям (*τινὰς τῶν ἐργολάβων ἢ τεχνιτῶν*) оставлять начатое дело; получивший плату (*μισθός*) должен был выполнить работу до конца либо выплатить хозяину строившегося дома возмещение за понесенный убыток. Если же виновник оказывался несостоятельным, он подлежал телесному наказанию и изгнанию из города [17, VIII, 10, 12, § 9]. Суровые меры были приняты и по отношению к тем, кто не соглашался принимать на себя оставленное другими дело. «Тот же, — говорится в законе, — кто отказывается продолжить брошенную другим работу, мотивируя это тем, что ее начал другой, сам будет подвергнут подобному же наказанию, что и бросивший работу» [17, VIII, 10, 12, § 9].

Таким образом, свидетельствуя о наличии духа корпоративности среди строителей, этот закон вместе с тем демонстрирует откровенное недовольство государства усилением самостоятельности подобных корпораций и его явное стремление поставить их под более жесткий контроль.

Большинство эргастриев находилось в руках ремесленников, но многие принадлежали также аристократам, архонтам, кувикуляриям, церквам, странноприимным домам, и нередко ремесленники арендовали у них эти мастерские.

Обычно эргастрии располагались в портиках улиц и зданий и составляли длинную цепь лепившихся друг к другу небольших помещений [41, с. 235]. Однородные эргастрии в большинстве случаев размещались в одном и том же квартале, который принимал название соответствующего ремесла, например: τὰ ἀργυροπράτεια, τὰ χαλκοπράτεια, τὰ γουναρία [16, с. 623; 41, с. 182, 184; 227, с. 95—96],¹ хотя это, по-видимому, не являлось обязательным. Так, один из аргиропратов, участник заговора 562 г., киликиец Маркелл, имел эргастрий не на Месе, где находились эргастрии его коллег, а возле церкви св. Ирины [22, с. 173].

Число эргастриев свободных ремесленников в Константинополе постоянно росло. Создавая в портиках свои незамысловатые лавочки-мастерские, ремесленники часто использовали доски и прочие случайные строительные материалы [279, с. 59], и, конечно, жалкий вид подобных строений не способствовал красоте города. Поэтому в конце V в. был издан императорский рескрипт (включенный в Кодекс Юстини-

¹ О названиях кварталов в зависимости от ремесла его обитателей в других городах см. [164, с. 178].

ана), в котором определялись принципы постройки ремесленных мастерских. Рескрипт требовал, в частности, чтобы эргастии, находившиеся в портиках зданий, не загораживали их колонн. Размеры мастерских, располагавшихся в портиках на главной улице города — Месе — от Милия до Капитолия, не должны были превышать в ширину шести футов (включая стены), а в высоту семи футов. Через каждые четыре колонны в портиках полагалось оставлять проход. Наружную стену эргастия предписывалось украшать мрамором, чтобы таким образом «придать красоту городу и доставить удовольствие прохожим» [17, VIII, 10, 12, § 1]. Устройство мастерских в портиках на других улицах столицы передавалось на усмотрение префекта города с соблюдением, однако, «равенства, с тем чтобы дозволенное одним кварталам не запрещалось бы другим» [17, VIII, 10, 12, § 1].

Ремесленники частных мастерских, как и государственных, образовывали корпорации, которые государство использовало в фискальных целях. За поступление налогов, как явствует из 43-й новеллы Юстиниана, отвечали старшины корпораций [33, нов. 43, гл. I, II]. Корпорация должна была уплачивать всю общую сумму налога, которая раскладывалась на отдельных ремесленников [33, нов. 43, предисл.].

Все корпорации свободных ремесленников, согласно Кодексу Юстиниана, находились в ведомстве префекта города [17, I, 28, 4],¹ однако Юстиниан, при-

¹ Н. В. Пигулевская [79, с. 66] считает, что корпорации находились в подчинении префекта претория — на том основании, что закон о них [17, IV, 63, 5] адресован якобы префекту претория Азцию. Но Азций в законе назван префектом не претория, а города. См. о нем [170, с. 266], там же — о датировке закона.

давая, по-видимому, особое значение некоторым из своих постановлений, касающихся ремесла и торговли, адресует их не префекту города, а своим ближайшим помощникам — префекту претория Востока Иоанну Каппадокийскому [33, нов. 59, 106 и т. д.] и комиту священных щедрот Петру Варсиме [33, эдикт VII].

Как уже было отмечено, Константинополь являлся не только центром ремесленного производства, но также важным центром торговли и крупным морским портом. Здесь существовали целые торговые ряды, например Артополий [227, с. 95—96]. Животных продавали на специальном скотном рынке.¹ Был в столице и особый рынок для привозных товаров, который первоначально находился на берегу Золотого Рога, а затем был перенесен в гавань Юлиана на Мраморном море [227, с. 235; 203, т. I, с. 81].² В столице имелось огромное количество разнообразнейших лавок и лавчонок, которые, как и ремесленные мастерские, назывались эргастириями, поскольку во многих из них продаваемые товары тут же и изготовлялись [33, нов. 43]. В «Чудесах св. Артемия» рассказывается о некоем свечнике (κηρουλάριος), владельце лавки в портике квартала τῆ Ἰορδάνου. Здесь он продавал воск и свечи, здесь же и изготовлял их, при случае переливая разбитые [43, с. 26]. После восстания Ника «в течение многих дней, — пишет автор „Пасхальной хроники“, — были открыты лишь те эргастирии, которые дают нуждающимся людям пищу и питье» [16, с. 628].

¹ В VI в. он находился недалеко от порта Просфорий [227, с. 236].

² По мнению Р. Жанена, рынок был переведен в гавань Юлиана при Юстиниане, по мнению же Р. Гийана — при Юстине II.

В городе торговали мясом [26, с. 482—483], вином [43, с. 45], рыбой, овощами, фруктами [31, с. 95], другими продуктами питания и, разумеется, изделиями местных ремесленников. Большого размаха достигла торговля предметами роскоши и дорогими тканями. В сгоревшем во время восстания Ника «Доме ламп», описанном Георгием Кедриным, шла торговля дорогими товарами, и прежде всего великолепными, расшитыми золотом тканями [24, с. 647]. Здесь при ярком свете ламп выставлялись дорогие туалеты для обозрения их столичными модницами.

Константинополь вел оживленную торговлю с другими городами и странами. На его улицах могли встретиться купцы из самых разных уголков империи; многие из них оставались здесь надолго в расчете на хорошие барыши. Иоанн Мосх рассказывает о том, как некий торговец из Александрии подолгу жил в столице, оставляя дома жену и ребенка [27, кол. 2928], а купец из Селевкии вел торговлю в Константинополе через посланное туда им доверенное лицо (πιστικός). Постоянно пребывали в столице купцы с Родоса и Хиоса [43, с. 5, 9, 55]. О благоприятных условиях торговли в столице свидетельствует и следующий эпизод: один житель Равенны, достав 300 солидов, решил заняться торговлей и с этой целью переехал в Константинополь [100, с. 126].

Константинополь находился в центре морских и сухопутных дорог, которые связывали его со многими областями империи (Сирией, Александрией, Малой Азией, Балканами), а также с различными отдаленными странами [201, с. 161 и сл.]. Здесь заканчивался торговый путь, идущий через Армению и Черное море [249, с. 10]. Город являлся одним из конечных западных пунктов путей праностей [271, с. 119, 149—

150]. К VI в. Константинополь стал одним из главных, если не самым главным портом Средиземного моря [288, с. 131].

До вступления на престол Юстиниана таможенных постов в городе не было и ввозимые в столицу товары пошлиной не облагались. Существовали лишь нерегулярные налоги, которые собирались при проверке проливов: 2% — для купцов из восточных областей и 8,33% — для навикуляриев Киликии по их выезде из Константинополя [239, с. 168; 122, с. 241]. Придя к власти, Юстиниан, который, по-видимому, на все вознамерился наложить свою твердую руку, учредил постоянные таможни в основных гаванях города — Авидосе и Иероне, — приказав собирать со всех товаров таможенную пошлину — октаву (12,5%),¹ приравняв, таким образом, Константинополь к пограничным таможенным пунктам империи. Пошлины собирались и в самой столице, если корабли почему-либо миновали Иерон или Авидос, а также когда товары поступали в город сухопутным путем [125, с. 91].

Торговля Константинополя с другими городами осуществлялась при посредничестве купцов и навикуляриев, перевозивших товары на своих судах. Императорский дом располагал своими собственными тор-

¹ По мнению Э. Антониадис-Бибику, таможни существовали в Константинополе по крайней мере со второй половины V в., и цифры, указанные в эдикте Анастасия (2 и 8,33%), означали обычные торговые пошлины [125, с. 75—94]. Юстиниан, как полагает исследовательница, лишь увеличил размер пошлин, доведя его до декаты (10%). О введении Юстинианом десятипроцентной пошлины говорила в свое время и Н. В. Пигулевская [79, с. 89]. Возражая ей, И. Караяннопулос отметил, что *δεκατέντιον* означает не пошлину, а саму таможню [239, с. 168]. Спорность понимания данного слова отмечена и Э. Антониадис-Бибику [125, с. 94—95].

говцами [17, IV, 63, 1]. Известны также торговцы, находившиеся на службе или в какой-то зависимости у могущественных лиц (*potiorum quoque homines*) [17, IV, 63, 1].

На складывание рыночных цен большое влияние оказывали корпорации крупных (оптовых) торговцев. Ограничения цен, введенные когда-то Диоклетианом, были, по-видимому, уже давно забыты. Оптовики улавливались между собой не продавать товар по цене ниже оговоренной. Насколько явствует из рескрипта Зинона, подобного рода соглашения заключались корпорациями крупных торговцев одеждой, рыбой, продуктами питания и другими товарами [17, IV, 59, 2 (1)]. Для того чтобы застраховать себя от возможных наказаний со стороны правительства, корпорации устанавливали контакты с чиновниками канцелярии префекта города, которым, по всей видимости, давали немалые взятки.

Закон императора Зинона, который Юстиниан считал необходимым включить в свой Кодекс, строго запрещал установление монопольных цен. За участие в сговоре такого рода налагался штраф в 50 либр золота. Чиновников канцелярии префекта, допускающих поправки торговым корпорациям, закон карал штрафом в 40 либр золота [17, IV, 59, 2 (1)].

VI век характеризовался относительно высоким уровнем товарно-денежных отношений. Это сказывалось не только в размахе внутренней и внешней торговли, но и в широком распространении разного рода финансовых операций: вкладов под проценты [17, IV, 32, 5], сдаче золота и серебра на хранение [17, IV, 33, 3], купле-продаже, совершаемой через третьих лиц (с уплатой залога или без него) [33, нов. 136, гл. III; эдикт VII, гл. VII; эдикт IX, предисл.], даче ссуд под

проценты или под залог [33, нов. 136, гл. IV; эдикт VII, гл. III; эдикт IX, гл. III—IV], гарантировании уплаты долга [33, эдикт IX, предисл.] и т. д. В столице почва для подобных операций оказалась более благоприятной, нежели в других городах империи.

Весьма заметное участие в такого рода сделках принимали представители столичной знати. Беззастенчиво пользуясь своим положением, они стремились извлечь максимально высокие прибыли из финансовых операций, подчас весьма сомнительного характера: брали деньги в долг, отдавая их затем в рост или покупая на них движимое и недвижимое имущество [33, нов. 136, гл. III, эдикт VII, гл. VII], а после отказываясь признавать долговые обязательства и всячески уклоняясь от уплаты долга [33, эдикт VII, гл. VII].

В городе процветало и ростовщичество. Проценты, которые ростовщики требовали со своих клиентов, сплошь и рядом превышали 20% суммы ссуды. Ненормальная ситуация, сложившаяся в этой сфере, побудила Юстиниана вскоре после прихода к власти ограничить размах ростовщичества. С этой целью он издал в 528 г. закон, согласно которому при заключении контрактов сенаторам разрешалось получать не более 4% прибыли в год, занимающимся ремеслом и торговлей — не более 8%, а прочим лицам — не более 6% прибыли в год [17, IV, 32, 26, § 2]. В особые условия ставились лишь операции, связанные с перевозкой товаров или перемещением кредитуемых лиц. Это были так называемые *trajecticia contracta*, при которых допускалось взимание с клиентов 12% [17, IV, 32, 26, § 2]. Однако и здесь имелись в виду лишь такие перемещения людей и товаров, которые были сопряжены с явной опасностью, в противном же случае

полагался обычный процент [17, IV, 33, 1, 2]. Если ссуженные деньги выплачивались не в оговоренный срок и не все сразу, проценты разрешалось удваивать, но превышать установленный максимум было категорически запрещено [17, IV, 32, 27—28].

Закон Юстиниана, по всей вероятности, вызвал недовольство как аристократии, так и торгово-ростовщических элементов и в определенной степени явился источником трений между ними и правительством в дальнейшем. На практике он вызвал ряд бесконечных споров между кредиторами и их должниками [33, нов. 106; эдикт IX].

Коммерческие и финансовые сделки совершались обычно при посредничестве третьих лиц — чаще всего аргиропратов (о них см. ниже).

Контракты оформлялись, как правило, специальными чиновниками — символогафами, составлявшими особую корпорацию [33, нов. 44, гл. IV]. Лишь при заключении соглашения на сумму меньше одной либры золота не требовалось соблюдения сложных формальностей [33, нов. 73, гл. XIII], однако и в этом случае соглашение обязательно составлялось в присутствии свидетелей [34, с. 5—6]. И все же правила не всегда соблюдались, а главное — не всеми. Во всяком случае, сделки, заключаемые аристократами (в первую очередь на получение долга или ссуды), сплошь и рядом оформлялись без свидетелей и не фиксировались чиновниками [33, эдикт VII, предисл.], в чем достаточно четко отражались сословные привилегии знати.

Характеризуя Константинополь начала VI в., следует остановиться и на той роли, которую играли в его экономике проастии — земельные владения, находившиеся как в предместьях столицы, так и в черте самого города. Часть Константинополя, окруженного

новой стеной Феодосия, оказалась незастроенной, и городская знать (служилого происхождения по преимуществу) охотно скупала свободные земли, создавая здесь свои поместья [132, с. 12—13]. Проастии приобретали и члены императорского дома. Так, у императора Анастасия был проастиий во Влахернах; именно туда, по рассказу Феофана, он бежал во время одного из народных волнений [41, с. 159]. Его племянник, патрикий Пров, имел проастиий в Сиках, в котором во время пребывания в Константинополе останавливался Иоанн Эфесский [52, с. 50, 60]. Юстиниан и его родственники владели проаствиями τὰ Βοραΐδου¹ и τὰ Ἰουστίνου [96, с. 63].

Немало проастиев в столице и ее округе находилось во владении церквей, монастырей, странноприимных домов. Они обычно сдавались в долгосрочную аренду (эмфитевсис), срок которой Юстиниан ограничил тремя поколениями [33, нов. 7, гл. III]. Доходы с таких проастиев шли на нужды самой церкви и ее учреждений, в частности на содержание врачей, имевшихся в странноприимных домах [43, с. 28—29; 262, с. 136].

Весьма подробно знакомит нас со столичными проаствиями 159-я новелла Юстиниана, где описывается завещание одного из характерных представителей сенаторской аристократии Константинополя — синклитика Гиерия. Как явствует из новеллы, Гиерий владел пятью проаствиями. Один из них находился во Влахернах, другой — в квартале Венеты (ἐν τοῖς

¹ Этот проастиий получил название по имени племянника Юстиниана Вораида, который наряду с виллой имел в столице особняк, расположенный вблизи от дворца Гормизды [278, с. 451, 459; 227, с. 484]. По мнению Р. Гийана, дом Вораида, унаследованный впоследствии другим племянником Юстиниана, Германом, находился неподалеку от константинопольского порта Кесария [203, т. II, с. 98].

Βενέτοις), третий — в Сиках, четвертый и пятый — на европейском берегу Босфора [33, нов. 159, предисл.]. Проастии сенатора, как мы видим, были разбросаны в разных концах города, не составляя единого комплекса. Несколько больше, чем о других, сказано в новелле о его проастии, расположенном в квартале τῇ Κωλαρίᾳ в Сиках, который Гиерий завещал внуку. Здесь находились претории, дома и ремесленные мастерские, сдающиеся внаем, бани, ипподром, цистерна, рыбацьи причалы (скалы) и, наконец, сады, большое количество которых в Константинополе засвидетельствовано 64-й новеллой Юстиниана. Часть зданий, мастерских и садов помещалась внутри стен Сик, часть — за их пределами [33, нов. 159, предисл.].

Таким образом, проастий представлял собой весьма сложный хозяйственный и имущественный организм и приносил своему владельцу разнообразный доход. Наличие в имении сдающихся в аренду мастерских отражало специфику проастия крупного города, центра ремесла и торговли. Сады и огороды тоже сдавались в аренду садовникам, которые, по всей видимости, прибегали к найму работников.¹ Овощи и фрукты сбывались на рынках города, а также продавались в портиках улиц и общественных зданий. Марцеллин Комит рассказывает, как в 501 г. прасины прятали оружие и камни в больших глиняных сосудах, расположив их в портиках ипподрома и прикрыв сверху

¹ В 80-й новелле Юстиниан предписывает, чтобы не имеющую занятий бедноту отправляли на помощь к хлебопекам, «людям, обрабатывающим сады» (τοὺς κήλους ἐργαζομένοι), или на другие работы. В одном синаксарном житии, события которого относятся к IV в., говорится о целых странствующих артелях рабочих-виноградарей. С такой артелью некий Полихроний добрался от Кипра до Константинополя [39, с. 67].

фруктами, будто бы предназначенными для продажи, как это было заведено [31, с. 95].

Садовники, на попечении которых находились сады и огороды, образовывали весьма влиятельную корпорацию. Связанные круговой порукой, они сами, насколько явствует из 64-й новеллы Юстиниана, с большой выгодой для себя производили оценку садов и огородов. Сильно занизив цену сада при заключении арендного договора, садовник при возвращении сада хозяину оценивал его раз в шесть выше первоначально установленной стоимости [33, нов. 64, гл. I].

Деятельность корпорации садовников полностью аналогична действиям корпораций высококвалифицированных строителей и крупных торговцев, что лишний раз свидетельствует об укреплении самостоятельности торгово-ремесленных корпораций к началу VI в. Против этой чрезмерной, по мнению правительства, самостоятельности корпораций повел борьбу еще император Зинон. Ее весьма энергично продолжил Юстиниан. Уже сама кодификация права, где большое место отводилось вопросам городской экономики (в том числе экономики Константинополя), означала, что государство было твердо намерено поставить под свой контроль все без исключения сферы деятельности горожан. Введение в столице таможенных постов, попытки положить пределы ростовщичеству, ограничение деловой активности сенаторов в сфере товарно-денежных отношений — эти и другие меры государственной регламентации, столь явственно ощущаемые в начальный период правления Юстиниана, обостряли противоречия не только между горожанами и правительством, но и между отдельными социальными слоями Константинополя, к характеристике которых мы и переходим в следующей главе.

Глава II

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ в VI в.

Интерес к социальной структуре раннего Константинополя пробудился у исследователей уже давно. Еще Дж. Бьюри предпринял попытку дать классификацию состава населения византийской столицы в IV—VI вв. Согласно его характеристике, между императором и народными массами стояла аристократия, различавшаяся по трем степеням знатности: высшая, средняя и низшая. К аристократии он причислял также высших чиновников, профессоров университета и занимавших высокое положение врачей; средние слои, по мнению автора, были представлены богатыми купцами и начинающими юристами; далее шли не имеющие привилегий врачи, учителя и риторы и, наконец, городская беднота [147, т. I, с. 42].

Иную классификацию населения Константинополя в этот период предложил в 1913 г. В. Шульце, деливший жителей города на следующие категории: 1) аристократию, куда входили сенаторы, купцы и крупные владельцы эргастриев, 2) среднее сословие, состоявшее из ремесленников и торговцев, и 3) пролетариат, под которым автор подразумевает люмпен-пролетариат [295, с. 236—246]. Рабство, по мнению В. Шульце, не имело тогда существенного значения [295, с. 244—245], поэтому автор не считал нужным выделять рабов в отдельную категорию. Наибольшей социальной активностью исследователь наделяет среднее сословие, члены которого и были, с его точки зрения, наиболее яркими и характерными представителями византийского общества [295, с. 246].

Более сложной представлялась социальная структура городского населения Византии, в частности Константинополя, А. П. Рудакову, который вычленял в нем несколько слоев в зависимости от рода занятий [86, гл. VI].

Тот же принцип положен в основу социальных стратификаций современных исследователей А. Джонса и Ф. Тиннефельда. Не занимаясь непосредственно изучением социального состава жителей Константинополя, А. Джонс задался целью рассмотреть различные категории населения империи в целом. В соответствии с этим в его труде нашли место разделы, посвященные сенаторам, торговцам и ремесленникам, военным, духовенству, лицам свободных профессий [235, с. 523—562, 607—687, 824—872, 910—914, 986—1024]. Но, давая весьма подробную характеристику отдельным слоям византийского общества, А. Джонс вместе с тем не стремился свести свои наблюдения в

целостную картину, что придает его работе некоторую незавершенность, даже фрагментарность.

Следуя за А. Джонсом, Ф. Тиннефельд делит население Константинополя на сенаторскую аристократию, отдельные категории чиновников, военных, клириков, ученых, врачей, адвокатов, архитекторов, торговцев, ремесленников, лиц без определенных занятий, рабов [311, с. 175—176].

Этой несколько мозаичной картине противостоит более жесткая и обобщенная схема, предложенная Г.-Г. Беком. Всех жителей Константинополя исследователь делит на три группы: аристократию, средние слои и народные массы [136, с. 19—21, 32]. Средние слои, по мнению автора, были представлены владельцами эргастриев, средними землевладельцами, врачами, преподавателями и т. п. [136, с. 20—21]. Исследователь не оговаривает принципа, по которому он объединяет в одну группу столь различные слои населения. Единственное, что могло быть у них общего, — это, надо полагать, приблизительно одинаковый материальный уровень. Но одного этого, по-видимому, недостаточно для того, чтобы утверждать, к примеру, что владелец ремесленной лавки и преподаватель высшего учебного заведения имели одно и то же общественное положение, одинаковую психологию, сходные потребности и интересы. В данном случае определяющим фактором, бесспорно, является способ, каким получают средства к существованию, но он-то и не позволяет объединить эти категории жителей столицы в одну группу.

Имущественному фактору придает большое значение и Э. Патлажан. В ходе своего исследования она делает вывод о том, что в ранневизантийский период на смену прежнему разделению общества на хо-

nestiores и humiliores постепенно приходит деление жителей на богатых и бедных [279, с. 14—17].

Более традиционно характеризует население раннего Константинополя Ж. Дагрон, который делит его на две большие основные группы — сенат и народ, не выделяя внутри них существенно различающиеся между собой категории населения [170, с. 119—205, 297—366].

Из юридических факторов исходит при характеристике социальной стратификации ранневизантийского общества Г. Е. Лебедева, делящая население Константинополя на сенаторскую аристократию, плебс и городских рабов [69]. Но в отличие от Ж. Дагрона она не считает возможным говорить о единстве плебейского населения города, о неперенной принадлежности всех его представителей к разряду humiliores, поскольку среди них все явственнее выделялась группа богатых торговцев [69, с. 120—121].

Роль торгово-ростовщических элементов в Константинополе особо подчеркивал в свое время А. П. Дьяконов, который считал возможным противопоставить их, в силу их общественно-политического влияния, земельной аристократии города [51, с. 194].

О дифференциации плебса и постепенном выделении в нем торгово-ростовщической верхушки говорит и Г. Л. Курбатов; однако, по его мнению, не следует преувеличивать роль и богатство этой прослойки горожан [64, с. 146—147].

Столь же резко расходятся взгляды исследователей и по вопросу социальной динамики ранневизантийского общества. Так, по мнению А. П. Рудакова, все его слои «перемешаны между собой, во всех слоях замечается постоянное стремление подняться наверх, к более почетному или завидному социальному поло-

жению» [86, с. 216]. Среди современных византинистов наиболее последовательно теорию нестабильности социальной структуры столицы развивает Г.-Г. Бек. Константинопольское общество представляется этому ученому «открытым» сверху и снизу [136, с. 13], причем, по его мнению, нестабильность проявляла себя не только со сменой династии, но и с приходом к власти каждого нового императора [136, с. 16].

Диаметрально противоположной точки зрения придерживается П. Каранис, который полагает, что характерной чертой социальной структуры Поздней Римской империи после кризиса III в. и реформ Диоклетиана и Константина была неподвижность (*immobility*) [161, с. 39]. Не склонны разделять точку зрения Г.-Г. Бека Ж. Дагрон, Г. Л. Курбатов, Г. Е. Лебедева [170, с. 147—190; 60, с. 20; 69, с. 153—162].

Какой же из упомянутых точек зрения на вопрос о структуре константинопольского общества в VI в. и характере социальной динамики в этом обществе следует отдать предпочтение? При ответе на этот вопрос, по нашему глубокому убеждению, необходимо прежде всего четко выяснить, как характеризовали византийское общество его современники.

Как это ни покажется странным, подробно о социальной структуре общества в произведении, принадлежащем перу византийца той эпохи, можно прочитать лишь в труде сугубо специального характера — в трактате о военном деле, автор которого остался неизвестным [14]. Сведения трактата представляют особый интерес, поскольку исходят не от писателя, отягощенного риторским образованием и мыслящего в силу этого категориями, привнесенными из прошлого, но от специалиста, обладающего практическим складом ума и рассуждающего сугубо по-деловому.

В характеристике социальной структуры византийского общества автор трактата исходит из деятельности отдельных индивидуумов, их конкретных общественных занятий. По его мнению, все люди должны выполнять какие-то функции в государстве — работать, быть полезными своей политике [14, I, 1, с. 42]. В соответствии со своими представлениями, он вычленяет в современном ему обществе следующие группы населения: духовенство, архонтов, различные группы чиновников (прежде всего судебного и финансового ведомств), техническую интеллигенцию, ремесленников и торговцев, неквалифицированных рабочих, лиц, не занятых постоянным трудом, а также театральное сословие [14, I—III; 78, с. 114—122, 132—133; 67, с. 62—64].

Столь же дробной, хотя и более всеобъемлющей, выглядит характеристика социальной структуры константинопольского общества у Прокопия, который вычленяет в нем сенаторов, духовенство, чиновничество, военных, риторов, философов, адвокатов, учителей, торговцев, ремесленников, городскую бедноту и театральное сословие [35, т. III, XXVI, 2—26]. Но когда Прокопию понадобилось сказать об этом же обществе в двух словах, он поделил его на две основные категории — народ и сенат [35, т. I, А, I, 24, 1]. И в самом деле, Прокопию современное ему общество представляется традиционно римским; изменения, происходившие в статусе сенаторов и в социальной структуре города в целом, историк воспринимает как явление частное — как новшества Юстиниана. Но это частное явление — нестабильность в положении знати, — вызванное действиями ненавистного ему императора, принимает в изображении Прокопия столь грандиозные размеры, что заставляет читателя при-

ти к выводу о полном упадке сенаторской аристократии в эпоху Юстиниана.

На две основные группы делит ранневизантийское общество и автор упомянутого трактата о военном деле, но он называет их несколько иначе, нежели Прокопий, — архонты и подданные. Архонты, в его изображении, это не весь сенат, но лишь его часть, а именно та, которая находится в непосредственной близости к императору и занята управлением государством. Архонты, по словам автора трактата, достигают своего положения в постоянной борьбе за влияние и власть. Является ли эта фраза отзвуком существования вертикальной мобильности, или автор просто хотел сказать о постоянной борьбе группировок внутри одного и того же общественного слоя, неясно. Но в его словах так или иначе нашла свое отражение известная нестабильность правящей элиты.

В своей попытке выявить, что представляла собой социальная структура константинопольского общества в VI в., мы, конечно же, не можем игнорировать отмеченные византийскими авторами различия людей по роду их деятельности, и в этом смысле мы последуем за византийскими историками.

Но анализ источников, как нам представляется, делает необходимым и учет общественно-политического веса отдельных групп населения города, их реального места в социальной структуре константинопольского общества, что, возможно, позволит ответить на вопрос, можно ли делить все население столицы на сенаторскую аристократию и народные массы (либо, пользуясь словами анонимного автора трактата о военном деле, на архонтов и подданных), или в эту схему необходимо внести некоторые коррективы. Подобный анализ (на основе использования

максимального количества источников, их сопоставления и противопоставления) поможет выяснить и характер социальной динамики, а также степень активности тех или иных слоев общества столицы и причины их участия в социально-политической борьбе города.

Сенаторская аристократия Константинополя

На высшей ступеньке социальной лестницы Константинополя находились аристократы-сенаторы. В VI в. их основную массу составляли лица, облеченные титулом иллюстрия, поскольку более низкие разряды знати — клариссимы и спектабили — еще в середине V в. потеряли право заседать в великой курии и получили разрешение покинуть столицу [17, XII, 1, 15; XII: 2, 1]. Титул иллюстрия становится синонимом сенаторского звания [205, с. 46]. Наиболее привилегированной частью сенаторов являлись патрикии; этот титул до 537 г. жаловался лишь консулам и префектам [33, нов. 62].

Каково было социальное лицо константинопольского сената? По мнению М. В. Левченко и Г. Зайдлера, основной его костяк составляли крупные землевладельцы [72, с. 80, 86; 297, с. 16]. Именно из их среды, пишет Г. Зайдлер, выходили сенаторы [297, с. 16] (ср. [72, с. 86]). Существование в других городах родовитой аристократии, не связанной с сенаторским сословием Константинополя, М. В. Левченко считал исключением [72, с. 83]. Сенаторы, следовательно, отождествляются в данном случае с византийской аристократией вообще. Со своей стороны, Г.-Г. Бек делит аристократию Византии на сенаторов и провинциаль-

ных магнатов [136, с. 18—19]. Действительно, исследования последних лет, в частности археологические находки (на Балканах, в Малой Азии и других регионах), позволяют предположить, что значительная часть крупных земельных собственников была связана не с Константинополем, а с провинцией [164, с. 185—187]. Наличие крупных земельных собственников зафиксировано, в частности, в Амиде, Эдессе, Иераполе, Сардах и других городах [164, с. 185—187].

О том же свидетельствует и законодательство, указывающее на существование в городах «знатных по рождению и богатых по наследству» [17, IV, 63, 3]. Наличие родовитой аристократии в провинции весьма четко прослеживается и по произведениям Прокопия. В «Тайной истории», например, он рассказывает о некоем юноше Иоанне, сыне самого знатного человека в Эдессе [35, т. III, XII, 6] (ср. [41, с. 221]), бабка которого собрала не менее 2 тыс. либр серебра, чтобы выкупить своего внука, отданного персам в качестве заложника.¹ В другом месте Прокопий повествует об одном из первых членов курии города Аскалона (Палестина), дочь которого вышла замуж за Мамилиана из Кесарии, принадлежавшего к знатному роду [35, т. III, XXIX, 17].

Вместе с тем вряд ли имеется необходимость резко противопоставлять столичную аристократию провинциальной, как это делает Г.-Г. Бек, утверждая, что

¹ Прокопий называет Иоанна сыном Василия, исходя из чего Аллеманн, а вслед за ним и Г. Дестунис считали его сыном того Василия, который был отдан заложником персам при императоре Анастасии и затем выкуплен за большую сумму. На этом основании Г. Дестунис справедливо полагал, что семья обладала большими богатствами [36, т. III, с. 410—411; 8, кн. II, с. 150—152, примеч. 20].

провинциальная аристократия не стремилась в Константинополь и проявляла интерес к высоким должностям скорее в провинциальном, нежели в центральном, аппарате [136, с. 19] (ср. [126, с. 241—242]). Это положение Г.-Г. Бека, высказанное в работе, охватывающей большой хронологический период, не может быть полностью принято для VI в. Достаточно вспомнить семью Апионов из Египта, на протяжении трех поколений игравших весьма заметную роль в политической жизни империи.

Впервые имя Апионов упоминается в документах конца V в., и уже тогда они были известны как крупные землевладельцы [210, с. 25].¹ В 503 г. глава их семьи (Апион I) принимает участие в военной экспедиции в Амиду в качестве главного интенданта армии [35, т. I, А, I, 8, 5].² Прокопий называет его «известным среди патрикиев» и «предприимчивым» [35, т. I, А, I, 8, 5]. Высоко отзывается об Апионе Иоанн Лид, говоря, что это был выдающийся человек и, сверх того, ближайший сподвижник императора [25, III, 17]. По словам автора, Анастасий делил с ним верховную власть [25, III, 17] (ср. [40, с. 137]). После того как экспедиция потерпела неудачу, он был отстранен от должности [41, с. 148; 29, гл. 70], а затем в 510 г. сослан в Никею [40, с. 137; 41, с. 166].³

¹ Начало формирования земельных владений Апионов относится, по-видимому, к концу IV в. [113, с. 69—70].

² По мнению составителей «Просопографии Поздней Римской империи», это был не Апион I, карьера которого, как они полагают, завершилась в 497 г., а его потомок — Апион II [267, с. 111—112].

³ Е. Гарди [210, с. 26], А. А. Васильев [314, с. 128] и Р. Гийан [206, т. II, с. 133] полагают, что Апион был сослан из-за неудач экспедиции. Ряд источников [26, с. 411; 41,

Юстин по приходе к власти возвратил его из изгнания и назначил на пост префекта претория [26, с. 411; 41, с. 166].

Сын Апиона Стратигий также исполнял ряд ответственных поручений и должностей при Анастасии и Юстиниане [210, с. 27—28; 267, с. 1034—1036]. В 532 г. как представитель императора он председательствовал на двух первых из трех совещаний шести православных и шести монофиситских епископов [210, с. 29; 301, с. 378; 206, т. II, с. 146]. В 533—538 гг. Стратигий — комит священных щедрот. Возможно, он совмещал этот пост с временным исполнением должности магистра оффиций [210, с. 30—31; 301, с. 433; 113, с. 228]. На его имя составлена 105-я новелла о консулах, 136-я новелла об аргиропратах; о нем упоминается в 22-й новелле и XIII эдикте. Незадолго до войны, возникшей между Византией и Ираном в 540 г., Стратигий был отправлен императором разбирать спор между гассанидами и лахмидами относительно так называемой «Страты» [35, т. I, А, II, 1, 9]. Прокопий называет его человеком разумным, благородного происхождения, патрикием [35, т. I, А, II, 1, 9]. Патрикием и бывшим консулом (по всей вероятности, почетным) [206, т. II, с. 47, 146] Стратигий именуется в новеллах Юстиниана [33, нов. XXII, CV]. Его сын Апион II был ординарным консулом 539 г. и к концу жизни именовался протопатрикием, хотя никакой важ-

с. 166], упоминая о ссылке Апиона, ничего не говорят о ее причинах и времени. Иешу Стилит [29, гл. 70] между тем сообщает, что после отстранения от должности епарха Апион отправился в Александрию за провиантом. Марцеллин Комит, не указывая причин, свидетельствует, что Апион был сослан в 510 г. [31, с. 97]; этой даты придерживаются Ю. Кулаковский [55, т. I, с. 475] и Э. Штейн [301, с. 163] (ср. [267, с. 111—112]).

ной должности не занимал. По мнению Е. Гарди, этот титул предназначался для его отца и был пожалован Апиону II в его честь [210, с. 32].

Наряду с Апионами связи со столицей имели и другие представители египетской знати. Прокопий рассказывает, как (около 542 г. [301, с. 752—753]) был смещен с поста августалия Александрии римский патриций Либерий и на его место назначен египтянин Иоанн Лаксарион, дядя которого Евдемон жил в Константинополе, где он достиг консульского звания, будучи *comes regum privatorum* [35, т. III, XXIX, 1, 9]. О принадлежности других египетских аристократов к высшей государственной администрации свидетельствуют полученные ими титулы (*πατρίκιοι, ἰλλύστριοι, ἐνδοξότατοι, μεγαλοπρεπέστατοι*), как это справедливо отметил И. Ф. Фихман [113, с. 227—230].

Выходцем из провинции являлся, по всей видимости, и патрикий Гиерий, префект претория Востока при Анастасии (в 494—496 гг.), оказавший покровительство своему родственнику Каллиопию из Алеппо. Благодаря Гиерию Каллиопий получил высокую должность комита Востока [26, с. 392; 267, с. 251]. Смещенный с этого поста в результате народных волнений [26, с. 393], Каллиопий через некоторое время вновь появляется на исторической арене. В сане патрикия он становится главным интендантом армии, сменив на этом посту Апиона [29, гл. 70]. Несколько позже он принимает деятельное участие в строительстве Дары [31, с. 100]. Марцеллин Комит называет Каллиопия патрикием Антиохии [3, с. 100]. Его сын Феодосий, о котором также известно, что он был родом из Антиохии, являлся одно время августалием Александрии [26, с. 401; 41, с. 162—163]. Таким образом, отец и сын, оба происходившие с Востока, занимали там

ответственные посты. Вполне возможно, что и их родственник Гиерий был родом из этих мест.¹

¹ Р. Гийан, ссылаясь на Малалу [26, с. 392—393], утверждает, что Каллиопий был родственником Анастасия [206, т. II, с. 133]. У Малалы сказано так: «'Εν δὲ τῇ αὐτοῦ βασιλείᾳ ἐποίησεν ἑπαρχὸν πραιτωρίων τὸν πατρίκιον Ἱέριον. ὅστις ἐποίησε κόμητα ἀνατολῆς Καλλιόπιον τὸν ἴδιον συγγενέα», т. е.: «В его царствование он назначил эпархом претория патрикия Гиерия, который сделал (содействовал назначению) комитом Востока своего родственника Каллиопия». Р. Гийану, возможно, казалось странным, чтобы префект претория назначал (ἐποίησεν) комита Востока, когда даже правителей провинций назначал сам император [143, с. 101]. Тем не менее ὅστις обычно относится к последнему существительному (в данном случае к Гиерию), в то время как глагол ποιέω имеет много значений и вполне допускает предложенный выше перевод. В 555 г. была составлена 159-я новелла, где рассказывается о завещании некоего Гиерия, у которого было несколько сыновей, в том числе и Каллиопий; казалось бы, это позволяет отождествить префекта претория Гиерия с Гиерием новеллы, а его сына Каллиопия с комитом Востока Каллиопием. Так и поступил Г. Дауни [179, с. 504] (ср. [267, с. 558—559]), у которого не вызвала сомнений и упомянутая выше фраза Малалы; исходя из нее, он заключил, что Гиерий назначил своего сына комитом Востока, что в общем-то противоречило существующему правилу. Но есть ряд обстоятельств, мешающих, как нам кажется, полному отождествлению этих лиц. Во-первых, Малала не называет Каллиопия сыном Гиерия. Во-вторых, Каллиопий новеллы имел титул клариссима, в то время как комит Востока Каллиопий у Малалы и Феофана назван патрикием. Далее, Иешу Стилиит говорит, что патрикий Каллиопий был родом из Алеппо, о Гиерии же известно только то, что он имел дом в Антиохии. Возможно, что Каллиопий из Алеппо был не сыном Гиерия, а другим его родственником — братом, племянником и т. д. К этому предположению склоняют и сведения о возрасте того и другого Каллиопия. Когда Гиерий составлял завещание (что скорее всего имело место в правление Анастасия, так как известно, что к 555 г. умерли его взрослый правнук Константин и малолетняя внучка, но был еще жив сын Александр, в завещании же упоминаются только дети Гиерия), у него еще не было внуков, поскольку он лишь молит о том, чтобы

Устремился в столицу и «один из первенствующих» жителей Дары — Анастасий, которого в 539 г. император направил с посольской миссией к Хосрову [35, т. I, А, I, 26, 8; II, 4, 15].

Итак, хотя в VI в. существовало различие между провинциальной и столичной аристократией, было бы ошибкой резко противопоставлять их другу другу, поскольку, как показывают приведенные выше факты, представители знатных фамилий из провинции нередко вливались в ряды константинопольской аристократии.

Но из кого же по преимуществу состояла сенаторская знать Константинополя? Ряд исследователей допускают наличие в рядах константинопольской аристократии потомков римской родовитой знати, переселившейся при Константине из Рима в Константинополь [72, с. 80; 276, с. 36]. Однако факт переселения при Константине сколько-нибудь значительного числа римских сенаторов в новую столицу не подтвержден надежными источниками и представляется спорным. Более того, создается впечатление, что опорой Константина в новой столице являлась не родовитая римская знать, а такие упомянутые в достоверных источниках лица низкого происхождения, как Авлавий [237, с. 3—4] и Филипп [237, с. 696—697], попавшие в ближайшее окружение императора благодаря своему продвижению по службе.

Правда, в течение V в. под влиянием варварской опасности действительно происходит переселение зна-

они у него появились. Через некоторое время Гиерий делает добавление к своему завещанию, где уже фигурирует его внук — маленький Гиерий. Патрикий Каллиопий между тем имел взрослого сына Феодосия уже во времена Анастасия.

ти из Рима на Восток. Так, «знатный и богатый римский епарх Волусиан оставил обреченный варварам Вечный Город и переселился во „второй Рим“ на службу к царице Евдоксии» [86, с. 63]. С 410 г. поток переселенцев из Рима усилился [86, с. 63]. После нашествия вандалов в новую столицу переселяется представитель римской senatorской аристократии, консул 454 г. патриций Студий, основавший прославившийся впоследствии монастырь [40, с. 108; 267, с. 1037]. Но, как свидетельствуют жития, не все переселенцы на Восток устремлялись именно в Константинополь [86, с. 63], поэтому едва ли представляется возможным говорить о значительном увеличении числа римской аристократии в столице на берегу Босфора.

Вполне очевидно, что если трудно определить численность родовитой римской знати в Константинополе IV—V вв., то отыскать сведения о ее потомках в VI в. — задача и вовсе неблагодарная. В «Тайной истории» Прокопий упоминает двух сестер, у которых дед и отец не только были консулами, но издревле являлись первыми по крови в сенате [35, т. III, XVII, 7]. Но этот род мог начаться и с IV в., как род Анфимия (см. ниже), которого Прокопий считает знатным и богатым [35, т. I, Б, I, 6, 5]. В скудных на этот счет источниках родословная сенаторов не дается, и нам известен лишь один патрикий — Оливрий, которого действительно можно считать потомком старой римской аристократии, и то лишь по женской линии. Его отец Ареовинд, консул 506 г., один из главных стратигов византийского войска при Анастасии, вел свой род от внучки Аспара Диагисфеи [41, с. 145], а мать, патрикия Юлиана, являлась дочерью римского императора Олибрива, принадлежавшего к аристокра-

тическому дому Аничиев [35, т. I, А, I, 8, 1], и внучки Феодосия II Плакидии [35, т. I, Б, III, 6, 6; 267, с. 795].

Вместе с тем ряды римской родовитой знати в Константинополе, следы которой в VI в. здесь уже почти невозможно отыскать, несколько пополнились в этот период новыми переселенцами из Рима. Прокопий утверждает, что в Константинополе было много знатных «италийцев» [35, т. II, III, 35, 9]. Трудно судить, насколько это высказывание соответствует истине, но несколько имен все же можно назвать. Прежде всего это консул 541 г. Василий, принадлежавший к известной фамилии Дециев [301, с. 462; 206, т. II, с. 46]. Он был сыном сенатора Альбина, упоминавшегося в связи с процессом Боэция [267, с. 51—52]. Оказался в Константинополе и консул 504 г. патриций Цетег, который в 551, 552 и 553 гг. вместе с Велисарием, Петром Патрикием и другими видными сановниками вел переговоры с папой Вигилием [267, с. 281—282]. Патриций Либерий также эмигрировал на Восток и, несмотря на свой преклонный возраст, занимал видные посты в административном и военном аппарате империи [275; 267, с. 677—681]. До 543 г. он исполнял должность августалия Александрии [267, с. 680—681], в 550 г. отправился во главе византийского флота в Сицилию, а в 552 г. руководил армией, посланной для завоевания Испании. В 553 г. он тоже был участником посольства к Вигилию [267, с. 677—681]. Нельзя не отметить, однако, что эти лица не оставались в Константинополе навсегда. Так, патриций Цетег вернулся в Италию при папе Пелагии I (556—561) и жил в Сицилии [267, с. 282]. На Западе оказался и патриций Либерий, похороненный в Аримине [267, с. 681]. Таковы свиде-

тельства источников о представителях римской родовой аристократии в Константинополе VI в.

Несколько легче проследить судьбу потомков той знати, которая выдвинулась позднее — в IV—V вв. В «Тайной истории», например, Прокопий упоминает некоего Зинона, внука императора Анфимия (467—472), род которого восходит к первой половине IV в.¹

С середины V в. начинают выдвигаться родственники императора Льва I, фракийца из племени бессов [26, с. 369]. Об одном из них, по имени Диогениан, рассказывает Иоанн Малала [26, с. 393; 267, с. 362]. Вместе с Иоанном Киртом Диогениан в 493 г. командовал экспедицией против исавров [26, с. 393]. Позднее он был сослан и возвращен из ссылки уже императором Юстином, который назначил его стратилатом Востока.

Со второй половины V в. начинается родословная почетного консула Иоанна, сына Руфина и внука Иоанна Скифа, полководца времен Зинона и Анаста-

¹ Император Анфимий носил имя своего деда Анфимия, управлявшего государством в малолетство Феодосия II и принадлежавшего к высшей служилой знати, так как дед его Филипп (сын колбасника) стал при Констанции префектом претория (344—351) [237, с. 696—697]. У императора Анфимия было четыре сына: Маркиан, Прокопий, Ромул и Анфимий, консул 515 г. Три первых из них подняли неудачное восстание против Зинона. Маркиан был сослан, а Прокопию и Ромулу удалось бежать на Запад [41, с. 126—127; 301, с. 16, примеч. 2]. Тем не менее семья продолжала существовать, поскольку императрица Ариадна, сестра которой была замужем за Маркианом, настойчиво просила Анастасия назначить на пост префекта претория его брата, консула 515 г. Анфимия [25, III, 50; 301, с. 194; 267, с. 99]. А. Джонс предполагает, что ординарным консулом 515 г. был не этот Анфимий, а его сын, также Анфимий [235, т. II, с. 551].

сия, удостоенного в 498 г. консульского звания за победу над исаврами [206, т. II, с. 47]. Иоанн играл весьма заметную роль во внешнеполитических мероприятиях Юстиниана. В начале его правления Иоанн возглавлял войско императора [26, с. 432; 41, с. 175—176], посланное против гуннов; в 540 г. он был отправлен послом к Хосрову.¹ По словам Феофана, Иоанн находился в родстве с императрицей Феодорой [41, с. 237; 206, с. 47, 62, примеч. 53].

С конца V в. начинают возвышаться упомянутые выше Апионы и родственники императора Анастасия.² Его племянники — Ипатий, Помпей и Пров — достигают самого высокого положения в государстве.

Итак, исходя из данных источников, можно заключить, что наряду с отпрысками родовитой римской аристократии (о числе которых невозможно сказать ничего определенного) в VI в. среди византийской

¹ Р. Гийан считает, что Иоанн был сыном того Руфина, который вел переговоры с персами, отличая его от Руфина, сына Сильвана. Но у Прокопия [35, т. I, А, I, 11, 24; 16, 4] именно сын Сильвана отправился послом к Каваду и Хосрову. Поэтому следует либо согласиться с Э. Штейном [301, с. 94], который считал Руфина, сына Сильвана, зятем Иоанна Скифа, либо признать, что Руфин, сын Иоанна Скифа, не имел никакого отношения к переговорам между Ираном и Византией, в которых такое деятельное участие принимал первый. Мы склонны все же согласиться со Штейном, так как Иоанна, сына Руфина, тоже посылали к Хосрову в 540 г. [35, т. I, А, II, 7, 15]. Учитывая, что Руфин, сын Сильвана, имел хорошие связи при персидском дворе и был, по свидетельству Псевдо-Захарии, другом самого шаха (это он посоветовал Каваду оставить трон Хосрову), а также благожелательное отношение матери шаха к сыну Сильвана [46, IX, 7], можно предположить, что именно его сын был послан на переговоры с Хосровом (ср. [267, с. 954—955]).

² О родственниках Анастасия см. [290, с. 485; 159, с. 29—46; 157, с. 259—276; 267, с. 1314].

знати имелись потомки тех, кто поднялся в этот слой сравнительно недавно (IV—V вв.). Это была новая, уже собственно византийская сенаторская аристократия, основное отличие которой от римской сенаторской знати состояло в том, что, как показывает просопографический анализ [113а], представители ее являлись сенаторами постольку, поскольку они были обладателями того или иного статуса в имперской администрации или при особе василевса. Иными словами, это была служилая знать, которой, однако, удалось при отсутствии официального наследования сенаторского статуса создать свои династии, существовавшие не только не одно поколение, но и не одно столетие. Достигалась эта преемственность благодаря родственным, дружеским и матримониальным связям. К началу VI в. более десятка сенаторских фамилий, породнившись между собой, создали сложную, разветвленную сеть связей внутри верхушки сенаторского сословия. Это — роды префекта претория Востока 344—351 гг. Филиппа, узурпатора Прокопия, императора Феодосия I, полководцев Аспара и Ареовинда, старинных римских аристократов Анициев, императоров Маркиана (451—457), Льва I (457—474), Зинона (474—491) и др. В эту общую цепь родственно-брачных отношений в среде сенаторской аристократии Константинополя вписался и род императора Анастасия I (491—518) с его сестрой, братом и племянниками — Ипатием, Помпеем и Провом [119б, с. 94].

С приходом к власти Юстина, а затем Юстиниана ряды аристократии начали пополняться новыми людьми, прежде всего из числа родственников правящей династии. Современные им авторы неоднократно упоминают многочисленных родственников Юстиниана, его племянников и племянниц. Это Вораид, Юст,

Прейекта, Герман со своими сыновьями Юстином и Юстинианом и дочерью Юстиной, сын сестры императора Вигилиянци будущий император Юстин II, его брат Маркелл и др. [267, с. 1315]. Наиболее могущественным из них был Герман [35, т. II, III, 32, 10],¹ крупный военачальник, наводивший страх на славян [35, т. II, III, 40, 5—7] и подавивший восстание в Ливии [35, т. I, Б, II, 16, 17; 35, т. II, III, 39, 12; 105, с. 36—38].

Помимо родственников императора в среду сенаторов проникали и люди, не отличавшиеся ни знатностью, ни богатством, зато обладавшие ловкостью и административным талантом. Нередко именно они играли в государстве наиболее заметную роль. В первую очередь здесь уместно назвать Иоанна Каппадокийского, дважды занимавшего пост префекта претория и удостоенного звания консула.² Безграмотность изобличала в нем человека низкого происхождения, однако благодаря своему необыкновенному уму и проворству он быстро сделал блестящую карьеру. Скринарий одного из *magisteria militum praesentialia*, а затем глава финансового бюро префектуры претория, Иоанн был допущен в иллюстрат, не будучи еще префектом [301, с. 435]. Прокопий, высказав по адресу Иоанна много нелест-

¹ Герман состоял в родстве с домом Анициев [6а, § 314]. По утверждению Браунинга, из рода Анициев была первая жена Германа Пассара [145, с. 76]. Однако в источниках нет относительно Пассары никаких точных сведений. Иордан же просто сообщает, что в сыне Германа и Матасунты соединились роды Анициев и Амалов. Э. Штейн полагает, что Герман принадлежал к Анициям по линии своей матери или каким-либо другим образом [301, с. 325].

² Иоанн был дважды почетным консулом и один раз — ординарным [206, т. II, с. 48].

ных слов, отметив, между прочим, и то, что он был человеком необразованным, не умевшим даже как следует писать письма, тем не менее вынужден был признать его высокие умственные способности [35, т. I, А, I, 24, 12], называя его человеком необычайно смелым и прозорливым [35, т. I, Б, I, 10, 7—8]. Иоанн принимал самое активное участие в политике Юстиниана. Из более чем 170 новелл, изданных после 534 г., три четверти их, адресованные по большей части непосредственно ему, относятся ко времени его пребывания на посту префекта претория и лишь четверть — к оставшимся 25 годам правления Юстиниана [302, с. 379; 301, с. 282; 206, т. II, с. 48, 63]. По мнению Э. Штейна, серия административных реформ была подготовлена именно Иоанном Каппадокийским, а Юстиниан лишь играл роль великого реформатора [301, с. 282]. Император чрезвычайно дорожил своим префектом, который, по видимому, знал об этом и никогда не страшился высказать ему свое мнение. Он единственный открыто выступил на заседании сената против войны с вандалами [35, т. I, Б, I, 10, 2—21] и даже не побоялся поносить перед Юстинианом Феодору, «не щадя той великой любви, которую питал к ней император» [35, т. I, А, I, 25, 4—5]. Изобличенный в попытке устроить заговор, Иоанн был сослан в Кизик, а имущество его конфисковано [35, т. I, А, I, 25, 31—33]. Тем не менее Юстиниан пощадил его и в этом случае, оставив ему большую часть его владений [35, т. I, А, I, 25, 33]. Позже, несмотря на то что Иоанн был обвинен в убийстве кизикского епископа, он получил разрешение вернуться в столицу, хотя прочие соучастники этого преступления были сурово наказаны [26, с. 483].¹

¹ Правда, при этом ни один из титулов не был ему возвращен [35, т. I, А, II, 30, 49—50].

Высокую оценку деятельности Иоанна Каппадокийского дает Э. Штейн. Он считает его крупнейшим деятелем в области внутренней политики в период между правлениями Анастасия и Ираклия [301, с. 483].¹ По мнению исследователя, это была самая замечательная и наиболее значительная фигура столь богатого выдающимися талантами ранневизантийского времени [302, с. 377].

В аристократы попал и сириец Петр Варсима, в недавнем прошлом меняла, который, как пишет Прокопий, «в свое время, сидя у стола с медью, ловко крал оболочки и обсчитывал людей благодаря проворству пальцев» [35, т. III, XXII, 3]. Получив должность скрипника в префектуре претория, он впоследствии дважды занимал пост комита священных щедрот, а также префекта претория Востока, пробыв на этих должностях в общей сложности около двадцати лет [301, с. 762]. Император пожаловал ему титул консула и патрикия [206, т. II, с. 138].² Все эти поднявшиеся из низов люди, несомненно, являлись выдающимися

¹ В меньшей степени этот и другие исследователи останавливаются на его корыстолюбии и вымогательствах. Еще более идеализированным становится образ Иоанна Каппадокийского у А. Джонса, который считает, что того ненавидела аристократия, в то время как у простого населения столицы он будто бы не вызывал особой антипатии [235, т. I, с. 272, 279, 284—285]. (Ср. [276, с. 67; 192, с. 70]).

² Необычайно высокую характеристику дает Петру Варсиме И. Хаури. Ученый предполагает, что часть труда, приписываемого Петру Патрикию, была написана именно Петром Варсимой, которого он считал образованным человеком уже в силу занимаемой им должности. Между тем известно, что должности, занимаемые Петром Варсимой, не всегда давались образованным (пример Иоанна Каппадокийского — наглядное тому свидетельство).

финансовыми и государственными деятелями своего времени.

Стать сенатором можно было и благодаря дипломатическим талантам. Так произошло, например, с Петром Патрикием, происходившим из семьи, некогда жившей в Месопотамии, но родившимся в Фессалонике.¹ Некоторое время Петр был ритором в Константинополе, и Прокопий отличает его как человека выдающегося ума, владевшего к тому же редким даром убеждения [35, т. II, I, 3, 30]. В 534 г. он был отправлен послом к Амаласунте, но, поскольку в тот момент власть в Италии оказалась в руках Теодата, Петр в следующем году отправился в Равенну, где и вел с ним переговоры [35, т. II, I, 6, 1—11]. По возвращении из Италии ему было присвоено звание магистра оффиций [35, т. II, I, 22, 24]. В 550 г. уже в сане патрикия он вел переговоры с Хосровом [35, т. II, IV, 11, 2], а в 551—553 гг. принимал непосредственное участие в переговорах с папой [301, с. 725]. В 561 г. Петр Патрикий снова отправился к Хосрову, с которым заключил необходимый для империи мир [209, с. 368 и сл.].

В период, когда Византия вела активную внешнюю политику, вполне естественным было выдвижение лю-

¹ Прокопий называет Петра Патрикия иллирийцем (*Ἰλλυριὸν γένος*) [35, т. II, I, 3, 30]. Нибур и Крумбахер предполагали, что эти слова Прокопия следует понимать в том смысле, что Петр родился в местности, находящейся в юрисдикции префекта претория Иллирии. По мнению же В. Греку, Петр в самом деле был иллирийцем, как и Юстиниан [199, с. 448]. Однако Э. Штейн, опираясь на Феофилакта Симокатту, доказал, что Петр Патрикий происходил из семьи, жившей когда-то около Дары, и, таким образом, *Ἰλλυριὸν γένος* не имело в данном случае значения народности [301, с. 724].

дей, отличавшихся доблестью и военным талантом. Не говоря уже о Велисарии, карьера которого хорошо известна,¹ можно назвать ряд других лиц, например Ситу, который в молодые годы вместе с Велисарием исполнял обязанности оруженосца Юстиниана [35, т. I, А, I, 12, 21].² По свидетельству Иоанна Малалы, это был человек «воинственный и способный» [26, с. 429—430]. Прокопий также наделяет Ситу качествами превосходного полководца, называя его при этом «красивым и храбрым воином» [35, т. I, А, II, 3, 26]. Юстиниан назначил его стратилатом в Армению, где он проявил себя незаурядным дипломатом в отношениях с местным населением. Спустя некоторое время Сита уже *magister militum praesentalis* [35, т. I, А, I, 15, 3]. Ему была отдана в жены Комито, сестра императрицы Феодоры, что весьма приблизило его ко двору [26, с. 429]. В одной из новелл Юстиниана Сита назван бывшим консулом и патрикием [33, нов. 22]. Э. Штейн полагает, что как полководец Сита нисколько не уступал Велисария, а как государственный деятель даже превосходил его [301, с. 288—289].

Необходимо упомянуть и Мартина, служившего вначале под командованием Велисария, а затем став-

¹ См., например, [161а], где, впрочем, образ Велисария в значительной степени идеализирован [100, с. 258, примеч. 23].

² Этническая принадлежность Ситы неизвестна. Ряд авторов [301, с. 290; 235, с. 271] считают его армянином. Восточное происхождение Ситы предполагает Н. Адонц; ссылаясь на житие Феодора, игумена Хорского, он считает настоящим именем Ситы — Урсикий (романизированное от Урсук, что по-пехлевийски означает «священнослужитель») [47, с. 138]. По мнению Б. Рубина и Ф. Тиннефельда, Сита был гот [290, с. 266; 311, с. 88].

шего во время военной кампании в Лазике одним из главных стратигов византийского войска [13, II, 18].

Наконец, головокружительная карьера Юстина, иллирийского крестьянина,¹ возвысившегося благодаря своим военным талантам и житейской хитрости, подтверждает мысль о том, что в те времена наряду с родственниками нового императора в высшие слои константинопольского общества могли проникать люди невысокого происхождения, но наделенные теми или иными способностями. Более того, в рядах аристократии нередко оказывались и варвары, многие из которых достигали высших командных постов в армии.² Так, весьма благосклонно отнесся император к вождю гепидов Мунду, назначив его стратилатом Иллирии [26, с. 451], а впоследствии стратилатом Востока, когда с этого поста был смещен Велисарий [26, с. 466].³ Прокопий считает, что Мунд был исключительно предан интересам императора и очень сведущ в военном деле [35. т. II, I, 5, 2].

Варваром по происхождению являлся и другой византийский военачальник — Бесса. Он происходил из тех готов, которые в свое время не последовали за Теодорихом в Италию [35, т. I, А, I, 8, 3]. Бесса принимал участие в войнах Византии с Ираном — сначала при Анастасии [35, т. I, А, I, 8, 3], затем при Юстиниане, когда он стал наместником (дукой)

¹ Часть источников называет Юстина фракийцем, часть — иллирийцем. А. А. Васильев отдает предпочтение фракийскому происхождению Юстина [314, с. 49], Б. Рубин, А. Джонс и др. — иллирийскому [290, с. 81; 235, т. I, с. 267].

² О варваризации византийской армии см. [105, с. 29; 100, с. 361; 309].

³ Но Мунд, по-видимому, эту должность не исполнял [301, с. 293; 290, с. 289].

Мартирополя [35, т. I, А, I, 25, 5]. Бесса был одним из командующих войсками во время войны с готами [35, т. II, I, 5, 3]. По свидетельству Прокопия, он был энергичным, искусным военачальником [35, т. II, I, 16, 2—3]. В то же время он показал себя с самой худшей стороны во время осады Рима Тотилой, проявив особую алчность и изощренность в ограблении населения [100, с. 369 и сл.]. Город же Бесса защищал плохо и в конце концов бежал [35, т. II, III, 20, 1—20]. Свое постыдное поведение в Италии он до некоторой степени искупил во время кампании в Лазике, когда, будучи уже семидесятилетним стариком, обнаружил необычайную храбрость и искусство при осаде Петры [35, т. II, IV, 11, 11—64], хотя, впрочем, и здесь проявил не меньшее корыстолюбие, чем в Риме [35, т. II, IV, 13, 11—12; 13; III, 2].

Благодаря военным успехам выдвинулся и гот Буза, получивший высокую должность стратига Востока [41, с. 219].¹ Готом, по утверждению Псевдо-Захарии [46, VII, 13, 290, с. 485],² был и всемогущий Виталиан, который заставил трепетать Анастасия и соперничества с которым страшился Юстиниан [301, с. 230; 314, с. 108—115].

Варвары проникали в ряды знати не только благодаря своим военным способностям. Магистр Гермоген, например, отличался и дипломатическим дарова-

¹ Б. Рубин считает его сыном Виталиана [290, с. 485].

² Э. Штейн считает, что Виталиан был смешанной готско-ромейской крови [301, с. 178]. Ромеизированным фракийцем считает его Р. Браунинг [145, с. 33]. Полуварваром называет Виталиана А. А. Васильев, не исключая вместе с тем, что он был, возможно, гот или даже гунн [314, с. 191]. О мятеже Виталиана см. [26, с. 399—404; 41, с. 157; 46, VII, 13; 22, с. 143 и сл.].

нием. Иоанн Малала называет его скифом [26, с. 445], на основании чего можно делать самые разные предположения о его действительном происхождении. Одни считают его гунном [173, с. 108; 148, т. II, с. 87, примеч. 1; 206, т. II, с. 141], другие — готом (южно-русским или фракийским) [290, с. 280], третьи — человеком смешанной гото-ромейской крови [301, с. 287]. Некогда Гермоген был советником Виталиана, затем, удостоившись звания магистра [35, т. I, А, I, 13, 10—11],¹ он принял участие в совместном с Велисарием руководстве византийским войском во время войны с Ираном [26, с. 461—462; 35, т. I, А, I, 13, 10]. Не раз он отправлялся в Иран для ведения переговоров [26, с. 445, 452, 471]. За свои успехи по службе Гермоген был удостоен звания консула и патрикия, поднявшись, таким образом, на самую высокую ступеньку в византийском обществе.

Существовал еще один путь наверх, в круг аристократов, доступный для знатных перебежчиков из стана врагов. Им воспользовался, например, зять короля Теодата Эбримунт. Отправленный в Константинополь, он получил много различных почестей, и в частности был возведен в звание патрикия [35, т. II, 1, 8, 3—4; 100, с. 268].

Таким образом, состав столичной аристократии был весьма пестрым. Наряду с представителями знати, выдвинувшимися в предшествующие времена, в сенаторской среде оказалось и немало выскочек, которым подняться столь высоко помогли какой-либо талант или же просто случай, обеспечивший их высокими

¹ Гермоген занимал этот пост пять или шесть лет [303, с. 369].

постами в имперской администрации и — соответственно — сенаторским титулом.

Так же как в Риме, в Византии тоже существовали богатые сенаторы, например Велисарий или Иоанн Каппадокийский. По богатству Велисарий мог чуть ли не сравняться с императорским двором. Во время войны с готами римляне говорили, что своим могуществом Велисарий один может уничтожить силу Теодориха [35, т. II, III, 1, 21]: только на доходы со своих владений он выставлял до 7 тыс. всадников. Отмечая его богатство, Прокопий говорит, что он был страшен для всех — и властвующих, и воинов [35, т. II, III, 1, 18—19, 20]. Петр Патрикий имел в своем владении остров [301, с. 727]. Очень богат, по утверждению Прокопия, был консул Евдемон [35, т. III, XXIX, 3—4]. Значительным было состояние Тимострата, брата Руфина, и Иоанна, сына Луки, попавших в плен к вождю лахмидов Мундару [35, т. I, A, I, 17, 4].

Однако основная масса сенаторов на Востоке, которая не могла похвастаться столь древним происхождением, как римская знать, была все же намного беднее, значительно уступая в этом смысле римским магнатам [235, т. II, с. 555]. Долги константинопольских синклитиков были делом настолько распространенным, что стали сюжетом специально посвященных этому законов Юстиниана, прежде всего эдиктов VII и IX, из которых вытекает, что свою собственность (дома, земли и т. п.) аристократы (по всей видимости, речь идет о выскочках) подчас приобретали на одолженные суммы.

Основу богатства родовитой римской знати составляла прежде всего земельная собственность. Земельные владения имели и константинопольские сенаторы, о чем упоминает Прокопий в «Тайной истории» [35,

т. III, XII, 12]. Константинопольские сенаторы чаще, вероятно, владели проастиями, расположенными как в самом городе, так и в его предместьях и приносившими их владельцам разнообразный доход (см. выше, с. 59). Большой доход приносила им сдача в аренду помещений, в том числе ремесленных мастерских, причем, по-видимому, не только тех, которые находились в проастиях. В новеллах Юстиниана о мастерских константинопольской знати говорится как о вполне обычном явлении [33, нов. 43, 59]. Конечно, едва ли синклитики сами занимались ремеслом и торговлей — скорее всего они сдавали в аренду или сами мастерские, или помещения для них. В раннем Константинополе сдача в аренду домов и частных портиков под мастерские и жилье была весьма распространенным явлением, и плата за аренду тяжелым бременем ложилась на плечи ремесленников, о чем красноречиво свидетельствует 43-я новелла Юстиниана. Из той же новеллы явствует, что эргастирии сенаторов представляли собой серьезную конкуренцию для прочих ремесленных мастерских, поскольку были освобождены от несения всяких повинностей [33, нов. 43, предисл.].

Резиденция константинопольского аристократа все больше превращалась в коммерческое учреждение — οἶκος, οἰκία. Подобные учреждения могли занимать целый квартал, который принимал название по имени владельца. Так, в квартале, принадлежавшем богатой вдове Олимпиаде (IV в), сдавались внаем ремесленные мастерские, помещения для жилья, бани [86, с. 121].

Наряду с имениями, домами и эргастириями константинопольские сенаторы владели движимым имуществом, золотом и драгоценностями. По свидетельству Прокопия, у Велисария хранились на Востоке большие суммы (πολλά χρήματα). Он пишет, что Фе-

одора, овладевшая этими богатствами, передала из них 3 тыс. либр золота императору, вернув остальное прославленному стратигу [35, т. III, IV, 17, 31]. Огромные сокровища были и у Феодосия, фаворита жены Велисария Антонины [35, т. III, III, 5]. Внук императора Анфимия Зинон также был собственником бесчисленного количества серебра и золотых вещей, украшенных драгоценными камнями [35, т. III, XII, 2]. Когда в 512 г. толпа восставших разгромила дом префекта претория Марина Сирийца, она нашла там массу серебра, которое тут же было разрублено топорами и разделено между участниками нападения [26, с. 408]. Иоанн Каппадокийский и после опалы и ссылки обладал большим богатством, частично спрятанным, частично оставленным ему императором [35, т. I, A, I, 25, 34]. Естественно, что к спрятанному имуществу земельные владения не относятся. Характерно, что, описывая богатства Иоанна, Прокопий прежде всего говорит о множестве денег (*χρήματα μεύαλα*) [35, т. I, A, I, 25, 34].

Одновременно с богатствами, получаемыми синклитиками от имений, сдачи в аренду эргастриев и жилья, большую выгоду приносило им обладание административными должностями. Префект Африки получал 100 либр золота в год [277, с. 31]. Сама по себе такая сумма не могла привлекать людей с доходом в 1 тыс. либр или больше, но дело в том, что обладание этой должностью давало возможность получать намного больше, чем официальное жалованье [235, т. II, с. 557]. Именно этим, по-видимому, можно объяснить вражду между людьми, перешедшую в настоящее вооруженное столкновение, из-за стремления получить должность августина Александрии, о чем писал Прокопий в «Тайной истории» [35, т. III, XXIX, 1–10].

Занимая пост префекта претория, Иоанн Каппадокийский за короткий срок стал настолько богат, что, будучи сосланным в Кизик, мог жить в роскоши и считать свое положение счастливым [35, т. I, А, I, 25, 34—35]. Весьма своеобразно наживал свое богатство племянник Юстиниана — патрикий Герман. Как сообщает Иоанн Малала, Герман, назначенный стратилатом Востока в 540 г., накануне захвата Антиохии Хосровом, практически занимался лишь тем, что скупал у жителей серебро — по 2 или 3 номисмы за 1 либру [26, с. 480].¹

При рассмотрении сенаторского сословия в Константинополе возникает еще один немаловажный вопрос: насколько устойчивым было положение знати в VI в. Г.-Г. Бек полагает, что с каждой переменной на

¹ Г. Дауни [181, с. 346] считает, что отношение золота к серебру в эту эпоху было 1 : 6. Следовательно, нормальная стоимость 1 либры серебра была 12 номисм (номисма, или солид = $1/72$ либры золота). Таким образом, Герман покупал серебро, которое люди меняли на золото, чтобы легче унести его с собой, с большой выгодой для себя. Стремясь сохранить серебро, Герман покинул Антиохию и в результате оказался виновником ее захвата персами [181, с. 347]. По этой причине, полагает исследователь, его и не любили при дворе. Э. Штейн, однако, считает, что Герман скупал серебро для государственной казны. Отношение золота к серебру, по мнению этого ученого, было 1 : 18, т. е. 4 номисмы за 1 либру [301, с. 489, 426, примеч. 1]. Г. Дауни [179, с. 540], допуская возможность, что Герман скупал серебро с одобрения правительства, так как персы предпочитали его золоту, тем не менее сомневается, что он делал финансовые махинации в интересах государства. По мнению Дауни, отношение серебра к золоту в ту эпоху у Э. Штейна сильно занижено [179, с. 540—541, примеч. 167]. О высоком отношении серебра к золоту см. [290, с. 509, примеч. 1027]. Однако автор, соглашаясь с Г. Дауни, что Герман скупал серебро в своих интересах, не склонен считать его виновником падения Антиохии [290, с. 326, 509, примеч. 1027].

троне потрясалась вся социальная структура города [136, с. 16]. Он пишет, что «высочки приводили нередко орду родственников, сторонников и прихлебателей и возводили их в высокие и высочайшие звания государства, а вместе с тем и в „общество“ столицы. Поэтому многие, кто до этого имел ранг и имя, удалялись, вынужденные спускаться по социальной лестнице» [136, с. 16].

Действительно, известная нестабильность в положении сенаторской аристократии Константинополя являлась одной из ее особенностей. Само звание сенатора не было наследственным, а в ряде случаев даже не было пожизненным. Именно этим, пожалуй, можно объяснить обесценение одних титулов и появление других. В середине V в. потеряли прежнее значение титулы *клариссима* и *спектабиля*; отныне лишь титул *иллюстрия* давал право заседать в сенате. В начале правления Юстиниана количество *иллюстриев* увеличилось за счет *illustres honorarii* [301, с. 429]. Но уже приблизительно в 536 г. Юстиниан лишил их права заседать в сенате, который в результате стал сравнительно небольшим собранием, объединявшим лишь самых высших должностных лиц — *gloriosi* [301, с. 432].

И все же неустойчивость в среде константинопольской сенаторской знати не следует преувеличивать и представлять себе дело так, словно с каждой переменой на троне происходили резкие изменения в ее составе. Так, с приходом к власти Юстина не наблюдается никаких изменений социальной структуры Константинополя. Ипатий, Помпей и Пров, например, выдвинувшиеся при Анастасии, с переменой трона продолжают играть в государстве большую роль вплоть до 532 г. В частности, Ипатий, несмотря на то, что еще в правление Анастасия дважды неудачно возглавлял

византийское войско и в результате отстранялся от должности, при Юстине вновь становится стратилатом Востока [26, с. 423]. Он оказался и среди ромейских послов, отправленных Юстином к персам [35, т. I, А, I, 11, 24]. Прова Юстин посылает с большими деньгами на Черноморское побережье с целью склонить гуннов оказать помощь иверам [313, с. 70—71]. Юстиниан, в свою очередь, прощает Прову нанесенное ему оскорбление [26, с. 438—439].

Таким было отношение не только к родственникам предшествующего императора, хотя именно на них прежде всего должна была сказаться неустойчивость положения знати. Марин Сириец, игравший при Анастасии крупную роль в управлении государством, исполнял при Юстине должность префекта претория (519 г.), несмотря на то, что оказался замешанным в заговоре против императора [314, с. 103—104].

С переменой династии не наблюдается никаких массовых репрессий по отношению к знати; напротив, некоторые патрикии, сосланные Анастасием, были возвращены при Юстине и назначены на высокие посты [26, с. 411].

Не происходит резких изменений в положении сенаторской аристократии и в течение всего правления Юстина и Юстиниана (см. гл. VIII).

Вместе с тем в источниках упоминаются случаи, когда некоторые лица действительно теряли высокое положение и подвергались репрессиям. Так, с приходом к власти Юстина I были казнены Амантий и три его сторонника, готовившие заговор против нового императора [26, с. 410—411]. Причина опалы, впрочем, здесь достаточно ясна, а гнев императора коснулся весьма узкого круга лиц.

В 523 г. Юстин сместил и сослал в Иерусалим префекта Константинополя Феодота, без его ведома предавшего казни иллистрия Феодосия Стикку [26, с. 416]. По словам Прокопия, истинной причиной ссылки явилось недоброжелательное отношение к префекту со стороны племянника императора — Юстиниана [35, т. III, IX, 39].

В 529 г. в связи с гонением на язычников было конфисковано имущество и ряда представителей сенаторской знати. Среди пострадавших источники называют бывшего референдария Македония, бывшего епарха Асклепидота, патрикия Фоку, сына Кратера, и квестора Фому [26, с. 449; 41, с. 180].¹ В том же году жертвой гнева императрицы стал бывший консул Приск: имущество его было конфисковано, а сам он отправлен в изгнание в город Кизик [26, с. 449].

Еще об одном случае, когда «за клевету» был конфискован дом бывшего епарха Евгения, упомянуто в «Хронографии» Феофана [41, с. 235].

Подобные факты, однако, были единичными и вовсе не означали больших перемен и потрясения всей социальной структуры города. Представляется возможным, по-видимому, говорить лишь о таком социальном изменении, которое, если употребить сказанное по другому поводу выражение Г.-Г. Бека, пронзая горизонтальные слои, «сами эти слои оставляет нетронутыми».

Но, как бы то ни было, все эти примеры, несомненно, свидетельствуют о том, что положение сенаторов не отличалось достаточной стабильностью и ча-

¹ Фома впоследствии был либо оправдан, либо помилован [301, с. 371, примеч. 2].

сто зависело от прихоти императора или императрицы. Действительно, звание сенатора отнюдь не являлось гарантией независимого, прочного положения, избавлявшего от неожиданных немилостей и капризов царственных особ. Так, прославленный полководец, почетный консул Буза, тоже пострадавший от гнева Феодоры, был заточен ею без всякого суда в ее собственную тюрьму, и никто не знал, где он находился [35, т. III, IV, 8—13].

Несколько раз испытывал на себе гнев императора и императрицы Велисарий, и лишь по прихоти Феодоры ему было возвращено прежнее положение [35, т. III, IV, 13—32]. Характерным представляется и пример патрикия Фоки. В 529 г. он был обвинен в язычестве, и имущество его конфисковано. В 532 г. он вновь появляется на исторической арене, сменив на несколько месяцев Иоанна Каппадокийского на посту префекта претория [35, т. I, А, I, 24, 18; 16, с. 621]. В 545—546 гг. Фоку опять обвиняют в язычестве, и он вынужден покончить с собой [301, с. 371].

Нестабильность положения аристократии проявлялась также в том, что дети и родственники сенаторов далеко не всегда наследовали не только общественное положение, но и их имущество. Так, Юстиниан присвоил имущество бывшего консула Евдемона, хотя тот имел немалую родню [35, т. III, XXIX, 12]. Подобным же образом он поступил с имуществом препозита Евфрата, имевшего наследника в лице своего племянника [35, т. III, XXIX, 13]. Кроме того, император, попирая всякую законность, сделал себя наследником сенаторов Зинова, Татиана, Демосфена и Гилара [35, т. III, XII, 3—5]. Таким образом, даже не прибегая к массовым репрессиям, Юстиниан тем не менее давал сенаторам

повод к беспокойству за свое положение, имущество и судьбу близких.

Юридически сенаторская аристократия Константинополя являлась высшим социальным слоем империи. Соответствовала ли ее политическая значимость этому юридическому статусу? По мнению Г.-Г. Бека, константинопольский сенат играл весьма важную роль в политической жизни ранней Византии. В статье «Сенат и народ Константинополя» исследователь, в частности, пишет, что если до середины V в. империя была солдатской и решающую роль в ней играла армия [137, с. 5], то с этого времени положение коренным образом меняется: сенат становится важным конституционным фактором, ему принадлежит решающая роль в избрании императора [137, с. 10 и сл.].¹ Классическим случаем подобного избрания Г.-Г. Бек считает избрание императором Юстина в 518 г. [137, с. 13].

Обратимся еще раз к источникам, излагающим это событие. Согласно «*De ceremoniis*», первыми, кто узнал о смерти Анастасия, были магистр оффиций Келер и комит экскувитов Юстин. Наутро Келер созвал архонтов, т. е. высших чиновников, патриарха и сенаторов, которые разместились на специально поставленных для этой цели скамьях в портике перед триклинием (большой залой) дворца и начали спорить о том, кого им избрать императором. Келер побуждал собравшихся действовать быстро в своем решении,

¹ Этой же точки зрения придерживается и Е. Христофилопулу [344, с. 112; 342, с. 58]. По мнению автора, войско принимало участие лишь в провозглашении императора, а не в избрании. (Ср. [311, с. 79]).

дабы не упустить инициативы из своих рук [18, I, 93, с. 427].

За кулисами действовала еще одна фигура — препозит Амантий. Будучи евнухом, он не имел права на императорский престол, а потому, как сообщает хронист Иоанн Малала, выдвигал кандидатом на престол своего племянника Феоктиста. С этой целью Амантий дал деньги комиту экскувитов Юстину [26, с. 410; ср.: 16, с. 610—611]. Пока сановники спорили о кандидате, а собравшиеся на ипподроме побуждали синклит дать войску и народу императора, Юстин приступил к действиям, раздав служившим под его началом экскувитам деньги с тем, чтобы они высказались в его, Юстина, пользу [26, с. 410]. Между придворными отрядами кандидатов и схоляриев, которые являлись всего лишь парадными войсками, и экскувитами, начались настоящие схватки [18, с. 427—428]. И те, и другие выдвигали разных кандидатов, пока, наконец, выбор не остановился на Юстине [18, с. 428].

Согласно версии, сохранившейся в «*De cerimoniis*», экскувиты предлагали в императоры племянника Юстина — Юстиниана [18, с. 428], но собравшаяся во главе с Келером знать его, как, впрочем, и других кандидатов, в частности со стороны схоляриев, не одобрила. По прошествии какого-то времени высшие чины и синклитики остановили свой выбор на старике Юстине, чем, разумеется, они вполне удовлетворили экскувитов, служивших под его началом и получивших от него, как только что было сказано, деньги, предназначенные для другой цели. Эта часть изложения «*De cerimoniis*» представляется достаточно правдоподобной, поскольку, с одной стороны, кандидатура Юстина не могла вызвать возражений у экскувитов, ос-

новой военной силы, присутствующей на ипподроме, с другой стороны, высшая знать, видимо, надеялась (как то и случилось) пользоваться влиянием при старике-императоре, которому было в ту пору около 66 лет. Во всяком случае, в своем письме к римскому папе Юстин так объявил о своем возведении на престол: «Мы избраны на царство милостью неделимой Троицы, выбором высших чинов священного дворца и сената, и, наконец, избранием армии» [Coll. Avellana. Ep. 141]. Итак, в официальном документе Юстин на первое место после Бога поставил высших сановников, а не сенат как институт.

Из всего сказанного можно заключить, что главное слово было за высшими чиновниками (архонтами), которые в критические моменты опирались на сенат, войско и народ.

Число архонтов и выполняемые ими функции были различны, но одно несомненно — это были высшие гражданские и военные чины, находившиеся на действительной службе, такие как префект претория Востока, префект города Константинополя, магистр милитум, магистр оффиций, квестор священного дворца и т. д. Показательно, что согласно закону Зинона, обладатели именно этих высоких постов имели право на получение высшего титула — патрикия [17, XII, 3, 3].

Роль же сената определялась тем, что он был органом, объединявшим высших чиновников и военных, находившихся на действительной службе и в отставке, выступал временами как высшая судебная палата, хотя император сохранял за собой право отменить его решение, а также выполнял определенную роль при избрании нового императора. Кроме того, сенаторы несли важную функцию в ранневизантий-

ском обществе как общепризнанные носители характерных для общества моральных и этических принципов, как лица, которые, как тонко подметил Ж. Дагрон, определяли общественное мнение [170, с. 192 сл.], нормы жизни и вкусы общества.

После избрания императором Юстина I деятельность как архонтов, так и сената в целом заметно активизируется. На основании сочинений Прокопия Кесарийского можно заключить, что заметное влияние на ход государственных дел играл квестор Прокл [35, т. I, А, I, 11, 11—19, 21, 22; т. III, VI, 13, IX, 41]. Другие источники среди важных государственных деятелей упоминают магистра официий Келера, магистра милитум Виталиана и др.

По всей видимости, был поднят и престиж сената. Во всяком случае, источники неоднократно упоминают о сенате в связи с важными религиозными и другими государственными делами (см. ниже).

В первые годы правления Юстиниана известия о сенате практически исчезают со страниц источников. По всей видимости, в этот период сенат не имел никаких прав и был лишен возможности проявлять какую бы то ни было политическую активность. Это и послужило, вероятно, одной из причин, побудивших сенаторов принять участие в восстании Ника.

Торгово-ремесленное население Константинополя

В развитом центре ремесла и торговли, каким являлась столица империи, ремесленники и торговцы составляли весьма значительную часть населения. Трудовой люд Константинополя — одна из основных фигур исторических сочинений и хроник того времени. Каменщики, плотники, башмачники, кузнецы, юве-

лиры, хлебопеки, мясники и т. д. постоянно упоминаются в памятниках самых различных жанров. Особое место в законодательных и нарративных источниках отводится крупным торговцам, ростовщикам, навикуляриям, но наибольшим значением и влиянием наделяются в них аргиропраты. На этой весьма заметной группе торгово-ремесленного населения столицы мы и остановимся прежде всего.

Термин «аргиропрат» исследователями понимается по-разному. Одни считают, что это были ювелиры, менялы и ростовщики [86, с. 150—153; 168, с. 31; 235, т. II, с. 863—864; 53, с. 190; 64, с. 107—108, 146], другие относят понятие «аргиропрат» лишь к менялам и ростовщикам [209, с. 65; 112, с. 27, примеч. 98]. Спорность трактовки термина, на наш взгляд, объясняется тем, что источники зачастую либо не раскрывают его значения, либо говорят лишь об одной из сторон деятельности аргиропратов. И все же мы склонны присоединиться к первой точке зрения, поскольку законодательный материал и нарративные источники допускают возможность более широкого толкования термина «аргиропрат», нежели только ростовщик и меняла. Так, в гл. III 136-й новеллы Юстиниана говорится, что у аргиропратов часто бывают украшения и серебро, которое они дают в долг или продают («κόσμου πολλάκις ἢ ἀργύρου ἐπὶ τῶν τοιούτων διδομένου ἢ πιπρασκομένου»).¹

¹ Возражения И. Ф. Фихмана см. [113, с. 119, примеч. 146]. Он полагает, что приведенные нами слова новеллы нельзя использовать в качестве доказательства того, что аргиропраты являлись ювелирами, поскольку там же говорится о πρῶστῶν τραπέζης ἀργύρου. Думается, что в данном случае речь идет о совмещении функций аргиропратов, а не об исключении одного рода их деятельности другим.

О том же свидетельствует, на наш взгляд, и спорное место из жития Иоанна Милостивого, где рассказывается, как некий серебряных дел мастер (ἀργυροκόλος), живший в Иерусалиме, пригласил к себе на утреннюю трапезу аргиропратов, приехавших в этот город из Африки [30, с. 44—45]. Логичнее всего предполагать, что речь в данном случае идет о людях близкой профессии.

Вполне определенно высказывается по этому поводу Иоанн Мосх, который описывает, как однажды некий бедняк, нашедший ценный камень, принес его трапезиту, являвшемуся одновременно и аргиропратом («...εἰς τὸν τραπέζιτην. Αὐτὸς δὲ ἦν καὶ ἀργυροπράτης») [27, кол. 3061].

Такими образом, сводить деятельность аргиропратов лишь к ростовщичеству и обмену денег было бы, нам кажется, ошибкой, хотя именно об этой стороне их занятий сохранилось больше сведений и именно эта (финансово-ростовщическая) деятельность выдвигала их на первый план в экономической жизни византийского города VI в.

Аргиропраты существовали во многих городах империи: Антиохии, Александрии, Иерусалиме, Нисибисе и др. [86, с. 151—152; 53, с. 190—191], но наиболее благоприятным местом для их деятельности являлась столица. Иоанн Мосх упоминает о том, что два брата-аргиропрата родом из Сирии жили в Константинополе «по причине своего ремесла» [27, кол. 3065]. Столичные аргиропраты были, по всей видимости, более многочисленны и пользовались большим влиянием, нежели их собратья из других городов. В посвященных аргиропратам законах — 136-й новелле и IX эдикте — Юстиниан прямо говорит о том, что его постановления изданы по просьбе аргиропратов Кон-

стантинополя. «Члены корпорации аргиропратов этого счастливого города, — говорится в новелле, — приходят к нам и просят оказать им помощь» [33, нов. 136, предисл.].

С такой же примерно фразы начинается и IX эдикт, где к тому же упоминается обо всех щедротах, которые оказал столичным аргиропратам Юстиниан [33, эдикт IX, предисл.]. Таким образом, 136-я новелла и эдикты Юстиниана имеют в виду прежде всего аргиропратов Константинополя. Примечательно, что IX эдикт, так же как и, по всей вероятности, VII эдикт, тоже посвященный аргиропратам,¹ адресован не префекту претория или комиту священных щедрот, а префекту города.

Об исключительности положения, которое занимали среди аргиропратов империи столичные аргиропраты, свидетельствует и еще одно немаловажное обстоятельство. Только они имели право нести государственную службу, что явствует из постановления Юстиниана: «Впредь запрещаем нести государственную службу (*militare*) тем, которые состоят при каком-либо эргастирии этого благословенного города или провинции, исключая менял (*argenti distractoribus*), ведущих дела в этом благословенном городе» [17, XII, 35]. Закон, следовательно, не распространялся на аргиропратов других городов.

Аргиропраты выполняли весьма важные функции в государстве, и это неоднократно подчеркивает Юстиниан в своих постановлениях. Как заявлялось в VII

¹ VII эдикт составлен в марте 542 г. на имя Юлиана, который не был ни префектом претория (эту должность занимал тогда Феодот [301, с. 784]), ни комитом священных щедрот, которым являлся тогда, по свидетельству самого эдикта (гл. VI), Петр Варсима.

эдикте, они принимали участие в сделках, совершавшихся почти по всей империи, причем самые важные контракты заключались именно с их помощью [33, эдикт VII, гл. IV, VIII]. В чем же состояла эта помощь? Главным образом в посредничестве и поручительстве. Сделки могли быть самыми разнообразными и касаться как предметов, которые можно измерять и взвешивать, так и всякого другого имущества, движимого и недвижимого, включая дома, землю и даже людей [17, IV, 18, 2].¹

Посредничество также носило различные формы. Нередко аргиропраты покупали для других имущество и как посредники отдавали в залог золото и другие ценности [33, эдикт IX, предисл.]. Им поручалась и распродажа имущества с торгов. В данном случае речь

¹ См. также [281, с. 46 и сл.]. Это, пожалуй, единственная работа, которая посвящена аргиропратам VI в.; однако она страдает неполнотой, так как учитывает в основном Дигесты и Кодекс Юстиниана, не принимая во внимание 136-ю новеллу и VII и IX эдикты, специально посвященные аргиропратам. Статьи Кодекса между тем имеют в виду не только аргиропратов, но и других торговцев (см., например, [17, IV, 18, 2]: *argenti distractores et alii negotiatores*), а в ряде случаев аргиропраты лишь подразумеваются [20, XIII, 5, 27; XIII, 5, 12; XVII, 1, 1; 28 и т. д.]. Автора больше интересуют вопросы юридического характера, чем социально-экономического. Существенным недостатком работы является также преувеличение Ж. Платоном роли денежных отношений в VI в. и в более ранний период. По его мнению, роль аргиропратов (которых он называет преимущественно банкирами) была в то время так же велика, как и в современных исследователю Англии и США. «Не было семьи, обладавшей каким-либо состоянием, которая не держала бы текущего счета у своего банкира и не оформляла свои платежи через него», — пишет Ж. Платон [281, с. 1]. Вместе с тем в исследовании содержится ряд ценных сведений, в частности об институте *rescriptum argentarii*, которому автор отводит в своей работе центральное место [281, с. 43—117].

могла идти о конфискованном имуществе (как это, вероятно, было при продаже одежд императора Зинона, о чем упоминает Иоанн Антиохийский [22, с. 142]), имуществе умершего без завещания, вынужденной распродаже в результате умершего без завещания, вынужденной распродаже в результате разорения, наконец, обычной продаже, например, урожая [20, XLVI, 3, 88; XVII, 1, 1; 281, с. 21 и сл.]. Кроме того, аргиропраты выступали и как оценщики имущества [281, с. 21; 112, с. 17].

В VI в. были широко распространены различные виды поручительства аргиропратов. В VII эдикте Юстиниана говорится, что при ведении судебных дел не следует требовать от аргиропратов поручительства другого лица, поскольку они сами обычно являются поручителями и дают клятвы за других («ὧν ἡ πίστις καὶ ὑπὲρ ἑτέρων ἀρκεῖν νομίζεται») [33, эдикт VII, гл. V]. Как поручители, аргиропраты гарантировали выплату денег или отдачу каких-либо других ценностей, включая движимое или недвижимое имущество [17, IV, 18, 2; 281, с. 46 и сл.]. Нередко гарантировали они уплату долга, срок которого уже истек [33, эдикт IX, предисл.].

Но этим не исчерпывается деятельность аргиропратов, которых источники довольно часто изображают как крупных кредиторов, банкиров средневекового типа, ссужавших крупные суммы под залог золота, серебра, драгоценностей, с высоким процентом [33, нов. 136, гл. III; эдикт VII, предисл.; эдикт IX, гл. IV]. На деньги, полученные от аргиропратов, их должники приобретали как движимое, так и недвижимое имущество, а также покупали государственные должности. Обо всем этом неоднократно упоминается в законодательстве [33, нов. 136, гл. III; эдикт VII, гл. VII]

и подтверждается данными нарративных источников [43, с. 61—62].

Константинопольские аргиропраты имели широкие связи. В папирусе 541 г. из Афродито рассказывается, как жители этого селения — священник Флавий Виктор и его спутник — во время пребывания в Константинополе заняли 20 номисм у аргиропрата Флавия Анастасия. Выплата долга должна была произойти в Александрии, где Анастасий имел контору со своим человеком по имени Фома [34, с. 2—6]. В папирусе сказано, что Флавий Анастасий одолжил деньги на четыре месяца при условии выплаты 8% размера долга. Между тем согласно закону Юстиниана от 528 г. 8% были максимальными годовыми процентами, взимаемыми ремесленниками и торговцами [17, IV, 32, 26, § 2].¹ То, что превышающие норму проценты имели на практике известное распространение, вытекает и из текста IX эдикта [33, эдикт IX, гл. V].

¹ Помимо 8% должникам Флавия Анастасия полагалось уплатить еще 4% за два месяца (μηῶν δύο διμοιρίεὺς τόκοις). Как предполагает Ж. Масперо, эти два месяца требовались для того, чтобы переправить деньги из Александрии в Константинополь. По его мнению, 8% являлись в данном случае нормой, а добавочные проценты на два месяца, видимо, следует рассматривать как издержки на пересылку [34, с. 3—4]. А. Льюис и Н. В. Пигулевская рассматривают все 12% как проценты на долг и считают их нормой. По мнению А. Льюиса, деньги вообще одалживались под 12% [249, с. 44]. Н. В. Пигулевская же полагает, что в данном случае речь идет о *trajectitia contracta* [79, с. 60]. Однако и в этом случае 12% полагалось получить за год, а не за полгода [17, IV, 32, 26, § 2; IV, 33, 1, 2]. Завышенными процентами считает 8% за четыре месяца М. Я. Сюзюмов. Однако он иначе понимает μηῶν δύο διμοιρίεὺς τόκοις, полагая, что за два месяца должникам следует уплатить 8% [6, с. 128] (ср. [269, с. 63—64]).

Все операции аргиропраты фиксировали в ежедневных записях [33, эдикт VII, гл. I; эдикт IX, предисл.], поскольку им предписывалось вести тщательный учет дел [20, II, 13, 10, § 1]. При заключении контрактов составлялись счета (λογισμοί) [33, нов. IX, гл. II], в которые заносились приход и расход и которые при возбуждении судебного процесса должны были представляться в суд [33, эдикт IX, гл. II]. Подписанные сторонами счета признавались недействительными лишь в том случае, если была допущена ошибка в счете или при вычислении процентов [33, эдикт IX, гл. II].

Аргиропраты выполняли также общественные функции [20, II, 13, 10, § 1] — пробировали деньги и пускали их в оборот, привлекались к расчетам государственного казначейства [6, с. 128]. Во время праздников, для того чтобы придать красоту городу, они по приказу императора выставляли свой товар для всеобщего обозрения [26, с. 492].¹

Среди торговцев и ремесленников константинопольские аргиропраты занимали особое место. Как уже упоминалось, только они имели право поступать на государственную службу, за исключением службы в войске [17, XII, 35; 33, нов. 136, гл. II; эдикт IX, гл. VI].² Упомянутый выше Флавий Анастасий был

¹ Это свидетельство Иоанна Малалы подтверждает точку зрения о том, что деятельность аргиропратов не сводилась лишь к обмену денег и ростовщичеству, но что они являлись одновременно и ювелирами.

² В греческом тексте 136-й новеллы государственная служба названа *στρατεία*, и М. Я. Сюзюмов [6, с. 147], ссылаясь на это, утверждает, что трапезиты и их сыновья участвовали в походах. Однако это едва ли возможно, поскольку в Кодексе Юстиниана (XII, 35) и IX эдикте (гл. VI) специально оговаривается служба в войске (*χωρίς ἐνόπλου στρατείας*). По-видимому,

castrensianus sacrae mensae [34, с. 3]. Аргиропраты могли быть и духовными лицами. Так, сохранился моливдовул VI—VII вв., принадлежавший аргиропрату Павлу Диакону [292, с. 440]. В VI в. аргиропраты носили титул $\lambda\alpha\mu\beta\rho\acute{o}\tau\alpha\tau\omicron\varsigma$ (clarissimus), причем, как справедливо считает Р. Гийан, речь идет об официальном титуле, а не об эпитете вежливости [50, с. 48].

Аргиропраты имели связи с императорским окружением и играли немалую роль в жизни столицы. Иоанн Малала, а вслед за ним и Феофан рассказывают о заговоре против императора в 562 г., участниками которого были Авлавий, сын Мельтиада, аргиропрат Маркелл и племянник куратора Эферия Сергей. Авлавий, получив от Маркелла 50 либр золота за свое участие, донес о заговоре, и аргиропрат Маркелл был схвачен в тот самый вечер, когда он, собираясь осуществить покушение на императора, входил во дворец с кинжалом под одеждой. В связи с этим заговором источники упоминают также аргиропратов Евсевия, Вита и Исакия, который был каким-то образом связан с Велисарием (κατὰ Βελισάριον) [26, с. 493—495; 41, с. 237; 22, с. 173—175]. Именно у этого Исакия Маркелл одолжил упомянутые 50 либр [22, с. 175]. Итак, аргиропраты субсидируют заговор (что лишний раз свидетельствует об их состоятельности), имеют связи с первыми лицами двора и имеют к ним непосредственный доступ.

Деятельность аргиропратов приносила им богатство, положение и влияние в обществе, но она имела и свои теневые стороны. Это в первую очередь отно-

στρατεία, так же как и militia, следует в данном случае относить не к военной, а к гражданской службе, как это и делает А. Джонс [235, т. II, с. 864] (ср. [195, с. 355]).

силось к их сделкам с представителями знати. Контракты подобного рода оформлялись довольно просто и часто имели лишь никем не заверенную подпись знатного лица. Случалось, что вообще не составлялось никакого договора, т. е. сделка не была письменно зафиксирована. Поэтому займы, которые предоставляли аргиропраты знатым лицам, таили в себе немало опасностей. Наследники могли не признать заключенные устно контракты, а также сделки, не оформленные специальными чиновниками [33, эдикт VII, предисл.]. Возвращение денег в подобных случаях было связано с большими трудностями и бесконечными тяжбами. То же самое можно сказать и относительно залога, который аргиропраты как посредники вносили за своих клиентов-аристократов, не получив с них при этом расписок [33, эдикт IX, предисл.].

Бывали случаи, когда должники признавали долг, но не возвращали его под предлогом некредитоспособности, или когда они, приобретя на деньги аргиропратов недвижимое имущество (κτῆσις ἀκίνητος), записывали его на имя жены или родственника [33, эдикт VII, гл. VII]. Нередко, заняв у аргиропратов деньги, аристократы, в свою очередь, отдавали их в долг, а затем получив его, оформляли возврат на имя жены или родственника. Естественно, аргиропратам подчас было просто невозможно получить обратно свои деньги. Это, несомненно, осложняло отношения между аристократией и торгово-ростовщической верхушкой города и служило одной из причин существовавших между ними конфликтов. Ситуация усугублялась запретом Юстиниана взимать более 8% годовых [17, IV, 32, 26, § 2]. Хотя, как мы видели, на практике этот закон не всегда соблюдался, он все же сдерживал ростовщическую деятельность аргиропратов, вызывая

к тому же частые споры кредиторов с клиентами [33, эдикт IX, гл. VI]. Нередко знатные должники отказывались платить аргиропратам даже оговоренные 8%, ссылаясь на то, что они занимали государственные должности, а в этом случае полагалось выплачивать не более 6% в год [33, нов. 136, гл. IV, V; эдикт IX, гл. VI]. Естественно, все это служило источником резкого недовольства среди аргиропратов.

Наряду с аргиропратами состоятельную прослойку торгово-ремесленного населения города представляли судовладельцы (навикулярии). В законодательных актах столичные навикулярии не отделены от навикуляриев других городов. Относящиеся к ним рескрипты адресованы то префекту города [17, XI, 1, 3, 5], то префекту анноны [17, XI, 2, 1], то проконсулу Африки [17, XI, 2, 2], но главным образом префекту претория [17, XI, 1, 4, 6, 7; XI, 2, 3 и т. д.]. По всей видимости, навикуляриев различных городов рассматривали как единую корпорацию вследствие важной роли, которую они призваны были играть в доставке хлеба в столицу.

Действительно, для перевозки хлеба в Константинополь требовалось очень много судов. При Юстиниане в город поступало 27 млн. модиев хлеба (8 млн. египетских артаб)¹ [33, эдикт XIII, гл. VIII], которые необходимо было перевезти в столицу в сжатые сроки. Но путь из Африки до Босфора занимал не менее двух месяцев, и поэтому большая часть кораблей постоянно находилась в море. Грузоподъемность кораблей колебалась от 2 тыс. модиев (около 15 т) до 35 тыс. (около 230 т), а иногда и больше.² Но и судно

¹ Египетская артаба = 80 либрам [235, т. III, с. 217].

² О корабле вместимостью 50 тыс. (около 330 т) сообщает Иоанн Мосх [27, кол. 3069].

местимостью 35 тыс. модиев считалось по тем временам очень большим. Иоанн Мосх рассказывает, как в гавани возле Апамеи один навикулярий построил корабль вместимостью 35 тыс. модиев. Когда понадобилось спускать корабль на воду, 300 рабочих трудились две недели, но так и не смогли хотя бы сдвинуть его с места [27, кол. 2940]. Судя по этому отрывку, подобные корабли были в то время редкостью. Грузоподъемность кораблей, доставлявших хлеб, достигала в среднем 10 тыс. модиев [235, т. II, с. 843]. Для перевозки 27 млн. модиев хлеба даже кораблей вместимостью 35 тыс. модиев требовалось более 700. Реальное же число судов, необходимых для бесперебойного снабжения столицы хлебом, было гораздо больше, достигая, по всей видимости, 2 тыс. Вполне естественно поэтому, что для выполнения этой функции навикуляриев одного, даже крупного города, каким являлся Константинополь, было недостаточно.

Навикулярии также владели землями. Считалось, что землевладение навикуляриев непосредственно связано с выполнением их повинности (*naviculagia functio*). Не только сами они, но и их наследники были навсегда прикреплены к корпорации судовладельцев [17, XI, 2, 1—3].¹

¹ Исследователи часто отождествляют навикуляриев с навклирами, видя в этих терминах латинский и греческий варианты одного и того же слова (см., например, [125, с. 241]). Однако, по мнению Ж. Руже, эти термины имели одинаковое значение лишь до I в. до н. э. С эпохи Антонинов между ними наблюдается большое различие [288, с. 239—240]. Навклир — это, как правило, человек зависимый, являющийся представителем хозяина на корабле, но вместе с тем не капитан. Навикулярии, напротив, были владельцами кораблей. На них лежало выполнение ряда государственных функций, и они являлись обычно земельными собственниками [288, с. 245 и далее]. Как полагает

Поскольку государство стремилось всячески обеспечить бесперебойность доставки хлеба в столицу, оно издало ряд законов в интересах навикуляриев. К судовладельцам, перевозившим *species annonarias*, нельзя было применять никаких насилий (*nullam vim*), подвергать их вынужденному сбору денег или чинить им какие-либо препятствия. За нарушение закона полагался штраф в 10 либр золота [17, XI, 2 (1), 1 (3)]. Преследовался и морской разбой. Пират, если он будет пойман и уличен, обязан был уплатить штраф, в четыре раза превышающий захваченное [17, XI, 2 (1), 3 (5)]. За доставку хлеба в столицу навикулярии освобождались от всякого рода повинностей [17, XI, 4 (3)], исключая *equogum collatio* [239, с. 117]. Кроме того, за транспортировку хлеба государство платило навикуляриям по одному солиду за тысячу модиев и

Ж. Руже, на Востоке институт навикуляриев не привился; фактическим собственником многих кораблей здесь было государство. Наличие в Кодексе Юстиниана статей об имуществе навикуляриев Ж. Руже объясняет тем, что они, по его мнению, носили всеобщий характер и могли быть отнесены не только к навикуляриям. Само слово «навикулярий» было настолько чуждым для греков, что его приходилось пояснять греческим «навклир» [288, с. 256—257, 268]. Оба слова практически вновь становятся синонимами, как это было до Антонинов, когда они означали представителя хозяина корабля [288, с. 230, 258]. Признавая вслед за Ж. Руже известное отличие византийских навикуляриев от навикуляриев Римской империи (см. об этом ниже), мы тем не менее не можем согласиться с тем, что *ναύκληροι* VI в., о которых неоднократно упоминают источники, являлись зависимыми людьми (см., например, [33, нов. 106; 27, кол. 2940]). Весьма спорным представляется суждение автора об общем характере статей об имуществе навикуляриев. Напротив, статьи Кодекса имели целью выделить навикуляриев из других групп населения (125, с. 43—44).

отдавало им 4% привезенного хлеба [17, XII, 2; 125, с. 93, примеч. 2].

Навикулярии с выгодой использовали свое особое положение и подчас продавали хлеб, предназначенный для передачи государству. В связи с этим в 396 г. императорами Аркадием и Гонорием был издан воспроектированный в Кодексе Юстиниана закон, согласно которому навикулярии обязаны были в течение года перевозить хлеб, а затем в течение второго года возвращать расписки с точным указанием срока доставки тем, у кого они получили свой товар [17, XI, 2 (1), 2 (4)]. Навикуляриям категорически запрещалось причаливать в местах, которые не были пунктами их назначения. За нарушение запрета полагалась смертная казнь [17, XI, 2 (1), 5(7)].

В эпоху Римской империи навикулярии были лишь собственниками кораблей и сами далеко не всегда отправлялись в плавание [235, т. II, с. 830]. Постепенно, используя благоприятную ситуацию, в первую очередь освобождение их от уплаты налогов, они начинают заниматься торговлей. Трудно сказать, как именно это началось, возможно, даже со злоупотреблений — с продажи предназначенного для перевозки груза, о чем свидетельствует упомянутый выше закон 396 г. [17, XI, 2 (1), 2 (4)]. Как бы то ни было, занятие торговлей становится для судовладельцев все более постоянным делом, что приводит в V — первой половине VI в. к сращиванию функций навикуляриев и торговцев. Слова «навикулярий» и «морской торговец» становятся синонимами («ὡς εἰώδασι ναυκλήροις ἤτοι ἐμπόροις δανεῖσιν χρυσίον») [33, нов. 106, предисл.].

Начинают создаваться своего рода компании, в которые входят навикулярии и оптовые торговцы [125,

с. 241], выступавшие в качестве посредников между навикуляриями и массой мелких покупателей [35, т. III, XXV, 10]. Появляется практика морских ссуд, начинает разрабатываться система взимания процентов на ссуды, которые выдавались навикуляриям. Когда в 30-е годы VI в. стали возникать споры по поводу займов навикуляриям, префект претория Иоанн Каппадокийский по приказу императора собрал их и спросил, каков у них порядок уплаты процентов. По словам навикуляриев, этот порядок был различен. Иногда по желанию кредитора навикулярий перевозил на своем корабле по одному модулю хлеба и ячменя за каждую взятую номисму денег, уплачивая при этом за кредитора таможенные сборы. Кроме того, кредитор получал еще 10% одолженной суммы, разумеется, если дорога считалась опасной. В остальных случаях в качестве процентов взималась восьмая часть (октава) за каждую номисму, т. е. 12,5%. Сроком возврата ссуды считался не какой-то определенный отрезок времени (скажем, год), а момент возвращения корабля. Судно могло пробыть в пути больше года, но это не отражалось на размере процентов [33, нов. 106, предисл.].¹ На обратном пути навикулярии могли в счет уплаты долга привезти какой-либо груз. По возвращении из плавания им давался срок в 20 дней для покрытия долга, причем проценты не взимались до тех пор, пока не был продан привезенный товар. Если же после продажи груза сумма долга оставалась непокрытой, то процент снижался до 8 [33, нов. 106, предисл.].

Морская торговля в V — VI вв. имела большой размах, занятие ею являлось делом чрезвычайно вы-

¹ При коротких плаваниях срок возврата ссуды определялся в один-два месяца [33, нов. 106, предисл.].

годным и приносило немалые прибыли. В одном из житий этого времени рассказывается о константинопольском купце-судовладельце Феодоре, который вел торговлю по всему Средиземноморью, продавая и покупая в разных местах смолу, олово, медь, пшеницу, вино. Дважды он терпел кораблекрушение, но тем не менее не бросал своего занятия, приносившего времянами весьма крупный доход. Однажды, заняв у своего друга Авраама 1 тыс. либр, Феодор совершил настолько выгодное плавание, что легко смог отдать Аврааму 4 тыс. либр [86, с. 157—159].

Как мы уже отмечали, Юстиниан решил поставить морскую торговлю Константинополя под строгий государственный контроль, не забыв при этом извлечь выгоду для казны. С этой целью он обложил пошлиной (октавой) ввозимые в столицу товары (см. выше, с. 54). Сириец Аддай, ведавший таможенными Константинополя, заставлял навикуляриев платить еще более высокие таможенные сборы, в противном случае предлагая им везти товары в Ливию или Италию («...τοὺς ναυκλήρους ἢ τοῖς τιμήμασιν ἐξήμιτου νηῶν σφετέρων ἢ ἀναφορεῖν εἰς τε Λιβύην καὶ Ἰταλίαν ἡνάγκαζε») [35, т. III, XXV, 8—9].¹ Тогда, по словам Прокопия, некоторые из навикуляриев, не желая терпеть убытки,

¹ Переводчик «Тайной истории» С. П. Кондратьев решил, что в этом пассаже говорится о пошлине, равной стоимости груза корабля (ср. [79, с. 92; 141, с. 167]). Э. Антониадис-Бибуку полагает, что здесь речь идет об изменении условий, на которых навикулярии осуществляли государственные поставки [125, с. 92—93]. Точка зрения исследовательницы представляет несомненный интерес, однако текст «Тайной истории» едва ли позволяет делать выводы относительно изменений условий государственных перевозок. Скорее всего Прокопий имел в виду увеличение размера пошлин.

сжигали свои корабли, а другие, вынужденные согласиться с требованиями Аддая, запрашивали с торговцев тройную плату за перевоз товаров. Те, в свою очередь, поднимали цены на товары, перекладывая бремя расходов на покупателей [35, т. III, XXV, 10].

Из рассказа Прокопия очевидно, что при резком ухудшении положения навикуляриев в начальный период правления Юстиниана больше всего от повышения пошлин пострадали именно мелкие покупатели, на которых отыгрывались как навикулярии, так и крупные торговцы. Роль последних (так же как и аргиропратов, и навикуляриев) в социально-экономической и политической жизни города явно возрастает. Они диктуют цены на рынке (см. выше), являются, как и аргиропраты, посредниками при сделках [17, IV, 18, 2, § 2], достигают получения государственных должностей [17, XII, 35], нередко, возможно, лишь почетных, но вместе с тем придающих им определенный вес и влияние в обществе и обеспечивающих известную свободу действий. Законодательство отразило возросшее значение этой прослойки торгово-ремесленного населения города, выделив ее из общей массы плебеев и поместив ее в социальной иерархии сразу же после куриалов [69, с. 120—121, 124—125].

После прихода к власти Юстиниан признал за крупными торговцами некоторые преимущества в области товарно-денежных отношений, в частности их право быть поручителями при совершении сделок [17, IV, 18, 2, § 2], но в то же время запретил им занимать государственные должности, предлагая в противном случае оставить торговлю [17, XII, 35]. Юстиниан, по всей видимости, намеревался, с одной стороны, поднять престиж государственного аппарата, а с другой (что не менее важно) — усилить контроль государства

над ремеслом и торговлей. Более ощутимым ударом для крупных торговцев явились ограничения в получении прибыли (см. выше, с. 55) и запрещение заключать соглашения относительно минимальных цен на продукты питания и предметы ремесленного производства. Все эти меры, вне всяких сомнений, служили источником их глубокого недовольства.

Помимо торгово-ростовщической верхушки в Константинополе VI в., как мы видели, было множество мелких ремесленников и торговцев, положение которых отличалось от положения крупных купцов и состоятельных аргиропратов. Выше (гл. I) уже была отмечена нелегкая ситуация, в которой оказались в тот период ремесленники государственных мастерских и их семьи. Но в не менее сложном положении, как свидетельствует сам Юстиниан, находились мелкие самостоятельные производители — основная масса ремесленного населения. Многими мастерскими владели синклитики, архонты, кувикулярии, церкви, монастыри, странноприимные дома. Все они старались освободить свои эргастии от налогов, перекладывая налоговое бремя на плечи мелких ремесленников. К тому же, как уже говорилось, 1100 эргастриев, приписанных к собору св. Софии, были освобождены от налогообложения [33, нов. 43, предисл.]; не платили налогов и 563 коллегиата, которые несли пожарную охрану города [17, IV, 63, 5]. Общая же сумма налогов не менялась, поэтому основной массе ремесленников приходилось платить налог в три-четыре и даже десять раз больше обычного [33, нов. 43, предисл.].

Помимо уплаты налогов ремесленники выполняли различные повинности (*munera*) [239, с. 179—181]. Так, эргастии, располагавшиеся в портиках бань

Зевксиппа, должны были обеспечивать их освещение и ремонт [17, VIII, 12, 19].

Большинство ремесленников и торговцев арендовали для своих лавок и мастерских помещения в портиках улиц и зданий, принадлежавших государству или частным лицам. Арендная плата, добавляясь к сумме налогов и повинностей, усугубляла и без того тяжелое положение мелких ремесленников и торговцев. Даже для таких богачей, как аргиропраты, арендная плата, насколько это явствует из IX эдикта, являлась ощутимой статьей расхода: им приходилось и «жизнь устраивать, и платить проценты, и отдавать арендную плату» [33, эдикт IX, гл. II]. Нередко трудовое население арендовало и жилища (*οἰκῆματα*), о чем упоминается в предисловии к 159-й новелле Юстиниана.

Эргастии были небольшими, о чем свидетельствует хотя бы само их количество в Константинополе. Ремесленники могли нанимать помощников и даже держать рабов [107, с. 9—11]; ¹ при этом, как правило, они работали и сами. В 43-й новелле Юстиниан так говорит о них: «Есть ли что более неуместное, чем то, что люди, работающие собственными руками и кормящие таким образом своих жен и детей и ведущие остальные расходы, отягощались большей податью?»

В «Чудесах св. Артемия» весьма образно описан один из трудовых моментов жизни кузнеца Феодора. Посланник св. Артемия явился к нему как раз в то время, когда тот переделывал одно из своих изделий. «Горн его горел, мехи дружно работали, а он, положив

¹ Использование рабского труда свободными ремесленниками было, однако, весьма незначительно [112, с. 47 и сл.; 64, с. 123; 69, с. 56—57].

молот на наковальню, стоял и ждал, пока расплавится железо неудавшегося изделия» [43, с. 38].

Довольно часто помогали ремесленникам члены их семей. В тех же «Чудесах св. Аремия» рассказывается, как девятилетнего мальчика по имени Георгий обучали ремеслу его родители, разбогатевшие от операций обмена и ростовщичества [43, с. 61—62].

Ремесленники работали на продажу [33, нов. 136, гл. III] и на заказ [27, кол. 3088]. Многие из них нанимались в другие мастерские. В частности, их нанимали отдельные аргиропраты, хлебопеки и др. (ἄλλαις διαφόροις τέχναῖς ἢ ... ἐργασίαις [33, нов. 80, гл. V].

Весьма интенсивно применялся труд наемных рабочих в строительстве [95, с. 34 и сл.]. О наемных работниках шелкоткацких мастерских рассказывается в «Житии св. Авксентия» [45, кол. 1384]. Условия найма бывали различны. Ремесленники могли получать оплату за выполнение работы в целом, за выполнение отдельных частей работы и повременную оплату за каждый день [90, с. 139]. Ткачи из «Жития св. Авксентия», например, являлись поденщиками. Сам Авксентий нанимался поденщиком в шелкоткацкую мастерскую, получая, как и другие, за день только три обола и хозяйские харчи [45, кол. 1384]. Нанятые работали *loco servorum*, считались членами семьи хозяина, и за них отвечал *pater familias*. Поэтому они не имели права выступать с показаниями в суде против него. Вместе с тем хозяин, который мог продать раба, не имел права продавать наемного работника (за нарушение полагалась смертная казнь) [90, с. 140].

Наряду со строительством и ремеслами наемный труд широко использовался на работах в порту и на судостроительной верфи. Мы уже отмечали, что в га-

вани близ Апамен на спуске на воду корабля трудилось 300 рабочих [27, кол. 2940]. Можно представить себе, сколько таких рабочих было в константинопольском порту. Об одном из них, грузчике по имени Мина, рассказывается в «Чудесах св. Артемия». Александриец по происхождению, он жил по ту сторону Золотого Рога, в Аргирополе [43, с. 45—47]. Немало здесь было и кораблестроителей. Тот же источник повествует, как некий корабельных дел мастер, постоянно проводя некоторое время в храме св. Артемия, выполнял там плотницкие работы [43, с. 39].

Жизнь ремесленников была нелегка. Прокопий, описывая осаду Рима готами, говорит, что большая часть простого народа страдала от недостатка съестных припасов. Далее следует такая ремарка: «Ведь люди, рабочие и ремесленники, имеют запасов всего лишь на один день» [35, т. II, III, 20]. Это замечание Прокопия в значительной степени носит общий характер и, по всей вероятности, может быть применимо не только к ремесленникам Рима. Так, в «Тайной истории» он ставит простых ремесленников наравне с бедняками и людьми, переживающими крайнюю степень унижения [35, т. III, XXV, 25; XXVI, 20]. О тяжелой жизни ткачей, изготавливающих низшие сорта шелковых тканей, рассказывается в «Житии св. Авксентия» [45, кол. 1384]. Довольно часто ремесленники начинали трудиться с самого детства. Упомянутый выше кузнец Феодор еще мальчиком был отдан обучаться «злосчастному кузнечному мастерству» (ἐκ νηπίας γὰρ ἡλικίας εἰς τὴν τέχνην ταύτην δυστυχῇ τῶν χαλκέων ἐξεδόθη) [43, с. 37].

Обеднение основной массы торгово-ремесленного населения, вызванное притоком в Константинополь в V в. ремесленников из других городов [60, с. 16—17],

по-видимому, и обусловило тот факт, что в источниках этого времени, по существу, стираются различия между терминами δῆμος и ὄχλος. В качестве примера приведем пассаж из «Пасхальной хроники»: ...καὶ τοῦτου γινωσκέντος ἀνῆλθεν πᾶς ὁ δῆμος καὶ ἐγεμίσθη τὸ Ἰπλικὸν ἐκ τῶν ὄχλων [16, с. 623].

Тяжесть положения делала этот слой населения наиболее социально активным. Он является постоянным участником постоянных волнений, происходивших в столице. Нельзя не согласиться с Г. Л. Курбатовым, который именно в трудовом населении, а не в люмпен-пролетариате видит основную силу народных мятежей. В качестве доказательства исследователь говорит о многочисленных антианалоговых выступлениях, а участниками их, бесспорно, были те, кто больше всего страдал от налоговой политики императоров — торговые и ремесленные слои [64, с. 144].

Лица свободных профессий

К лицам свободных профессий можно отнести преподавателей, врачей, юристов, архитекторов и инженеров.

Высшее образование, как справедливо считает А. Джонс, могли получать только представители зажиточных слоев, начиная примерно с куриалов и выше, так как только обеспеченные родители могли позволить взрослым детям не работать и плюс к этому платить за обучение в четыре-пять раз больше, чем за начальное образование [235, т. II, с. 997].

Более того, сами врачи, адвокаты, преподаватели и т. п. были обеспеченными людьми и жили в отдельных

домах. По рассказам Агафия, знаменитый архитектор Анфимий из Тралл и его сосед, ритор Зинов, дома которых были слишком близко расположены друг к другу, часто ссорились между собой, и Анфимий, не имея возможности победить своего противника словесно, устроил в доме Зинова «искусственное землетрясение» [13, V, 6—7]. В другом месте Агафий пишет, как Ураний, отправляясь к Хосрову, надел достойнейшую одежду, какую носят ученые и учителя наук.¹ Характерно, что сам Агафий смог оказать благодеяние родному городу Мирине, очистив его от грязи и построив в нем красивое здание [5, с. 176].

Данные Агафия подтверждаются сообщениями Прокопия, который говорит, что адвокаты, до того как Юстиниан отнял у них гонорар, получали средства, достаточные для роскошной жизни и внешнего блеска [35, т. III, XXVI, 2].

Вместе с тем образование часто являлось для интеллигенции единственным источником дохода. Так, тот же Агафий, родители которого были вполне состоятельны, чтобы позволить ему учиться не только в Константинополе, но и в Александрии [13, II, 15, 16], жалуется, что юриспруденция является для него единственным источником дохода: «Я же... просиживаю у императорского портика с раннего утра до захода солнца, изучаю и объясняю документы, связанные с судебными делами и процессами. Я чрезвычайно страдаю, когда меня беспокоят ими, и в то же время скорблю, когда не беспокоят, так как без труда и беспокойства мне невозможно обеспечить себя достаточно необходимым для жизни» [13, III, 1] (цит. по [5, с. 69]).

¹ По всей видимости, это была особая одежда, которую носили профессора университета [194, с. 3].

Тот же вывод можно сделать и на основании «Тайной истории» Прокопия, где автор, говоря о роскошной жизни и внешнем блеске адвокатов, отмечает, что источником их богатства является гонорар, который они получают, выступая с защитительными речами [35, т. III, XXVI, 2].

Вместе с тем материальное положение различных групп интеллигенции было далеко не всегда одинаковым. Преподаватели начальных школ, например, должны были иметь большой класс, чтобы жить на таком же весьма скромном уровне, что каменщик или плотник. Никакой поддержки от государства они не получали [235, т. II, с. 997]. Напротив, преподаватели более высоких ступеней обучения, для которых государство создавало кафедры, не только получали от него жалованье, но и имели ряд привилегий, в частности были освобождены от разного рода повинностей, например несения военной службы и постоя солдат [235, т. II, с. 998]. Наряду с ними существовало немало частных преподавателей, которые открывали свои школы и заводи́ли кружки, успешно конкурировавшие с государственными школами.

В Константинополе обучение второй и третьей ступеней было сосредоточено в созданной в 425 г. Феодосием II императорской школе на Капитолии. Здесь были учреждены: для преподавания латинской словесности — три должности ритора и десять грамматиков, а для обучения греческой словесности — пять софистов и тоже десять грамматиков. Кроме того, в школе имелись одна должность профессора философии и две — права.¹

¹ В литературе принято называть императорскую школу на Капитолии университетом (см., например, [248, с. 63—64]. Но,

Возможно, что обучение второй и третьей ступеней велось не только на Капитолии, но и в других местах, в том числе в частных школах и кружках.¹

После двадцати лет безупречной службы преподаватели императорской школы награждались титулом *comes primi ordinis*, который открывал доступ в ряды аристократии [235, т. II, с. 528].

По всей вероятности, то же самое можно сказать и о представителях других свободных профессий. Среди юристов выделяются придворные адвокаты, в корпорацию которых вступают дети знатных родителей [98, с. 26—27]. Самыми влиятельными среди них были юристы, входившие в императорский совет и

как справедливо подчеркнул в рецензии на указанную работу П. Лемерля П. Шпек, в этой школе основное внимание отводилось изучению грамматики и риторики, и, следовательно, она являлась школой второй ступени с элементами более высокой ступени обучения (философии и права). Причем и в последнем случае, как отмечает П. Шпек, едва ли можно говорить об университетском курсе обучения, поскольку преподавание в школе на Капитолии ничем не отличалось от преподавания в частных школах и не являлось более высокой ступенью по отношению к ним [300, с. 387].

¹ По мнению ряда исследователей, указ Феодосия II относительно создания школы на Капитолии означал введение государственной монополии в сфере высшего образования [235, т. II, с. 999; 248, с. 63—64]. В свою очередь, П. Шпек полагает, что указ Феодосия II имел целью лишь более четко отграничить государственное обучение от частного. Судьба школы на Капитолии представляется этому исследователю весьма неясной; по его мнению, школа если и продолжала существовать, то едва ли в той форме, в какой это было задумано Феодосием II [300, с. 392]. П. Шпек отмечает, что частное образование в ранней Византии было более сильным, нежели государственное, и образование на «университетском уровне» осуществлялось скорее не в государственных школах, а в частных кружках, роль которых еще недостаточно изучена [300, с. 392].

служившие в императорской канцелярии. «Они являлись подлинными авторами императорских законов и составителями кодификаций» [98, с. 27]. Все юристы — члены комиссии, подготовившей первое издание Кодекса Юстиниана, — Леонтий, Иоанн, Фока, Василид, Фома, Трибониан, Константин, Феофил, Диоскор и Презентин — принадлежали к высшей сановой знати [73, с. 32].

Именно из среды юристов нередко выходили видные государственные деятели. Так, Трибониан из Памфилии, занимавший должности магистра оффиций и квестора и обладавший консульским званием, начал свою карьеру вполне обыкновенно — адвокатом префектуры претория [215, с. 44]. Прекрасным толкователем законов (νόμων...ἀγὰρδὲς ἐξηγητῆς) являлся комит священных щедрот Кратин, принимавший участие в составлении Дигест [20, с. 17]. Лучшими знатоками законов в недалеком прошлом были, по заявлению Юстиниана, бывший квестор Патрикий и бывший префект и консул Леонтий [20, с. 17], который, будучи сыном видного юриста Евдоксия [73, с. 32], сам получил прекрасное юридическое образование и, до того как между 502 и 505 гг. занял высокий пост префекта претория Востока [301, с. 782], преподавал право в известной Бейрутской юридической школе [73, с. 32].¹ Во времена императора Анастасия префектуру претория Востока возглавляли почти исключительно юристы [301, с. 194].

Таким образом, среди константинопольских адвокатов были такие, которые занимали весьма видное

¹ Сын Леонтия Анатолий также пошел по стопам отца и деда, был известным юристом и принимал участие в работе по составлению Дигест Юстиниана [73, с. 101].

положение, становились обладателями высоких административных постов и, следовательно, попадали в ряды аристократии. Вместе с тем в столице было немало и более скромных юристов, которые, как Агафий, сидя в своих конторах, расположенных в портиках, занимались разбором частных дел и давали консультации [35, т. IV, I, 11, 12].

Довольно много было в Константинополе врачей. Особое положение среди них занимали придворные врачи. О них упоминают жития [262, с. 129] и другие источники. Евагрий, например, рассказывает о том, как императрица София предлагала Хосрову послать ему своих придворных врачей [21, V, 12]. Обычно эти врачи носили титул комита первой или второй степени и нередко получали административные должности [235, т. II, с. 1012]. В «Пасхальной хронике» упоминается о враче императора Юстиниана Фоме, являвшемся *a secretis* [16, с. 625]. Придворные врачи являлись высокопривилегированной группой, освобожденной от всех обычных налогов, включая *gleba senatoria* [235, т. II, с. 1012].

Наряду с ними в Константинополе существовало немало обыкновенных врачей, которые имелись в каждом из регионов столицы. Не однажды упоминаются они в «Чудесах св. Артемия» [43, с. 2, 30, 31]. Так же как и врачи Рима, они, по-видимому, получали жалованье от государства [235, т. II, с. 708], но нередко и сами клиенты платили им за услуги [262, с. 131—132]. Немало, видимо, было и частных докторов, которые жили исключительно на те средства, которые получали от больных.

Неодинаковым было и положение инженеров и архитекторов, некоторые из которых поднимались очень высоко по социальной лестнице. К числу их

можно отнести одного из зодчих св. Софии — Исидора из Милета, удостоенного титула *magnificentissimus et illustris*.

Итак, положение врачей, юристов, инженеров и т. д., которые по большей части являлись достаточно состоятельными людьми, было неодинаковым, и между скромным преподавателем начальной школы и профессором с титулом *comes primi ordinis* существовала пропасть.

При рассмотрении вопроса о лицах свободных профессий возникает еще один немаловажный вопрос: насколько многочисленна была эта группа. А. Джонс сделал интересное наблюдение, сравнив количество частных домов в Риме и Константинополе в V в.: в Риме было 1797 домов, в Константинополе — 4388, т. е. почти в 2,5 раза больше. Исследователь предполагает, что подобное различие вызвано тем, что «в восточной столице, видимо, был значительно более многочисленным средний класс, состоявший из чиновников, юристов и представителей других профессий», которые жили в собственных домах [235, т. II, с. 689] (иначе: [170, с. 526—527]). Если вспомнить упомянутое выше свидетельство Агафия, с этим трудно не согласиться.

Вместе с тем, несмотря на свою многочисленность, этот слой не был социально активен. В источниках нет упоминаний об участии их в волнениях или в борьбе различных группировок, которая наполняла жизнь Константинополя. Напротив, многие из них, например Прокопий, отрицательно относились к мятежам и борьбе партий. Характеризуя с положительной стороны племянника Юстиниана Германа, Прокопий с похвалой отмечает его непричастность к борьбе партий, захватившей многих знатных людей [35, т. II, III, 40, 9].

Неодобрительно отзывается об этой борьбе Менандр [31а, фрагмент 1], с возмущением пишет об уличных спорах Агафий [13, II, 29; 102, с. 162]. Тем не менее интеллигенция не была и верным стражем закона и иногда открыто выступала против знати как определенной социальной категории. Так, Агафий вполне открыто порицает разбогатевшую знать [102, с. 161], а особый интерес Прокопия к народным движениям отражает оппозиционные взгляды историка по отношению к правительству [105, с. 16, примеч. 8].

Таким образом, не принимая непосредственного участия в уличных столкновениях, этот слой населения включал в себя большое количество людей, оппозиционно настроенных, чьи критические воззрения могли косвенным образом влиять на сознание других слоев.

Духовенство

Весьма значительное число людей относилось к духовенству и его обслуживанию. В Константинополе VI в. было множество церквей, монастырей, странноприимных домов. Только причт храма св. Софии, хотя он, безусловно, являлся самой крупной церковью города, составлял 525 человек: 60 священников, 100 диаконов и 40 диаконис, 90 иподиаконов, 110 чтецов, 25 певчих и 100 привратников [33, нов. 3, гл. I]. При церквях помимо священнослужителей были хранители архивов (хартофилаки), нотариусы [171, с. 19—28], а хозяйственными делами в них ведали экономы [171, с. 16—17] и скевофилаки [171, с. 14, 314—318]. Кроме того, при крупных соборах (обычно кафедральных) имелись еще экдики, назначение которых было охра-

нять юридические интересы собора и следить за порядками в среде причта [171, с. 12, 16].

Бесплатные похороны осуществляли так называемые деканы, которых поставляли 800 эргастириев. 300 других эргастириев давали деньги на похороны или людей на их проведение. Все эти 1100 эргастириев были подчинены храму св. Софии [33, нов. 59, гл. II]. Помимо доходов от такого значительного числа эргастириев св. София, да и другие церкви, а также монастыри и странноприимные дома обладали немалыми богатствами. В 7-й новелле Юстиниан перечисляет следующие виды церковных владений: недвижимое имущество, земли или дома, колоны, сельские рабы (πράγμα ἀκίνητον, οἰκίαν τυχὸν ἢ ἄγρον, ἢ γεωργὸν ἢ ἀνδράποδα ἄγροικᾶ). Кроме того, у церкви св. Софии были πολιτικὰς σιτησεις (civiles annonas) [33, нов. 7, предисл.], означавшие норму продовольствия, выдаваемого населению бесплатно государством.

В столице и ее окрестностях у церкви было немало проастиев, которые сдавались ею в долгосрочную аренду [33, нов. 7, гл. III, VI].

В ведении церкви находился и расположенный на азиатском берегу Босфора лепрозорий Аргироний, реконструированный Юстинианом [96, с. 62].

Значительные пожалования церкви сделал Юстиниан. Он дарил ей земли, конфискованные у частных лиц, а также, по всей вероятности, и имущество арианских церквей, у которых было немало драгоценной утвари (золота, серебра, драгоценных камней), домов, земель [35, т. III, XIII, 4—6]. (Об арианских церквах см. [35, т. III, XI, 18]).

Юстиниан тщательно оберегал церковное имущество. Он запретил дарить или продавать владения церквей, монастырей, странноприимных домов [33,

нов. 7]. В случае нарушения закона разрешалось возбуждать процесс не только против самих экономов, но и против их наследников. Причем экономы несли одинаковую ответственность, не только когда отчуждали церковное имущество сами, но и в случае, если это делал кто-либо из духовенства [33, нов. 7, предисл.]. Символограф, оформивший незаконную сделку, подлежал вечному изгнанию [33, нов. 7, предисл.].

В среде самого духовенства, однако, не все были в равной степени состоятельны. Существовало большое различие в положении низшего клира, патриарха и епископов [235, т. II, с. 906]. Даже положение низших клириков было не везде одинаково, поскольку оно зависело не только от их сана, но и от ранга церкви, в которой они служили [235, т. II, с. 906—907]. По утверждению Г.-Г. Бека, духовенство по его материальному положению можно было отнести к самым различным слоям населения: «пролетариям» и беднякам, средним слоям (μέσοι), динатам и архонтам [133, с. 23].

Отношение Юстиниана к церкви не было однозначным. С одной стороны, он, как мы только что упоминали, охранял и расширял богатства церкви и стремился поднять ее престиж, придав силу закона постановлениям церковных соборов и расширив административные функции церкви [301, с. 395]. С другой стороны, он потребовал от священнослужителей более высоких нравственных норм поведения [140, с. 351], прямо поставил церковь в зависимое от него положение и вмешивался в ее внутренние дела. Император дополняет и даже изменяет церковные каноны, издает указы на имя патриарха Константинополя, устанавливает величину причта, определяет условия посвящения в сан епископа и другие духовные

звания, регулирует устав церковных учреждений [301, с. 397]. Все это, вероятно, послужило источником недовольства и этого весьма влиятельного слоя населения Константинополя. Причастность духовенства к восстанию Ника, отголосок чего сохранился в сочинении Иоанна Зонары (см. ниже), возможно, находится в непосредственной связи с политикой Юстиниана по отношению к церкви.

Особую группу среди духовенства составляло весьма многочисленное монашество — чисто константинопольский, по мнению Ж. Дагрона, феномен [169, с. 253—255]. Рост монашества в городе был тесно связан с теми демографическими изменениями, которыми сопровождалось превращение небольшого городка Византия в столицу империи. Как обедневшее население других городов стекалось в Константинополь в поисках заработка и куска хлеба, так и монахи и монахини из провинции устремлялись в открытую новым влияниям столицу на берегу Босфора в надежде обрести здесь «новый Иерусалим» [169, с. 276]. По предположению Ж. Дагрона, уже в середине V в. монахи в Константинополе составляли примерно 10—15 тыс. человек [169, с. 255], а VI век отмечен подлинным расцветом столичных монастырей.

Константинопольское монашество образовывало важную социальную группу общества, которая, хотя и отличалась от других слоев населения, вместе с тем самым непосредственным образом вписывалась в жизнь города. Ни монашеское звание, ни монастырский образ жизни не отгораживали их от всего, что происходило в столице.

До Халкидонского собора (451 г.) монахи редко жили в монастырях, да и самих монастырей было в Константинополе немного. В «*Notitia dignitatum*» (вто-

рая четверть V в.), где обозначено 14 церквей, расположенных в различных регионах столицы, не зафиксировано ни одного монастыря. Естественно, что монастыри не только не охватывали всей массы монахов, но они не включали даже большинства их. Многие монахи жили в одиночестве; весьма распространенным явлением были небольшие общества монахов, обитавших поблизости от какого-либо храма или «святых мест»; некоторые монахи объединялись с целью охраны мавзолеев или в благотворительных целях. Нередко подобные монашеские общества создавались на короткое время и быстро распадались. Между всеми этими видами монашества не было существенных различий, и монахи могли переходить из одного вида в другой [169, с. 255—256].

После Халкидонского собора, одной из задач которого было подчинить церкви этот весьма беспокойный слой населения, активно противопоставлявший себя и церковным и гражданским властям, и ограничить круг его интересов лишь внутримонашескими проблемами [12, с. 34—35], монастыри стали главным местом пребывания монахов. Но, по всей видимости, еще продолжали оставаться вне стен монастыря отдельные монахи или небольшие их группы. Пребывание монахов на улицах города вопреки всем попыткам Халкидонского собора запретить их «бродяжничество» было самым заурядным, обычным явлением.

Законами 529 и 530 гг., а также новеллами, вышедшими уже после восстания Никея, Юстиниан ввел более строгую дисциплину для монахов, требуя от них соблюдения истинно монашеского образа жизни [17, I, 3, 43, 46, 51, 52; 33, нов. 5, 76, 123, гл. 27]. Тогда же развернулось и грандиозное строительство мона-

стырей, число которых в его правление перевалило за 70 [228, с. 3].

По своему образу жизни, да чаще всего и по происхождению монахи были близки к народным массам столицы [169, с. 275]. Можно с очевидностью предположить, что и переход людей из мирского состояния в монашеское совершался не только из религиозных побуждений, но и в результате обеднения значительного количества населения (в первую очередь ремесленников и крестьян) [65а, с. 49, 70], столь характерного для ранневизантийского времени. В этом смысле наличие множества монашествующих в столице, несомненно, свидетельствовало об обострении социальной ситуации во всей империи и в Константинополе в частности.

С середины IV до середины V в. стекавшиеся в столицу аскеты и монахи нередко являлись главным источником возникавших в городе беспорядков [169, с. 261—276]. Весьма активно вело себя монашество и в правление Анастасия I, тяготевшего к монофиситству. Для оказания поддержки столичному монашеству в Константинополь стекались монахи из провинций. Столица империи в то время оказалась буквально наводненной монахами различных направлений. Ортодоксальные монахи столицы открыто противопоставили себя императору и патриарху, отказавшись от всякого общения с ними. На помощь им в большом числе явились православные монахи из Палестины, а незадолго до этого прибыла депутация монахов-монофиситов из Сирии в количестве 200 человек [41, с. 152]. И те и другие вели агитацию среди населения Константинополя. Атмосфера в городе была тревожной.

Присутствие монахов остро ощущалось в Константинополе и в 531—532 гг., в период подготовки и проведения переговоров с монофиситами. Их деятельность, приводившая временами к весьма бурным манифестациям, оставила весьма ощутимый след в источниках того времени [16, с. 629; 52, с. 59].

Люмпен-пролетариат

Константинопольский люмпен-пролетариат значительно отличался от римской паразитической толпы, существовавшей исключительно за счет государства и презиравшей, как все свободные римляне, физический труд. Люмпен-пролетариат Константинополя все более приближался по своему положению к беднейшему трудовому населению города [64, с. 137—138] и был представлен по преимуществу людьми, кормившимися случайными заработками, нищенством, воровством, подачками богачей и церкви. Зимой им часто негде было пристроиться, но летом многие из них работали грузчиками в порту, чернорабочими на стройках, а также нанимались на обработку садов и огородов. Число чисто люмпен-пролетарских элементов постоянно сокращалось за счет приобщения их к труду [64, с. 137—138; 69, с. 121—122].

Весьма распространено было в Константинополе нищенство. Эти вконец опустившиеся люди старались вызвать как можно больше сострадания прохожих своим жалким видом и получить таким образом какую-нибудь подачку [43, с. 13].

К люмпенам, очевидно, следует отнести и странствующих софистов. Пример такого софиста дает Агафий в образе Урания, который, приходя в дома бога-

чей, частенько подвергался насмешкам и, случалось, бывал бит по щекам [13, II, 29].

Прокопий, упоминая обо всех этих бедняках, называет их людьми неимущими, находящими в крайней нужде и унижении [35, т. III, XXVI, 18]. Они по большей части не имели жилья, ютились в портиках и на папертях церквей, постоянно видя перед собой призрак голода. Вполне естественно, что они отличались крайней возбудимостью и остро реагировали на все происходившее в столице. Это были неприменные участники всех народных волнений и мятежей.

Ряды константинопольского люмпен-пролетариата постоянно пополнялись пришельцами из провинции. По большей части это были земледельцы (γεωργοί). «Известно нам, — говорил Юстиниан, — что провинции постепенно лишаются собственных жителей, великий же этот наш город постоянно осаждается различными людьми, прежде всего земледельцами, покинувшими свои города и бросившими земледелие» [33, нов. 80, предисл.]. Среди них были как свободные (εἰ δὲ ἐλεύθεροι), так и зависимые люди (ὕπὸ δεσποτείας) [33, нов. 80, гл. II—IV]. Одни приходили по делам, чаще всего судебным [33, нов. 80, гл. II—III], другие вообще не имели определенной цели (εἰ δὲ βίου πρόφασιν τινες ἢ δίκης αἰτίαν οὐκ ἔχοντες ἐπὶ ταύτης εἰσὶ τῆς ἡμετέρας πόλεως) [33, нов. 80, гл. IV]. Эти люди, которых в Константинополь привела нужда, вызванная, в частности, общим оскудением деревни (коснувшимся как свободных крестьян, так и колонатов, поскольку прогрессивная фаза в развитии колоната к середине V в. завершилась) [60, с. 12], также становились неприменными участниками возникающих в столице народных волнений. Ухудшение

положения деревни сказывалось, таким образом, и в обострении ситуации в Константинополе.

Рабы

На самой нижней ступеньке социальной лестницы находились рабы, которые могли быть собственностью как государства, так и частных лиц. Как уже упоминалось, были свои рабы (преимущественно сельские) и у церкви. Труд рабов сохранял свое значение и в сельском хозяйстве, и в ремесле, а также на общественных работах [107, с. 9; 69, с. 47—67]. Об использовании рабов в ремесле свидетельствуют неоднократные упоминания в законодательных актах о рабах, владеющих ремеслом. В судебных казусах, рассмотренных Дигестами, особо учитывается, знает ли раб ремесло или нет [20, XVIII, 1, 43; VI, 1, 29; 107, с. 11]. Рабы-ремесленники, естественно, ценились дороже. Согласно закону Юстиниана, адресованному префекту претория Демосфену (531 г.), раб-ремесленник стоил 30 номисм, в то время как необученный раб — 20 номисм. Раб-евнух, владеющий каким-либо ремеслом, ценился в 70 номисм [17, VI, 43, 3].

Рабов-ремесленников можно было не только продавать, но и отдавать внаем. В Дигестах упоминается об отдаче внаем рабов штукатуров и каменщиков [20, XIII, 6, 5, § 7]. В другом постановлении говорится об использовании наемных рабов в лавках (*in taberna*) [20, XIX, 2, 45].

Довольно широко применялся труд рабов-ремесленников в государственных мастерских. Характерно, что в Кодексе Юстиниана они иначе называются рабскими мастерскими (*Si qui publicorum servorum fab-*

ricis), хотя, как было уже отмечено, там работали и свободные люди (*liberi*) [17, VI, 1, 8]. Занятые в них рабы навсегда прикреплялись к своим мастерским. Если такой раб каким-то образом переходил к частному владельцу и женился у него на рабыне, то его, как и его жену, следовало немедленно вернуть на прежнее место [17, VI, 1, 8].

В свободном ремесле труд рабов использовался довольно редко: в VI в. преобладало мелкое ремесленное производство. Источники упоминают лишь о рабах аргиропратов [34, с. 2—4].

Значительно чаще, по-видимому, применялся в ремесле труд рабов, получивших мастерскую в качестве пекулия [107, с. 17—20; 69, с. 57].

В VI в. по-прежнему было много рабов, прислуживавших в домах — поварами, стольниками, спальниками, поставщиками продуктов. Большое количество слуг-рабов наполняло императорский дворец и дома знатных вельмож [107, с. 13]. О многочисленных рабах Велисария, например, сообщает Прокопий [35, т. III, I, 27].

Положение рабов в VI в. несколько улучшилось,¹ но все еще оставалось достаточно тяжелым. От того же Прокопия известно, как жестоко обходилась со своими рабами жена Велисария Антонина [35, т. III, I, 27]. Вместе с тем источники не упоминают о рабах при описании восстаний и мятежей, происходивших в Константинополе. По всей вероятности, это объясняется тем, что в городах преобладала социальная борьба других слоев населения.²

¹ Рабы могли иметь семью и даже собственность, получать наследство. Власть господина над рабом является скорее властью над лицом, а не над «вещью» [107, с. 20—26].

² О спорности участия рабов в движениях димов см. [109, с. 68, и сн. 48].

* * *

Итак, мы попытались выявить основные общественные группы, входившие в состав населения Константинополя в начале VI в., и постарались охарактеризовать их социальное лицо. Подведем некоторые итоги.

Состав населения Константинополя отличался значительной сложностью и был представлен следующими слоями: аристократией, торговцами и ремесленниками, интеллигенцией, духовенством, люмпен-пролетариатом и рабами. При этом каждый из слоев не был совершенно однородным.

Столичная аристократия состояла из представителей родовитой римской знати и потомков тех сенаторов, которые поднялись в этот слой в IV—V вв. Вместе с тем она включала в себя и немало «новых людей» — выскочек, проникавших в ее среду благодаря родству с императором или способностям, проявленным на государственной службе. В последнем случае сенаторами нередко становились и варвары — талантливые военачальники и дипломаты. Столичную аристократию этой эпохи нельзя отождествлять с имперской земельной аристократией в целом, хотя нет оснований и для резкого противопоставления константинопольской знати провинциальной.

Основу богатства столичных сенаторов составляли доходы с имений (чаще всего городских и пригородных), а также со сдачи в аренду мастерских и доходных домов. Значительную прибыль приносило им занятие государственных должностей и участие во всякого рода коммерческих сделках.

Несмотря на то что говорить об отчетливо выраженной социальной мобильности столичного общества

VI в. нет никаких оснований, нельзя не признать тем не менее, что положение константинопольской аристократии не отличалось достаточной стабильностью и часто зависело от воли императора.

Сложным по составу было и торгово-ремесленное население столицы. С одной стороны, оно было представлено все более выдвигавшейся торгово-ростовщической верхушкой — аргиропратами, навикуляриями, торговцами-оптовиками. В известном смысле они (прежде всего аргиропраты) противостояли сенаторской аристократии города, регулярно участвуя в коммерческих сделках с представителями самых разных слоев населения и располагая обширными связями в различных общественных сферах, в том числе и при дворе. Многие аристократы были их постоянными клиентами и должниками. Основную и, по всей видимости, наиболее многочисленную группу жителей столицы составляли мелкие ремесленники и торговцы. На плечи этой наименее состоятельной части торгово-ремесленного населения падала главная тяжесть бремени государственных налогов. Многие ремесленники не имели собственных мастерских и были вынуждены работать по найму.

Интеллигенция и духовенство также включали в свою среду людей самых различных по своему богатству и положению в обществе.

Люмпен-пролетариат столицы существенно отличался от римского люмпен-пролетариата, все более приближаясь по своему положению к беднейшему трудовому населению города — поденщикам, сезонным рабочим, людям, кормившимся случайными заработками. Ряды люмпен-пролетариата постоянно пополнялись пришельцами из провинции, прежде всего разорившимися крестьянами (свободными и колонами).

Обеднение деревни существенным образом сказывалось на обострении социальной и демографической ситуации в столице.

По-прежнему наиболее бесправной, хотя в данное время уже не столь многочисленной, группой городского населения были рабы.

Значительная часть жителей столицы так или иначе имела основания для недовольства своим положением, хотя для каждой социальной группы эти основания были различными. Так, аристократов не устраивало чрезмерное, с их точки зрения, укрепление государственной власти, проявлявшееся и в усилении контроля императора над государственным аппаратом, и в ограничении их собственной коммерческой деятельности, и в отсутствии возможности проявлять реальную политическую активность.

Контроль государства над ценами, устанавливаемыми торговцами, и процентами, взимаемыми ими при заключении сделок, сильно задел интересы торгово-ростовщической верхушки. На отношении к государственной власти навикуляриев существенным образом сказалось введение и увеличение в столице таможенных сборов.

Что касается основной массы трудового населения Константинополя, бедневшей, в частности, в результате сильного притока конкурентов-ремесленников из других городов и еле-еле сводившей концы с концами, то ее недовольство и возмущение было наиболее глубоким.

Все это обусловило высокую социальную активность жителей Константинополя, их участие в бурных событиях, происходивших в городе. Не оставалось пассивным даже духовенство столицы, имевшее нередко самое непосредственное отношение к возникавшим

здесь волнениям. На ход социально-политической борьбы в городе оказывала влияние (хотя и косвенное) и интеллигенция, чьи доходы также были значительно урезаны Юстинианом.

Глава III

СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ. ПАРТИИ ИППОДРОМА

Как мы уже видели, к началу VI в. социальная структура Константинополя, как и других городов империи, прежде всего крупных, заметно усложнилась. Изменились и социальные связи в городе. Новой и основной их формой стали партии ипподрома, так называемые димы (факции) венетов (голубых) и прасинов (зеленых).

К сожалению, сведения источников о партиях ипподрома далеко не полны и не всегда определенны. Византийские авторы, воспринимавшие димы как явление в высшей степени обыденное и привычное, не оставили ясного и полного описания их состава, деятельности и т. д. Недомолвки, а порой и просто неясности отдельных пассажей, касающихся партий ипподрома, допускают различное, а иной раз и совершенно противоположное толкование. Этим и объ-

ясняется существование различных концепций и горячих споров, возникающих в связи с этой проблемой, которая привлекала внимание многих видных ученых, достаточно назвать такие имена, как А. Рамбо, Ф. И. Успенский, Г. Манойлович, А. П. Дьяконов, М. В. Левченко, М. Я. Сюзюмов, Н. В. Пигулевская, Г. Л. Курбатов [284; 285; 111; 264; 51; 93; 78, с. 129—164; 65, с. 1—11].

В недавнее время попытка дать принципиально новое освещение этого вопроса была сделана А. Камероном. Заявив в преамбуле своей монографии, что существующие относительно цирковых партий концепции — миф, основанный на непонимании особенностей Поздней Римской империи, А. Камерон решил полностью пересмотреть весь комплекс вопросов, связанных с димами, и создать свою, новую концепцию [156, с. V, 1—3; 44].

Сущность теории А. Камерона сводится к следующему.

Византийский термин δῆμοι отнюдь не означает «демы» в античном смысле, когда они являлись территориальными (квартальными) объединениями граждан. В широком контексте он равнозначен термину δῆμος и означает народ вообще [156, с. 23—35]. Это уже не «демос» в античном значении, но скорее «чернь» [156, с. 30]. Множественное число δῆμοι, употреблявшееся как эквивалент к единственному числу δῆμος, является следствием развития греческого койне и представляет собой аналогию с такими словами, как πλήρη, λαοί, ὄχλοι [156, с. 29]. По отношению к цирковым партиям также употреблялся термин δῆμοι, но он отнюдь не означал ни народ вообще, ни сколько-нибудь большие группы населения. Это лишь незначительные по своей численности, говоря

современным языком, клубы спортивных болельщиков, охватывающие всего несколько сотен человек [156, с. 75, 80], преимущественно молодежь, которых автор откровенно называет хулиганами, склонными к разного рода неразумным действиям, даже вандализму [156, с. 271]. В связи с этим социальный анализ партий представляется А. Камерону делом совершенно абсурдным. Сама же борьба партий рассматривается им как бессмысленная борьба молодых болельщиков ипподрома, и даже такое крупное движение, как восстание Ника, представляется автору лишь актом вандализма со стороны хулиганов [156, с. 276—277].

В терминологическом плане А. Камерон повторяет наблюдения, сделанные более 30 лет назад М. Я. Сюзюмовым, который отметил и различные значения термина $\delta\eta\mu\omicron\iota$, и его равнозначность в отдельных случаях понятию $\delta\eta\mu\omicron\varsigma$ [93, с. 92]. Однако в отличие от Камерона, по мнению которого $\delta\eta\mu\omicron\iota$ являлись всего лишь клубами болельщиков игр, М. Я. Сюзюмов считал, что термин $\delta\eta\mu\omicron\iota$ уже в V в. служил обозначением социальных по своей сущности партий цирка [93, с. 92].

И в самом деле, если можно спорить о частных вопросах проблемы (связь партий с религиозными течениями, их распределение по кварталам и т. д.), то невозможно сомневаться в том, что партии ипподрома объединяли самые широкие слои населения и являлись важным фактором социально-политической жизни города.

В «Войне с персами» Прокопий так говорит о партиях цирка: «οἱ δῆμοι ἐν πόλει ἐκάστη ἕς τε Βενέτου ἐκ παλαιοῦ καὶ Πρασίνου διήρηντο» [135, т. I, А, I, 24, 2]. А. Камерон вполне резонно понимает эту фразу в том духе, что все население империи

делилось на димы венетов и прасинов (у Прокопия, правда, речь идет лишь о населении городов). Однако свое толкование замечания Прокопия А. Камерон сопровождает следующей ремаркой: «Можем ли мы действительно доверять Прокопию?» [156, с. 71]. Но кому же доверять, если не автору VI в., тем более что он повторил свою мысль дважды — в «Войне с персами» и в «Тайной истории» [35, т. III, VII, 1]. Высказывание Прокопия подтверждается и сходным утверждением Феофилакта Симокатты, который говорит: «Εἰς δύο γὰρ χρωμάτων ἐφέσει τὰ τῶν Ῥωμαίων καταέλτοκε πλῆθη» [42, VIII, 7, 11]. Вряд ли это был привычный топоним, тем более что далее Феофилакт подчеркивает, что вследствие этого деления народа на две партии «жизнь омрачалась великими бедствиями... и дела ромеев приходили в упадок» [42, VIII, 7, 11].

То, что речь идет не о малочисленных клубах болельщиков, а о больших группах людей, явствует и из иных источников. В изображении Иоанна Малалы венеты и прасины — это весь народ, заполнивший ипподром и разделенный на две группы. Описывая восстание Ника, хронист рассказывает, как венеты и прасины во время игр просили помиловать осужденных — одного венета, другого прасина. Не удостоившись ответа, толпа единодушно покинула ипподром [26, с. 474]. В другой момент восстания Ника в результате подкупа кувикулярием и спафарием Нарсесом представителей партии венетов единая первоначально толпа, заполнившая ипподром, вновь раскололась надвое (διχονοῆσαν δὲ τὸ πλῆθος) [26, с. 476].

Отрицая социальный характер цирковых партий, А. Камерон ссылается, в частности, на эпизод из «Церковной истории» Евагрия, повествующий о событиях в Антиохии в 579 г., когда в городе возникла

вражда между епископами Астерием и Григорием. По утверждению А. Камерона, Евагрий в данном отрывке противопоставляет димы другим категориям населения (в том числе высшим классам и ремесленникам) [156, с. 82]. На деле же церковный историк пишет, что в ходе этих событий на сторону Астерия встала городская верхушка, а затем ему удалось привлечь к себе простонародье и ремесленников [21, VI, 7]. О димах пока еще речи нет. Продолжая свой рассказ, Евагрий говорит, что сначала люди бранили Григория поодиночке (ἐκαστοί), и наконец народ (как нечто единое целое) стал проклинать его. Оба дима (ἄμφω...τὸ δῆμον) пришли к согласию и начали произносить оскорбительные речи в его адрес на больших улицах, в общественных местах, в том числе и в театре [21, VI, 7]. Евагрий рисует картину событий в развитии, давая стройное и полное их описание; Камерон же взял из контекста лишь отдельные его части и без всяких к тому оснований противопоставил друг другу. Если же рассматривать пассаж Евагрия так, как он написан самим историком, то он, вне всякого сомнения, не только не противоречит данным других памятников (сочинениям Прокопия, Иоанна Малалы, Феофилакта Симокатты), но и дает им дополнительное подтверждение.

Источники действительно отмечают существование узких групп спортивных болельщиков. Но это вовсе не δῆμοι, а στασιῶται, νεώτεροι (juvenes). Они образовывали военно-спортивные общества молодежи, обучавшейся стрельбе из лука или метанию копья под руководством ветерана [93, с. 114]. Подобные общества известны по Дигестам, но их происхождение, вероятно, связано с Малой Азией, где они были издавна широко распространены в той же степени, как, на-

пример, и общества старцев [74, с. 299—300]. А. Камерон весьма своеобразно подошел к вопросу об упомянутых стасиотах — juvenes. С одной стороны, он утверждает, что истинные приверженцы голубых и зеленых — это молодежь, которая во взаимных стычках выплескивала свою энергию. В качестве доказательства он приводит использованные в источниках термины *νεανίδαι*, *νεώτεροι* [156, с. 75—79]. Однако, разбирая надписи на скамьях одеона Афродисии, А. Камерон неожиданно противопоставляет зеленых и голубых тем же *νεώτεροι*. Речь идет о следующих из сохранившихся надписей: «*βενετω(v)*, *τολος νεωτερω(v)*, *τολος εβρεων*» [156, с. 79]. По мнению А. Камерона, эти надписи являются убедительным доказательством того, что на ипподроме (как и в театре) собирались не только болельщики голубых и зеленых, но и иные, нейтральные группы. «Голубые, — пишет он, — имели в Афродисии свои места, но то же можно сказать о евреях, teenagers и, вне всякого сомнения, о многих других» [156, с. 79].¹ Отметим, что при

¹ Как утверждает А. Камерон, все истинные болельщики располагались на одной и той же стороне ипподрома и, будучи незначительным меньшинством зрителей, занимали лишь часть ее. Прасины и венеты действительно сидели на одной стороне ипподрома (прасины — по левую сторону от императора, венеты — по правую), но это была длинная западная его сторона. Императорская кафисма находилась на противоположной (восточной) стороне цирка. По замечанию Ж. Дагрона, ипподром являлся живым воплощением идеи единой императорской власти и разделенного на две части народа [170, с. 344]. К «нейтральным» группам следует, вероятно, отнести не зрителей из народа, а окружение императора, членов сената, представителей армии и чиновного аппарата — словом, всех тех, кому, по словам Ж. Дагрона [170, с. 344], надлежало принимать участие в церемониях.

этом наш автор, которому, казалось бы, весьма при-
суща приверженность к употреблению специальных
терминов, предпочитает в данном случае пользоваться
не термином νεώτεροι, который фигурирует в надписи,
а английским словом teenagers. И эти teenagers ока-
зались у него не связанными ни с голубыми, ни с
зелеными, но попали в нейтральную группу. Однако
надпись содержит именно слово νεώτεροι, а оно, как
и νεανία, означает стасиотов (например, νεώτεροι
Πράσινοι в «Пасхальной хронике» и у Феофана) [16,
с. 623; 41, с. 185]. Это и есть та молодежь, которая,
по словам Прокопия [35, т. I, А, II, 8, 11], устраивала
постоянные потасовки на ипподроме.

В «Тайной истории» еще более четко показано,
что голубые и зеленые представляли собой две крупные
партии, на которые делилось население городов, а
наиболее беспокойной частью партий являлись юно-
ши — στασιῶται. «Как я рассказывал в прежних кни-
гах, — пишет Прокопий, — народ издавна делился на
две части. Приблизив к себе одну из них, партию
венетов, которые и раньше ему во многом содейство-
вали, Юстиниан умудрился все разрушить и привести
в беспорядок. Однако не все венеты были готовы сле-
довать за ним и исполнять его желания, но только
те, которые являлись стасиотами... Стасиоты прасинов
также не оставались безучастными» [35, т. III, VII,
1—4]. Ниже Прокопий прямо говорит, что именно
молодежь являлась стасиотами: «Постепенно и многие
другие юноши стали стекаться в эти товарищества»
[35, т. III, VII, 23].

Конечно, А. Камерону известны эти выдержки из
«Тайной истории» Прокопия. Комментируя их, он ут-
верждает, что стасиоты являлись истинными привер-
женцами партий; те же, кого историк VI в. именует

голубыми и зелеными, были, по мнению Камерона, случайными болельщиками то наездников в голубом, то в зеленом [156, с. 75]. Таким образом, А. Камерон так интерпретирует Прокопия, что стасиоты у него оказываются истинными приверженцами какого-либо цвета, когда же автор говорит о надписях одеона Афродисии, то в число сторонников голубых и зеленых не попадают именно стасиоты.

Итак, теория А. Камерона, которая, в сущности, возрождает забытую точку зрения А. Рамбо, представляется нам недоказанной и противоречащей данным источников.

А. Камерон, на наш взгляд, прав лишь в том, что димы не имели генетической связи с античными демами, но это отнюдь не значит, что они являлись исключительно спортивными объединениями.

Причиной возникновения крупных партий цирка была не столько страсть византийцев к бегам, сколько изменения в социально-экономическом развитии империи, кризис полиса, усложнение социальной структуры города.

Если до IV в. основу социальной структуры городов греческого Востока составляли довольно однородные по своему положению и состоянию куриалы и плебс, то уже в IV в. и сословие куриалов, и *ordo plebeiorum* начинают утрачивать свое единство. В среде куриалов выделяется группа *principales*, которая к концу IV — началу V в. оформляется как особый социальный слой, значительно отличающийся от остальной массы обедневших куриалов [64, с. 151—153]. Дифференциация происходит и среди плебса, где выделяется торгово-ростовщическая верхушка: богатые купцы и торговцы, *аргиропраты* и *навикулярии*.

Кроме того, весьма существенным образом на изменении социальной структуры городов сказалось появление в них выдвинувшихся на государственной и военной службе крупных земельных собственников, не связанных ранее с городом [64, с. 154—155].

Количество сословий в городах увеличивалось. Иной становилась и социально-политическая ситуация. До IV в. в городах безраздельно господствовала муниципальная аристократия, державшая в повиновении плебейское население города, с IV в. постепенно все более значительную часть населения начинает контролировать военно-чиновная знать [93, с. 104—105], которая приобретает и земли, и дома (в том числе и доходные), и мастерские.

Источники дают основания предполагать, что существовали своего рода дома аристократов-сенаторов, объединявших под своим главенством людей самых разных социальных кругов. Мы уже говорили о том, что резиденции аристократов все больше и больше превращались в коммерческие учреждения — οἶκοι, οἰκίαι, которые занимали обычно целые кварталы, носившие их имена и, естественно, находившиеся под их полным контролем. Одним из подобных домов в столице являлся дом Апионов, крупнейших земельных собственников империи [26, с. 491].

Все более заметную роль в городах ранней Византии начинала играть торгово-ростовщическая верхушка. Константинопольские аргиропраты, например, обладали весьма разветвленными связями, пользовались влиянием при дворе и имели к нему непосредственный доступ. В 562 г. они оказались в самом центре заговора против Юстиниана.

Верхние слои населения начинают делить город на свои сферы влияния. Взаимоотношения внутри этих

сфер влияния и борьба между контролирующими их группами и послужили основой для возникновения партий ипподрома, партий венетов и прасинов — этой новой и, на наш взгляд, наиболее важной формы социальных связей в городах ранней Византии. Ипподром с его делением зрителей на группы прекрасно соответствовал новой ситуации. Здесь различные слои населения объединялись в партии, партии приходили в соприкосновение друг с другом.

Самые ранние упоминания о партиях цирка относятся к первой половине V в. (правление Феодосия II) [26, с. 351], но их формирование началось, по-видимому, еще в IV в. Основой для их возникновения был, по всей вероятности, антагонизм между муниципальной и военно-чиновной аристократией, определявший политическую ситуацию в городе в IV в. В Константинополе генезис партий ипподрома происходил, видимо, несколько иначе, хотя сущность процесса была весьма сходной. Здесь соперничество возникло между военно-чиновной знатью и сенаторской аристократией, формировавшейся из муниципальной знати, наплыв которой в Константинополь во второй половине IV в. был необычайно велик [235, т. II, с. 527]. IV век, на наш взгляд, являлся лишь предисторией складывания факций ипподрома. Партии еще не были оформлены, но начало практике деления населения на группы было положено. В этот период неопределенности народные массы, используя трения внутри господствующего класса, образовывали в театре и цирке собственные группировки по корпорациям [59, с. 2—20].

Судя по тому, сколь часто они начинают упоминаться в источниках конца V в., можно заключить, что к этому времени партии венетов и прасинов уже

вполне сложились. Расстановка классовых сил в V в. меняется. Антагонизм между муниципальной и военно-чиновной знатью, характерный для IV в., теряет свою остроту, поскольку служилая знать и родовитая аристократия сливаются в один слой. В V в. на первый план выходят противоречия между аристократией и торгово-ростовщицеской верхушкой.

Представители знати и торговцы соперничали в торговле хлебом и продуктами сельского хозяйства [78, с. 145]. Однако гораздо большее значение, на наш взгляд, имело то обстоятельство, что в этот период аристократия, среди доходов которой поступления от ремесленных эргастриев приобретают существенную роль, весьма активно проникает в ремесло и торговлю ремесленными изделиями,¹ создавая сложности для владельцев остальных эргастриев. Сенаторы всячески пытались освободить свои мастерские от налогов, перекладывая это тяжелое бремя на остальные эргастрии, владельцам которых приходилось платить налог в 3, 4 и даже в 10 раз больше обычного [33, нов. 43, 59]. Кроме того, их чрезмерная активность в области ростовщичества и склонность к мошенническим афе-

¹ Это обстоятельство уже было отмечено А. П. Дьяконовым [51, с. 195—196]. Но автор не акцентирует свое внимание на этом факте, полагая, что наиболее существенной причиной противоречий между партиями являлось то, что земля уплывала из рук аристократов и переходила к богатым неаристократам. По его мнению, перемещение земель особенно усилилось при Юстиниане. Но эта точка зрения, на наш взгляд, не имеет под собой серьезных оснований. Во-первых, спорным является сам вопрос о значительных конфискациях земель сенаторов при Юстиниане [120, с. 28—30]. Во-вторых, те земли, которые действительно были конфискованы у сенаторов, переходили не к богатым ремесленникам и торговцам, а к приближенным императора, т. е. попадали в руки той же аристократии [35, т. I, А, I, 24, 58].

рам при заключении сделок (см. выше) служили дополнительным источником противоречий между сенаторской знатью и торгово-ростовщической верхушкой города.

Эти противоречия и легли в основу деления населения на цирковые партии, которые становятся важным фактором в социально-политической жизни ранневизантийского города. Упоминания о них практически не сходят со страниц хроник и исторических сочинений.

Как показало исследование Дж. Файна, для обозначения партий употреблялись равнозначные и взаимозаменяемые термины $\tau\acute{\alpha}$ $\mu\acute{\epsilon}\rho\eta$, $\omicron\iota$ $\delta\eta\mu\omicron\iota$ [189, с. 29—37].

Примечательно (и на это обратил внимание еще М. Я. Сюзюмов [93, с. 96]), что термин $\omicron\iota$ $\delta\eta\mu\omicron\iota$ чаще всего употреблялся именно тогда, когда речь шла не просто о народе как о черни, а о партиях ипподрома. В связи с этим нам кажется уместным высказать предположение, что появление самого термина связано не столько, как это полагает А. Камерон, с эволюцией языка (когда появились аналогичные формы $\omicron\iota$ $\delta\chi\lambda\omicron\iota$, $\tau\acute{\alpha}$ $\pi\lambda\acute{\eta}\theta\eta$), а именно с тем историческим фактом, что народ оказался разделенным на две части ($\tau\acute{\alpha}$ $\mu\acute{\epsilon}\rho\eta$). Как эквивалент к этим $\tau\acute{\alpha}$ $\mu\acute{\epsilon}\rho\eta$ стали употреблять более привычное слово $\delta\eta\mu\omicron\varsigma$, но уже во множественном числе — $\omicron\iota$ $\delta\eta\mu\omicron\iota$. Возможно, что и появление множественного числа $\omicron\iota$ $\delta\chi\lambda\omicron\iota$ и $\tau\acute{\alpha}$ $\pi\lambda\acute{\eta}\theta\eta$ также имеет некоторую связь с усложнением социальной структуры не только высших, но и низших слоев населения.

В официальной иерархии партии ипподрома рассматриваются прежде всего как организации народных масс и противопоставляются сенату (в Константино-

поле), городской знати (в других городах империи) и торгово-ростовщической верхушке (οἱ ἐργαστηριακοί) [38, VII, 9, 3], ср. [16, с. 712]. Однако, судя по высказываниям ранневизантийских авторов, и сенаторы, и οἱ ἐργαστηριακοί тоже принимали непосредственное и весьма активное участие в борьбе партий ипподрома [26, с. 416, 488, 491]. Говоря о племяннике Юстиниана Германе, Прокопий ставит ему в особую заслугу то, что он не разделял пристрастия других знатных лиц к соперничеству партий [35, т. II, III, 40, 9]. Прокопий явно рассматривает этот факт не как правило, а как исключение.

Примеры участия аристократии и торгово-ростовщической верхушки в борьбе партий содержатся в «Хронографии» Иоанна Малалы и других сочинениях. Все они собраны в работах Г. Манойловича, А. П. Дьяконова, М. В. Левченко, и в этом плане труды названных исследователей продолжают сохранять свое значение. Несомненно, что и аристократы, и торгово-ростовщические элементы оказывали и косвенное, и прямое влияние на партии цирка и стремились проводить через них свои интересы. Поэтому точка зрения А. П. Дьяконова [51, с. 187—195], подкрепленная наблюдениями М. В. Левченко [70, с. 181—183], что аристократия возглавляла партию венетов, а торгово-ростовщическая верхушка — партию прасинов, представляется нам вполне убедительной.¹

¹ По мнению Ж. Жари, напротив, венеты Константинополя являлись торгово-ремесленной партией, а прасины — землевладельческой [230, с. 168]. К подобному заключению автор пришел главным образом на основе анализа столкновения между партиями ипподрома, имевшего место в 559 г. (см. о нем ниже, с. 263). Но данные «Хронографии» Иоанна Малалы, где содер-

Низы партий, по всей видимости, составляли лица, каким-либо образом связанные с верхушками димов и находившиеся в сфере их влияния. Однако, на наш взгляд, было бы ошибкой думать, что в первую партию — венетов — попадали лишь земледельцы, а во вторую — прасинов — только ремесленники. Социальной опорой знати в городах отнюдь не являлись лишь те, кто был связан с обработкой садов и огородов их городских и пригородных поместий (проастиев). Более того, сам по себе факт наличия сколько-нибудь значительного числа находившихся в той или иной зависимости от хозяина поместья земледельцев представляется спорным, поскольку в Константинополе, как мы видели, работами в садах и огородах занималась особая корпорация садовников, нередко находившихся даже в конфликтных отношениях с владельцами проастиев.¹ Аристократы в не меньшей степени, чем

жится описание этих событий, противоречат выводу Ж. Жари, поскольку в ней говорится, что в ходе этого столкновения венеты получали оплату от οἱ ἐρουσθηριακοί [26, с. 491], т. е. представителей наиболее зажиточных слоев торгово-ремесленного населения [136, с. 21]. Согласно тому же источнику, тогда же (в 559 г.) на прасинов напали венеты из дома Апиона [26, с. 490], принадлежавшего к наиболее крупным земельным собственникам империи.

¹ Н. В. Пигулевская, говоря вслед за Г. Манойловичем о земледельцах в партии венетов, ссылается на события 559 г., когда переправившиеся из расположенных на другом берегу Босфора Сик венеты стали поджигать склады ремесленников [78, с. 144]. О датировке этого события см. ниже. Иоанн Малала, единственный автор, сохранивший сведения о нем, нигде не называет венетов из Сик земледельцами, а в другом месте своей «Хронографии» он пишет о Сиках вообще как о городе: «В то же время были частично восстановлены Сики, их театр и стены, и переименованы они в Юстинианополь» [26, с. 430]. Составитель комментария к «Хронографии» приводит такое выска-

торгово-ростовщическая верхушка, могли рассчитывать на ремесленников города, так как знатные владельцы зданий и проастиев сплошь и рядом отдавали в аренду мастерские и жилье (см. выше). По данным папирусов известно, что ремесленные корпорации вносили взносы в кассы как венетов, так и прасинов [112, с. 195].

Таким образом, и в партии венетов, и в партии прасинов было немало ремесленников. Вне всякого сомнения, в обеих партиях состояли люмпен-пролетарии, и в этом отношении оба дима также были одинаковы. То же самое можно сказать и о многочисленных пришельцах из других мест, принимавших участие в борьбе на стороне той или другой партии. Большую часть их, по словам Юстиниана, составляли земледельцы [33, нов. 80, предисл.]. Таким образом, в каждую партию могли входить и ремесленники, и земледельцы, и люмпен-пролетарии. Причина того, что эти близкие по своему положению люди участвовали в борьбе на стороне разных партий, на наш взгляд, объясняется особенностью социальных связей в ранней Византии, а также тем, что борьба партий открывала для народных масс наиболее легкий путь для выражения протеста против социального угнетения. Иллюстрацией к этой точке зрения могут служить слова Псевдо-Захарии, который рассказывает, как лю-

звание Стефана: «Συκαί, πόλις ἀντίκου τῆς νέας Ρώμης, ἡ καθ' ὅμῃς Ἰουστινιανὴ προσαγορευθεῖσα». В городе имелись монастырь св. Конона и церковь св. Ирины [26, с. 473, 486]. В Сиках, как и в самом Константинополе, существовали проастии. Но помимо садов, сдававшихся в аренду корпорации садовников, в них имелись и мастерские [33, нов. 159, предисл.]. Таким образом, считать человека земледельцем только потому, что он переправился из Сик, едва ли представляется возможным (ср. [230, с. 158]).

ди из провинции (а мы только что убедились, это были в основном земледельцы), недовольные политической Иоанна Каппадокийского, присоединялись к одной из партий и принимали участие в ее борьбе [46, IX, 14].

Близостью социального состава низов партий и объясняется та легкость, с которой борьба между димами переходила в борьбу народных масс против социального угнетения. Ею же можно объяснить ту, если можно так выразиться, топографическую пестроту, которая характерна для расположения кварталов венетов и прасинов. А. П. Дьяконов считал, что голубые Константинополя селились в старом городе, зеленые — в новом [51, с. 187—195]. По мнению же М. Я. Сюзюмова, напротив, старый город находился в сфере влияния торговых элементов, новый — аристократических [93, с. 94]. Исследование Г. Принцинга показало, что кварталы тех и других перемежались как в центральной части столицы, так и на окраинах. В районах центральной улицы Константинополя располагались и кварталы венетов, и кварталы прасинов [283, с. 26—48].

Но как бы то ни было, отрицать размещение венетов и прасинов по разным кварталам, как это делает А. Камерон, невозможно. Пусть оно было иным, нежели его представляли себе исследователи — Г. Манойлович, А. П. Дьяконов, М. Я. Сюзюмов, тем не менее оно существовало и довольно четко прослеживается в различных источниках.

Весьма сложным является вопрос о религиозных взглядах цирковых партий. Дело в том, что на основании данных некоторых источников (сочинение Феодора Чтеца, «Хронография» Феофана) создается впечатление, что в Константинополе, например, основная

масса населения была православной. Но, вероятно, не следует забывать, что подобные свидетельства исходят от авторов, которые являлись страстными приверженцами ортодоксального течения. Это в первую очередь можно сказать о Феофане, который, составляя свое сочинение на основании источников V—VI вв., делает от себя добавления в ярко выраженном православном духе [41, с. 150, 154, 157—158, 159, 161 и др.].

Между тем хронист Иоанн Малала, религиозные взгляды которого не поддаются достаточно четкому определению, сообщает, что в 533 г. толпа, собравшаяся на форуме Константина, требовала предать сожжению акты Халкидонского собора [26, с. 478]. Этот эпизод был включен и в православное сочинение — «Пасхальную хронику» [16, с. 629]. Если же верить Псевдо-Захарии, население Константинополя было сплошь монофиситским, а восстание 512 г. (см. ниже, с. 272) было подготовлено кучкой монахов [46, VII, 7].

Известно, что у монофиситов были в Константинополе свои церкви и монастыри, свой епископ и что во время гонений на монофиситов на Востоке они нередко обретали приют в столице. Не следует, по-видимому, забывать и о том, что в расчете на больший заработок в Константинополь стекались ремесленники восточных провинций, главного очага монофиситства. Вполне возможно, что, осев в столице, они продолжали сохранять свои религиозные верования.

Особенно большой наплыв монофиситов в Константинополь имел место при Юстиниане, поскольку им покровительствовала Феодора. Целый дворец Гормизды был отдан в их распоряжение [52, с. 55; 55, т. II, с. 234, 237—238]. В Сиках монофиситы имели многочисленный монастырь, где проживал известный мо-

нах Зоора, пользовавшийся особым расположением императрицы [55, т. II, с. 237]. Присутствие в столице множества монофиситов так беспокоило православное духовенство, что в 531 г., когда готовились переговоры между православными и монофиситскими епископами, православные палестинские монахи в большом числе явились в Константинополь [19, с. 171—176]. Поэтому, пожалуй, было бы излишне категоричным считать население Константинополя в массе своей православным. Как столица империи, он в миниатюре отражал и религиозную ситуацию в различных ее областях.

В силу этого отнюдь не представляется надуманной или гипотетичной связь цирковых партий с религиозными течениями, охватывавшими значительные группы населения, которое весьма глубоко волновали вопросы веры.

Проанализировав заново «Акты по поводу Калоподия», П. Карлин-Хейтер, на наш взгляд, убедительно показала, что голубые и зеленые придерживались противоположных религиозных взглядов, причем, если представители партии голубых являлись в основном православными, то партия зеленых не была столь однородной: наряду с монофиситами, составлявшими ее ядро, в нее входили представители и других неортодоксальных течений [241, с. 89—98].

Говоря о социально-политической сущности ранневизантийских димов, нельзя не сказать об их военной функции. Речь идет, по-видимому, не о постоянной городской милиции, а об отрядах, формировавшихся из димов лишь в моменты критических ситуаций [132, с. 17—18]. Основой подобных отрядов, создававшихся для охраны городов, являлись, по-видимому, стасиоты. Возможно, что и инициатива создания их исходила от них самих. В самый разгар

восстания Ника на ипподром явилось 250 облаченных в доспехи стасиотов прасинов (νεώτεροι Πράσινοι) [41, с. 185]. В 540 г. стасиоты приняли активное участие в обороне Антиохии [35, т. I, А, I, 8, 11]. А для событий 559 г. Феофан как привычный термин употребляет глагол διμωτεύειν, имея в виду охрану города димами [41, с. 233]. В правление Маврикия подобные случаи учащаются. Император использует отряды димотов для охраны то Длинных стен Константинополя, то самого города [41, с. 254, 279, 287].

Именно в это время особый смысл приобрело слово διμῶται, которое стало служить обозначением наиболее активных членов партий ипподрома и было тесно связано с несением функций военного характера. В «De cerimoniis» οἱ διμῶται четко отделяются от других членов димов венетов и прасинов — οἱ φυλῆται [18, с. 312].

В конце VI в. впервые упоминается должность димарха, что свидетельствует, на наш взгляд, о дальнейшем организационном оформлении партий ипподрома. Именно этот период (конец VI — начало VII в.) является временем их наивысшего подъема. По свидетельству Феофилакта Симокатты, димы отличались тогда необычайной активностью и обладали реальной политической властью [42, VII, 10, 1—2; 9, 13] (ср. [41, с. 289]). Источники, повествующие о событиях этих бурных лет, показывают, как настойчиво император Маврикий пытался заручиться поддержкой димов. В то время, когда в войске начался мятеж, он устраивает в Константинополе частные конные ристания и обращается к димам с призывом сохранять спокойствие [42, VIII, 7, 8] (ср. [41, с. 287]). Родственник императора Герман, решивший использовать ситуацию в своих интересах, посылает дове-

ренных лиц к димарху прасинов, с тем чтобы те помогли ему стать императором (ὅπως συναγωνίσηται αὐτῷ τοῦ βασιλεῦσαι), обещая за это чтить прасинов и осыпать их великими почестями (μεγάλαις ἀξίαις) [41, с. 289].¹ Прасины отказали Герману, отдав свои симпатии другому претенденту — Фоке, и это во многом определило дальнейший ход событий. Прасины открыли ворота и перешли к «узурпатору» [42, VIII, 9, 13], затем, прославляя Фоку, они убедили его явиться в Евдом [42, VIII, 10, 1]. Фока, хорошо сознавая, кто его опора, объявил, что хочет быть императором, провозглашенным «димами, патриархом и сенатом» [42, VIII, 10, 2]. Обычно при описании провозглашения императора димы упоминаются после сената. В данном случае нарушение правила, несомненно, было вызвано той огромной ролью, которую сыграли димы в перевороте. Характерно, что и Феофан, который несколько изменил эту фразу, поставив на первое место патриарха, отдал предпочтение димам перед сенатом [41, с. 289].

Но все это относится к рубежу VI—VII вв. В начале же VI в. димы еще не достигли такой силы и организованности. В этот период несомненным и важным политическим фактором являлись не столько разделявшие народ на отдельные группировки партии ипподрома, сколько народные массы в целом, о роли которых следует сказать особо.

¹ А. Камерон пытается доказать, что в данном случае речь идет лишь о церемониальной функции прасинов [156, с. 265—266]. Но и сама эта фраза, и весь контекст данного места «Истории» Феофилакта Симокатты и «Хронографии» Феофана явно свидетельствуют о реальной политической роли цирковых партий в этот период.

Глава IV

РОЛЬ НАРОДНЫХ МАСС В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

В свое время в работе, посвященной димам, А. П. Дьяконов высказал мысль о «конституционной силе» народных масс в ранней Византии, их праве принимать участие в разрешении важнейших политических вопросов не только посредством восстания, но и в конституционных формах — путем «эвфимии», «просьбы», пожелания или порицания [51, с. 171]. Точка зрения А. П. Дьяконова подверглась резкой критике со стороны Н. В. Пигулевской, Г. Зайдлера, С. Винклер [82, с. 221; 297, с. 34, примеч. 1; 330, с. 321—322]. Между тем идея А. П. Дьяконова, как нам представляется, заслуживает самого пристального внимания и изучения. Исследования Г.-Г. Бека, Ж. Дагрона, Ф. Винкельмана, Ф. Тиннефельда подтверждают его точку зрения, конкретизируя и разви-

вая ее [137, с. 10 и сл.; 170, с. 362; 307, с. 101—119; 311, с. 176—204; 49, с. 27—32]. В своем фундаментальном труде о Константинополе IV — середины V в. Ж. Дагрон показал, что народ представлял собой институт если и не равный сенату, то, во всяком случае, реально существующий наряду с ним. Правда, исследователь видит в этом факте лишь юридическую сторону, расценивая его как некую ступень в процессе наделения жителей Константинополя правами народа имперской столицы и резиденции императора [170, с. 305].

Как полагает Ж. Дагрон, эти права народ получил сверху, от верховной власти. Императоры не только позаботились о том, чтобы построить красивый, величественный город, которому не было бы равных на греческом Востоке, но и создали ряд необходимых для столицы институтов, в том числе сенат, и наделили особыми привилегиями ее народ [170, с. 297—319].

Нам представляется, однако, что это явление значительно сложнее и имеет не столько правовую, сколько социально-экономическую основу. Особая роль народных масс в городах ранней Византии, на наш взгляд, самым тесным образом связана с эволюцией социально-политической структуры империи и своими корнями уходит в тот бурный и сложный IV век, когда в господствующем классе Византии происходит перегруппировка сил. Родовитая муниципальная аристократия, являвшаяся одновременно и культурной элитой общества, начинает оттесняться на второй план новой военно-чиновной знатью. В ходе борьбы между этими группировками, развертывавшейся по традиции в местах общественных собраний, в частности в театре и на ипподроме, и принимавшей нередко весьма острые формы, каждая из сторон стремилась привлечь на

свою сторону, а правильное сказать, использовать в своих интересах народные массы. Родовитая знать пыталась удержаться под своим влиянием некогда послушный ей *δῆμος*. Заручиться поддержкой народных масс надеялась и военно-чиновная знать. Делалось это с помощью подкупа или разного рода подачек и обещаний. Использовались театральные клакёры, которые при огромном стечении народа (обычно в театре) начинали выкрикивать те или иные требования политического характера, порицания или восхваления в адрес должностных лиц. Как правило, подобные возгласы готовились заранее и облекались в краткие ритмические фразы, которые легко можно было подхватить и которые народ действительно подхватывал, если он одобрял их [146, с. 16—18]. Организованный таким образом народ мог стать и действительно становился грозной силой [146, с. 16—18].

Отзвуком и реакцией на складывавшуюся ситуацию явился эдикт Константина об аккламациях (331 г.). Ввиду важности этого эдикта процитируем его целиком: «Мы предоставляем всем возможность прославлять в общественных местах наиболее справедливых и усердных правителей, с тем чтобы мы могли соответствующим образом вознаградить их, и, напротив, предоставляем право обвинять несправедливых и негодных правителей путем возглашения жалоб, с тем чтобы сила нашего контроля воздействовала на них, ибо, если эти восклицания действительно отражают истину, а не являются инспирированными возгласами клиентов, мы тщательно будем расследовать их, причем префекты претория и комиты должны доводить таковые до нашего сведения» [17, I, 40, 3]. Весьма примечательным является упоминание в эдикте об «инспирированных возгласах клиентов», которое

прямо указывает на лиц, кормившихся возле родовой муниципальной знати.

Вполне возможно, что представители родовой аристократии, чувствовавшие себя доселе полноправными хозяевами положения, а ныне терявшие почву под ногами, первыми прибегли к помощи клакёров. Но практика инспирирования властями в своих политических целях возгласов в общественных местах была хорошо известна и в Риме [93, с. 105; 146, с. 16], и Константин, издавая этот эдикт, по всей вероятности, надеялся, что чиновники государственного аппарата, прибегнув к наемным крикунам и клакёрам, сами смогут создать соответствующую ситуацию и ослабить таким образом местную знать [93, с. 104—105], тем более что неудобные возгласы всегда можно было истолковать как подстроженные клиентами куриалов.

Так или иначе, согласно закону Константина оценке деятельности правительства давали не местные аристократы, а народные массы.

Эдикт 331 г. не явился откуда-то из небытия, а отражал реальную городскую жизнь того времени, а также стремление императорской власти вмешаться в нее и помочь тем силам, которые являлись опорой этой власти. Но, будучи порожден политическими реалиями эпохи, этот эдикт имел и далеко идущие исторические последствия. Узаконив применительно к своему времени место народных масс в политической жизни города, он тем самым способствовал дальнейшему возрастанию роли народных масс в городах ранней Византии. Народ не только выступает на стороне той или иной группировки господствующего класса, но, как показало исследование Р. Браунинга, уже в IV в. использует ситуацию в собственных интересах [146, с. 18—20]. Закон Константина, по существу,

явился признанием известных конституционных прав народных масс, что нашло отражение и в сознании византийцев IV—VI вв., и в реальной жизни того времени. Говоря о Константинополе начала V в., церковный историк Созомен отмечает, что он с полным правом мог именоваться новым Римом, поскольку в нем теперь уже появились сенат, *τάγματα τῶν δῆμων* и чиновники имперской канцелярии [38, VII, 9, 3], т. е. в социальной структуре города историк выделяет имперскую бюрократию, сенат и народ, используя при этом необычное выражение *τάγματα τῶν δῆμων*.¹

Понятие «народ» как институт, противостоящий сенату, но в то же время существующий параллельно с ним, свойственно и историку VI в. Прокопию. Начиная рассказ о восстании Ника, он, в частности, пишет: «В это время в Византии произошел мятеж, который... вылился в большое зло для народа и сената» [35, т. I, А, I, 24, 1]. А повествуя о событиях, происходивших на форуме Константина, где собрались восставшие, Прокопий преподносит их читателю не столько как бунт толпы, сколько как народное собрание во главе с сенаторами [35, т. I, А, I, 24, 25].

То же представление о народе встречается и в произведении Феодора Чтеца [40, с. 138—139], и в «Хронографии» Феофана [41, с. 154, 160—161], который при описании событий V—VI вв. компилировал источники того времени.

¹ По мнению Ж. Дагрона, слово *τάγματα* в данном случае отнюдь не носит военного характера и не имеет в виду военные функции димов, еще не сформировавшихся к этому времени. Это, полагает исследователь, лишь метафора, аналогичная, например, выражению *τάγμα monastique* [170, с. 354 и примеч. 3]. Но все же, возможно, какое-то деление населения на группы Созомен в данной фразе подразумевал.

Это особенно важно отметить, поскольку термин δῆμος, как мы уже говорили, в эпоху ранней Византии теряет тот смысл, который вкладывали в него античные авторы, приобретая теперь нередко понятия «чернь», «простонародье» и становясь в подобных случаях синонимом слов ὄχλος и πλῆθος.

Но, по-видимому, столь значительна была в ту эпоху роль народа, хотя и не составлявшего уже в социальном отношении единого целого, что его продолжали именовать некогда гордым словом δῆμος, употребляя его рядом со словом «сенат».

Обычно народ собирался на форуме Константина, иногда в храме св. Софии, чаще же всего на ипподроме, являвшемся главным местом массового скопления людей и игравшем совершенно особую роль в жизни города. Цирк не был лишь местом для игр, он являлся сердцем города, важнейшим общественно-политическим центром. Грозные политические события, вести о которых волновали население Константинополя, служили поводом к шумным всенародным манифестациям в цирке. Здесь как в фокусе отражались все возникавшие в столице противоречия. Ипподром был главным местом борьбы венетов и прасинов, и вместе с тем, когда этого требовали интересы народа в целом, он превращался в истинный форум всего константинопольского населения. На ипподроме устанавливалось непосредственное общение главы государства с народом. Во время восстания Ника, когда Юстиниан решил в критический момент обратиться к толпе восставших, он приходит именно на ипподром, хотя в тот момент вовсе не было игр. И тотчас же в цирк стекается константинопольский люд [26, с. 475]. На ипподроме происходило провозглашение императора, далеко не всегда протекавшее гладко, без коллизий. Именно

здесь осуществлялась сакрализация императорской власти. Этому обстоятельству суждено было сыграть роковую роль в судьбе Ипатия, избранного императором в ходе восстания Ника. И Ипатию, и самим жителям города казалось недостаточным то, что новый император был провозглашен на форуме Константина: они устремились на ипподром, где и были перебиты оставшимися в распоряжении Юстиниана войсками (см. ниже, с. 209—210). Всякий раз, когда народ хотел обратиться к императору с жалобой, просьбой или требованием, он использовал для этого игры на ипподроме. Не случайно значительные волнения произошли в Константинополе в 491 г., когда префект города Юлиан запретил сборища горожан на ипподроме: народ увидел в этом узурпацию своих прав [22, с. 141].

Формы активности народных масс бывали различными, и политическая роль их наиболее ощутимо проявлялась в критических ситуациях. Весьма заметным образом сказывалось влияние жителей столицы при избрании нового императора. Правда, порой их участие в избрании василевса было лишь формальным и выражалось главным образом в эвфимиях, но, как показал Г.-Г. Бек, этим эвфимиям отводилась весьма существенная роль в церемониале [137, с. 10 и сл.]. При этом народные массы далеко не всегда соблюдали этикет во время избрания и провозглашения императора, когда им полагалось произносить приличествующие случаю аккламации, прославляющие императора, августу и синклит.

Нередко народ и более активно вмешивался в вопросы престолонаследия. Так, когда Лев I под давлением Аспара хотел закрепить трон за его сыном, из-за вмешательства народа он вынужден был отказаться от этого намерения [272, с. 369]. И позднее, когда

Лев пожелал объявить императором своего зятя Зинона, «подданные его на это не согласились» [15, с. 136]. Несомненна роль, которую сыграли народные массы при избрании императором Анастасия [51, с. 172—174; 137, с. 10]. В этой связи нам хотелось бы вспомнить исследование русского византиниста Д. Беляева, который в первую очередь интересовался церемониальной стороной этой коронации. Он обратил внимание на то, что Анастасия вводили в кафисму ипподрома дважды с некоторой разницей в одеянии. В первый раз он был облачен в расшитый золотом стихарь-дивитисий, подпоясан поясом и украшен императорскими кампагиями и тувиями. В этом наряде Анастасия подняли на щит и показали народу и войску. При этом компидуктор копьеносцев возложил на его голову вместо венца свое ожерелье, так как настоящий венец полагалось надевать только одновременно с хламидой василевса.

Первый показ Анастасия народу был, следовательно, пробной коронацией, попыткой заручиться поддержкой народа. Лишь после того как эта поддержка была получена, патриарх возложил на Анастасия хламиду и венец, и он уже в полном парадном облачении вновь вышел к народу, который приветствовал его возгласами «auguste!» и «σὲβαστέ» [48, с. 329—330]. Окружение Анастасия, по всей видимости, опасалось, как бы народ вместо возгласов одобрения не произнес иную ритмическую фразу: «Другого императора ромеям!» Именно ее пришлось услышать Анастасию позднее, в 512 г. [26, с. 407].

Как показал Г.-Г. Бек, роль народа не ограничивалась лишь участием его в избрании императора, она сказывалась и в своеобразном контроле масс над деятельностью избранного [137, с. 47 и сл.]. И когда

тот не реагировал на просьбы народа, последний весьма непочтительно обращался со своим василевсом. Так, Феодосия II в 431 г. забросали камнями [31, с. 78], а в 498 г. той же участи подвергся Анастасий, отказавшийся освободить зачинщиков уличных беспорядков [26, с. 394—395].

Нередко народ высказывал недовольство и отдельными должностными лицами, тем самым побуждая императора к их смещению. В 412 г. народ напал на префекта города [31, с. 70—71], а в 491 г. в результате сильного народного возмущения был смещен префект города Юлиан [22, с. 141; 31, с. 94]. Аналогичные явления имели место в 498 г. [26, с. 395] и в 518 г., когда народ потребовал изгнать «вора епарха» [22, с. 171].

В сложных ситуациях к народу апеллируют и император, и другие государственные деятели. Так, заключая перемирие с Анастасием, Виталиан потребовал клятвы верности не только от императора и сената, но и от народа [41, с. 160; 160, с. 56]. Когда же Анастасий нарушил клятву, народ открыто порицал его [41, с. 161].

Простой люд Константинополя часто вмешивался и в религиозные дела. В 507 г., когда Анастасий пригласил в столицу яркого монофисита Филоксена, волнения среди населения привели к тому, что император оказался вынужденным тайно выпроводить его из города [41, с. 149—150; 160, с. 31]. В 511 г. восточные монахи начали распевать в церквах монофиситское «трисвятое», а Анастасий дал клятву никогда больше не видеть православного патриарха Македония. В ответ на это поднялся «весь народ», и напуганный император сам пригласил патриарха во дворец, где тот был встречен с большим почетом [40, с. 138; 41, с. 154]. Вскоре,

однако, Анастасию удалось одержать верх над Македонием [160, с. 38—41; 301, с. 169—170], но при этом он заставил патриарха выехать из Константинополя ночью, боясь выступлений народных масс [40, с. 139; 41, с. 155]. В 512 г. народ ответил крупным восстанием на открытый переход императора к монофиситству [26, с. 407—408; 21, III, 44], хотя причины выступления, по-видимому, были не только религиозные. А в 533 г., после сильного землетрясения, «весь народ» столицы под влиянием агитации монофиситов собрался на форуме Константина и призывал императора сжечь акты Халкидонского собора [16, с. 629].

В актах собора 536 г. сохранились любопытные документы, в которых зафиксированы события, происходившие в Константинополе 15—16 июля 518 г., когда толпа пыталась оказать нажим на патриарха Иоанна, сменившего ненавистного православному населению патриарха-монофисита Тимофея. Народ требовал, чтобы «вера Севера» — монофиситство — была предана анафеме. При этом народ обращается к патриарху с ритмически построенными восклицаниями.¹ Их характер и резкость тона удивительным образом перекликаются с диалогом, имевшим место в январе 532 г. между Юстинианом и прасинами, причем прежде всего с его второй, весьма непочтительной по тону половиной (см. ниже). «Кто не предаст анафеме Се-

¹ Скандировать краткие выразительные ритмические фразы по-разному поводу было характерной чертой того времени. В 512 г., например, когда восставшая толпа православных обнаружила в доме Марина Сирийца восточного монаха, кто-то издал восклицание, тут же с энтузиазмом подхваченное толпой: «Вот он — враг Троицы» [26, с. 407].

вера, — кричит толпа, — тот сам манихей. Анафема Северу-манихею! Кто не говорит этого, тот сам манихей!»¹ (ср.: «Кто не говорит, что истинно верует владыка, анафема тому, как Иуде!» (см. ниже, с. 182). Выкрикивая так некоторое время и постоянно побуждая Иоанна признать Халкидонский собор, толпа наконец врывается в сам алтарь и уже там кричит: «Многая лета императору! Многая лета августу! Я свидетельствую: ты не уйдешь, если не предашь анафеме Севера. Скажи ясно: анафема Северу!.. Ты не сойдешь (с кафедры), если не предашь анафеме. Многая лета патриарху, достойному Троицы! Многая лета императору! Многая лета августу! Объяви о прославлении Халкидонского собора! Я не уйду; если не объявишь, мы будем здесь до вечера» [37, кол. 1057—1066; 55, т. II, с. 6—7; 314, с. 137 и сл.].² Далеко не везде и не всегда разговаривал так народ со своим императором или патриархом.

Итак, в Византии VI в. народ был реальной политической силой и проявлял необычайную политическую активность. Это обстоятельство, по-видимому, совершенно не устраивало Юстиниана, стремившегося к единству империи и сильной единоличной власти. В 527 г., лишь только он стал соправителем стареющего Юстина, был издан эдикт, запрещающий борьбу партий ипподрома [26, с. 422]. В Антиохии, где в 529 г. произошли волнения, Юстиниан вообще запретил проводить игры [26, с. 448—449], лишив таким

¹ Слово «манихей» в источниках, описывающих этот период, обычно использовалось как оскорбительное обозначение монофисита [41, с. 149—150, 154, 158, 161].

² Нечто подобное происходило в Тире 16 сентября 518 г. [37, кол. 1081—1092; 314, с. 151].

образом население их основного места собраний. И хотя Юстиниан включил в свой Кодекс закон Константина об аккламациях [17, I, 40, 3], это вовсе не означало, что он считал для себя обязательным следовать ему.

Во всяком случае, в январе 532 г., в самый канун восстания Ника, когда перед началом ристаний на ипподроме прасины стали обращаться к императору с жалобами, тот самым решительным образом отказался выслушать их и, вместо того чтобы дать им гарантии в расследовании дела, упорно отрицал обоснованность их претензий (см. ниже, с. 181). Это обострило и без того сложную ситуацию и послужило одной из причин разразившегося вскоре мятежа.

Глава V

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ЮСТИНИАНА НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ НИКА

В предшествующих главах мы попытались выявить экономические, социальные и политические причины восстания Ника, отметив, в частности, среди них меры Юстиниана по государственной регламентации всех сфер экономической деятельности горожан, а также его стремление к сильной единоличной власти. Нет сомнений, что, ставя под жесткий и регулярный контроль государственной власти все стороны деятельности подданных, Юстиниан стремился внутренне укрепить империю. Кроме того, он с первых же дней своего правления приступил к осуществлению той широкой программы мероприятий, направленных на укрепление внешнего престижа империи и императорской власти, которая определила весь период его пребывания у власти и доселе связывается с его именем. В заботе о внешнем блеске империи [26, с. 430, 435—436; 257,

с. 44; 308, с. 48; 145, с. 106] он начал отстраивать столицу и другие города ранней Византии [26, с. 426, 427, 445], что, естественно, требовало больших расходов.

Уже тогда Юстиниан начал строить и заманчивые планы восстановления Римской империи в ее прежних границах. Этот выходец из сильно романизированной провинции Иллирик, с детства говоривший на латинском языке, на всю жизнь остался скорее римлянином, нежели греком. Его взоры постоянно были устремлены на Запад, и мысль о возрождении былого величия и мощи Римской империи не давала ему покоя, он мечтал о славе римских цезарей.

Для осуществления обширной внешнеполитической программы на Западе Юстиниану пришлось пойти на значительные уступки своим соседям на севере и востоке, с тем чтобы сохранить спокойствие на этих участках границы империи. Немалые суммы пожертвовал император варварам (гуннам, герулам и др.), купив таким образом их союз и лояльность [26, с. 427, 430—432]. Дорого обошлось Византии и заключение мира с Ираном: по условиям договора империя должна была выплатить персам 11 тыс. либр золота [301, с. 295].

Одновременно начиналась подготовка к войнам на западе. По всей видимости, уже до 532 г. в империи начали строить и чинить корабли, которые в июне 533 г. отправились на завоевание Африки. На все это требовались огромные средства, все это создавало нехватку в деньгах. А для выкачивания требуемых сумм из подданных нужны были умелые, ловкие и нещепетильные администраторы.

И таковые быстро нашлись. В апреле 531 г. пост-префекта претория Востока занял Иоанн Каппадокий-

ский [301, с. 784]. Он не только умел полностью собирать налоги вместе с недоимками, но и постоянно изобретал новые. К числу последних относится и так называемый *ἀερίκον*. По мнению ряда исследователей, этот сбор являлся штрафом за несоблюдение расстояния между домами [175, с. 456; 301, с. 443—444; 239; с. 177].¹ Как сообщает Прокопий, эта мера приносила казне доход в 3 тыс. либр золота [35, т. III, XXI, 1—2]. По древнему обычаю, население империи в чрезвычайных случаях платило дополнительный налог — *δι-αγραφή*. При Иоанне случаи взимания этого налога становились все чаще и чаще, пока он не превратился в постоянный [301, с. 443; 54, с. 234—235].

Сокращены были и расходы на войско [301, с. 445].

В провинции из префектуры претория постоянно посылались чиновники, которые осуществляли контроль за финансами и обеспечивали поступление денежных средств в казну [301, с. 444]. По словам Псевдо-Захарии, Иоанн «грабил людей из разных сословий во всех городах, и знатных, и ремесленников, добывая таким образом в казну много золота» [46, IX, 14].

Тюрьма префектуры постоянно пополнялась недоимщиками, которых подвергали жестоким пыткам [301, с. 448].

Вымогательства Иоанна Каппадокийского вызвали всеобщее недовольство среди жителей как столицы,

¹ Подобную трактовку *азрикона* допускает З. В. Удальцова, однако она более осторожно подходит к характеристике этого «налога на воздух», как бы «упавшего с неба», отмечая отсутствие данных для определения характера налога и способа его взимания [54, с. 237; 7, с. 19] (ср. [231, с. 298]). Позднее, уже после Юстиниана, *азрикон* стал регулярным налогом [239, с. 177—178].

так и провинции [46, IX, 14; 25, III, 70]. Прокопий в своем описании восстания Ника отразил, по-видимому, общую враждебность населения к Иоанну. «Иоанн, — пишет он, — не отличался ни ученостью, ни образованием. Он ничему не научился, посещая грамматика, разве что писать письма, да и это делал из рук вон плохо. Но из всех известных мне людей он был самым одаренным от природы. Его отличала необычайная способность постигнуть необходимое и умение найти выход из самых затруднительных обстоятельств. Самый скверный из всех людей, он использовал свои способности исключительно на дурное. До него не доходило слово божие, и не было у него человеческого стыда. Ради наживы он погубил жизни многих людей и разрушил города. Награбив за короткое время большие деньги, он предался не знающему границ пьянству. Грабя до полудня имущество подданных, остальное время он пил и предавался разврату. Он никогда не мог обуздать себя, ел до пресыщения и рвоты и всегда был готов воровать деньги, но еще более был способен расточать их и тратить. Таков был Иоанн» [35, т. I, А, I, 24, 12—16].

Беззастенчиво злоупотреблял своим положением и другой ближайший сподвижник Юстиниана квестор Трибониан, один из наиболее деятельных составителей юстиниановского Свода гражданского права. Талантливый и прекрасно образованный, он являлся одним из лучшим знатоков права своего времени. Принимая самое непосредственное участие в создании Кодекса Юстиниана, одной из задач которого было пресечение любого рода злоупотреблений со стороны государственных чиновников, Трибониан вместе с тем считал себя стоящим выше всяких законов и использовал свои знания и положение в целях личного обогащения.

По словам Прокопия, он «постоянно то создавал, то уничтожал законы, продавая их просящим в зависимости от их нужд» [35, т. I, А, I, 24, 16].¹ Непосредственные проводники политики Юстиниана сами разрушали то здание, которое он пытался возвести с их помощью.

Недовольство населения вызывала и религиозная политика Юстиниана, стремившегося в погоне за единством государства к максимально возможной унификации и в этой сфере. В 529 г. император учинил гонения на язычников-эллинов, в ходе которых пострадали и представители знати [26, с. 449; 41, с. 180]. Это, естественно, осложнило отношения между аристократией, да и другими слоями населения, в частности интеллигенцией, и императорской властью. Примечательно, что в ходе восстания Ника место смещенного Иоанна Каппадокийского занял язычник Фока.

Более осторожной была политика Юстиниана по отношению к монофиситам, в это время куда более многочисленным, нежели язычники или какие-либо еретики иного толка. Император отдавал себе отчет в том, что слишком крутые меры против монофиситов

¹ Автор книги о Трибониане Т. Оноре склонен несколько скептически подходить к словам Прокопия о знаменитом квесторе Юстиниана. Вместе с тем он вполне резонно отмечает, что «История войн» увидела свет еще при жизни Юстиниана и по этой причине пассаж о Трибониане не мог быть явным преувеличением [215, с. 53]. Кроме того, известно, что после смерти Трибониана, несмотря на то что у него имелись законные наследники, Юстиниан конфисковал часть его имущества [35, т. III, XX, 17]. Вполне возможно, что император рассматривал эту меру как своего рода наказание Трибониана за взяточничество [215, с. 53].

могут вызвать серьезные и совершенно нежелательные последствия. Поэтому он попытался пойти по некоему среднему пути и стал сторонником теопасхизма, к которому вначале относился весьма враждебно [55, т. II, с. 236; 314, с. 190—197; 193, с. 245—246, 266—269].

В 519—520 гг. это течение активно поддерживалось землями комита федератов Виталиана — монахами из Скифии, которые стремились примирить монофиситов с православными. Вместо формулы «распятый за нас» они усердно пропагандировали другую — «один из Троицы плотью пострадал» [314, с. 191; 193, с. 245—246]. Римский папа не одобрил эту формулу, тем не менее Юстиниан в первые годы своего правления, пытаясь найти точки соприкосновения между монофиситами и православными, вновь вспомнил о ней. В 531 г. преследования монофиситов прекратились, им разрешили вернуться из ссылки, и многие из них устремились в Константинополь. В 532 г. в столице состоялись переговоры между шестью ортодоксальными и шестью монофиситскими епископами [301, с. 378 и примеч. 1; 124, с. 6].¹ Хотя непосредственные успехи переговоров оказались очень скромными (доводы православных убедили лишь одного монофиситского епископа), значение их было велико. По мнению Э. Штейна, они явились своего рода прелюдией к спору о трех главах [301, с. 378]. В эдикте о вере, опубликованном вскоре после этого совещания, Юстиниан, стараясь не отступать от православия, де-

¹ Ю. Кулаковский датирует переговоры зимой 532/533 г. или самым началом 533 г. [55, т. II, с. 235] (ср. [180, с. 112]). Ф. Дворник дает старую датировку этих переговоров (531 г.) [184, с. 822—823]. Возражения против подобной датировки см. [55, т. II, с. 235, примеч. 2; 301, с. 378, примеч. 1].

ляет вместе с тем шаг навстречу монофиситам: всячески избегая употребления формулы «две природы», он усиленно подчеркивает единство Христа и в этой связи пользуется уже упомянутой формулой теопасхизма [17, I, 1, 6; 16, с. 630—633; 55, т. II, с. 235—236; 301, с. 379].¹

Меры Юстиниана, поставившего перед собой цель примирить монофиситов и православных, насколько позволяют судить «Акты по поводу Калоподия» (см. ниже), вызвали лишь озлобление и тех и других, усугубляя и без того сложную ситуацию.

Итак, мы видим, что в первые годы правления Юстиниана в столице постепенно сплетался клубок поистине неразрешимых противоречий. Это противоречия и между отдельными группами населения (аристократией и торгово-ростовщической верхушкой), и между императорской властью и практически всеми социальными слоями города. Император стремился усилить контроль над подданными во всех сферах деятельности (экономической, общественно-политической, религиозной), и не было ни одной социальной группы или прослойки в столице, интересы которой не были бы так или иначе задеты. Кроме того, чудовищные злоупотребления его ближайших соратников, призванных проводить эту политику в жизнь, окончательно дискредитировали ее в глазах обираемого императором и его клевретами населения. Атмосфера была накалена до

¹ Мильтон В. Анастос относит использование Юстинианом формулы теопасхизма — правда, более простой, той, которая сохранилась в Энотиконе, — к более раннему времени (527 или 528 г.). Но автор рассматривает этот факт (а вместе с ним и публикацию эдикта 533 г.) не как стремление императора приблизить к себе монофиситов, а как очевидную попытку подчинить себе церковь [124, с. 1—11].

предела. Взрыв казался неизбежным. И действительно, в январе 532 г. в Константинополе разразилось одно из крупнейших народных волнений ранневизантийской эпохи — восстание Ника.

Глава VI

ХОД ВОССТАНИЯ НИКА

«Акты по поводу Калоподия»

Прелюдией к восстанию и одним из поводов к нему послужила сцена, разыгравшаяся на ипподроме в канун восстания, — знаменитый диалог прасинов с императором Юстинианом, вошедший в науку под названием «Акты по поводу Калоподия».¹ Слово в слово привел текст этого диалога Феофан.

¹ По мнению П. Карлин-Хейтер, слово «Калоподий» является искаженной формой имени Калаподий [241, с. 84, примеч. 1]. Мы придерживаемся здесь традиционного написания имени, т. е. той его формы, которую счел необходимым использовать в критическом издании текста «Хронографии» Феофана К. Де Бोर (ср. [311, с. 195, примеч. 624]: «Лучшие рукописи дают вариант „Калоподий“»).

«Прасины: Многая лета, Юстиниан август, да будешь ты всегда победоносным! Меня обижают, о лучший из правителей; видит Бог, я не могу больше терпеть. Боюсь назвать [притеснителя], ибо, как бы он не выиграл, я же подвергнусь опасности.

Мандатор:¹ Кто он, я не знаю.

Прасины: Моего притеснителя, трижды августейший, можно найти в квартале сапожников.²

Мандатор: Никто вас не обижает.

Прасины: Он один-единственный обижает меня. О Богородица, как бы не лишиться головы.³

Мандатор: Кто он такой, мы не знаем.

Прасины: Ты, и только один ты знаешь, трижды августейший, кто притесняет меня сегодня.⁴

Мандатор: Если кто и есть, то мы не знаем кто.

Прасины: Спафарий Калоподий притесняет меня, о всемогущий.

Мандатор: Не имеет к этому дела Калоподий.

Прасины: Кто бы он ни был, его постигнет участь Иуды. Бог скоро накажет его, притесняющего меня.⁵

¹ Император сам не разговаривал с народом, чтобы не умалять своего достоинства. От его лица, как бы его устами, говорил особый чиновник — мандатор.

² εἰς τὰ ζαυγάρια.

³ Буквально: как бы он не отрубил голову (μὴ ἀνακεφαλίστη). А. Камерон переводит это место следующим образом: пусть он будет унижен [156, с. 319].

⁴ В переводе А. Камерона эта и предыдущая фразы пропущены [156, с. 319].

⁵ Прасины согласны, что дело не в Калоподии. Вероятно, именно то, что Юстиниан не дал им гарантии, что жалоба будет рассмотрена, побудило их назвать имя простого спафария, предупрекая в то же время участь Иуды более высоким должностным лицам. Это прекрасно понял император, мандатор которого ответил: «Вы приходите [на ипподром] не смотреть, а грубить архонтам». Как полагает П. Карлин-Хейтер, под Калоподием пра-

Мандатор: Вы приходите [на ипподром] не смотреть, а грубить архонтам.

Прасины: Того, кто притесняет меня, постигнет участь Иуды.

Мандатор: Замолчите, иудеи, манихеи, самаритяне!

Прасины: Ты называешь нас иудеями и самаритянами?¹ Богородица со всеми!²

Мандатор: Когда же вы перестанете изобличать себя?

Прасины: Кто не говорит, что истинно верует владыка, анафема тому, как Иуде.

Мандатор: Я говорю вам — креститесь во единого [Бога].³

сины подразумевали препозита императорской опочивальни Нарсеса [242, I, с. 10], однако для подобной гипотезы нет достаточных оснований.

¹ В предыдущей фразе центр тяжести сделан на слове «манихеи» (так православные называли монофиситов). Прасины же умолчали о манихействе как о уже привычном для них поношении (см. ниже, с. 194 примеч.), и это подчеркнул мандатор в следующей фразе: «Когда же вы перестанете изобличать себя?» [51, с. 210, примеч. 1]. Иначе понимает этот пассаж П. Карлин-Хейтер [241, с. 93—94]. По ее мнению, слово «манихеи» могло быть пропущено переписчиком текста.

² Вера в то, что иудеи будут обращены в христианство, вполне соответствовала православию. Однако в данном контексте фраза «Богородица со всеми» звучит как явно намеренный вызов [241, с. 94—95].

³ А. Камерон считает, что эту фразу следует закончить во-просительным знаком [156, с. 320].

Прасины начали перекликаться друг с другом и закричали, как приказал Антлас: ¹ я крещусь во Единого.²

Мадатор: Если вы не замолчите, я прикажу обезглавить вас.

Прасины: Каждый домогается власти, чтобы обеспечить себе безопасность. Если же мы, испытывающие гнет, что-либо и скажем тебе, пусть твое величество

¹ В переводе А. Камерона эта фраза помещена после слов мандатора: «Когда же перестанете изобличать себя?» [156, с. 319]. Слово «Антлас» в этой фразе непонятно. По мнению Ж. Жари, Антлас — имя неизвестного нам ересиарха, предложившего особую форму крещения [230, с. 139]. А. Камерон вслед за Дж. Бьюри [148, т. II, с. 73, примеч. 1] полагает, что это глава клакёров прасинов [156, с. 319, примеч. 5]. П. Карлин-Хейтер высказала гипотезу, согласно которой прозвище «Антлас» является производным от глагола *αντλῶ* («истощать»), означая налоговый гнет, что относится не более и не менее как к самому императору Юстиниану. Слова «как приказал Антлас» являются, по мнению исследовательницы, частью фразы, произнесенной прасинами [242, I, с. 3; 242, III, с. 8].

² Смысловая нагрузка предыдущей фразы заключена в слове «креститься». Прасины сделали ударение на слове «единого», подразумевая, что император, разделяя Христа на две природы, крестится «в двух» [51, с. 210, примеч. 1]. Монофиситы вообще считали православных несторианами. П. Карлин-Хейтер вслед за Дж. Бьюри полагает, что монофиситство прасинов подразумевалось уже в словах мандатора *ἐγὼ ὑμῖν λέγω εἰς ἓνα βαπτίσεσθε*, которые она переводит следующим образом: «Я говорю вам, что вы крещены во единого» [241, с. 93; 242; III, с. 7—8]. С точки зрения А. Камерона, считать прасинов монофиситами — значит видеть в диалоге слишком много. Как полагает автор, прасины претендовали на то, что они столь же ортодоксальны, сколь и император. Мандатор же обрушивает на прасинов груды тривиальных ругательств, которые те, в свою очередь, отвергают [156, с. 140—142]. На наш взгляд, это слишком упрощенный подход к эпохе, когда люди во всем — в зданиях, жесте, слове — видели не только лежащий на поверхности смысл, но и особый символ.

не гневается. Терпение — божий удел. Мы же, обладая даром речи, скажем тебе сейчас все. Мы, трижды августейший, не знаем, где дворец и как управляется государство.¹ В городе я появляюсь не иначе как сидя на осле.² О, если бы было не только так, трижды августейший!

Мандатор: Каждый свободен заниматься делами, где хочет.

Прасины: И я верю в свободу, но мне не позволено ею пользоваться.

Будь человек свободным, но, если есть подозрение, что он прасин, его тотчас подвергают наказанию.

Мандатор: Вы не боитесь за свои души, висельники!

Прасины: Запрети этот цвет,³ и правосудию нечего будет делать. Позволяй убивать и попустительствуй [преступлению]! Мы — наказаны.⁴ Ты — источник жизни, карай сколько пожелаешь.⁵

¹ Как полагает А. Камерон, речь идет всего лишь о том, что прасинов лишили возможности исполнять церемониальные функции во дворе [156, с. 320, примеч. 7].

² На осле обычно провозили по городу преступников.

³ Т. е. цвет прасинов — зеленый.

⁴ ἄνεξ τὸ φονεύεσθαι καὶ ἄφεξ, κολαζόμεθα. А. Камерон переводит фразу следующим образом: «Прекрати убивать и позволяй, чтобы нас наказывали по закону» [156, с. 320]. Мы при переводе исходили из того, что глаголы ἀνίημι и ἀφίημι близки по своему смысловому значению. Кроме того, подобный перевод более соответствует содержанию диалога: сказанное перекликается с тем, что прасины говорят далее об отсутствии справедливости.

⁵ ἴδε πηγὴ βρύουσα, καὶ ὅσους θέλεις κόλαζε. А. Камерон переводит это место так: «Смотри, бьющий через край фонтан, и сколько хочешь наказывай». Мы следуем за Ш. Дилем [173, с. 460] и переводим эту фразу по аналогии с ἴδε ὑγιὴς γέγονας («Вот ты выздоровел» — НЗ). По предположению П. Карлин-Хейтер, слова πηγὴ βρύουσα относятся к венетам. Исследовательница считает, что в данном случае речь идет, с одной стороны,

Поистине такого противоречия не выносит человеческая природа. Лучше бы не родился Савватий,¹ он не породил бы сына-убийцу. Двадцать шестое убийство совершилось в Зевгме.² Утром человек был на ристалище, а вечером его убили, владыка!

Венеты: На всем ристалище только среди вас есть убийцы.

Прасины: Ты убиваешь и затем скрываешься.

Венеты: Это ты убиваешь и устраиваешь беспорядки. На всем ристалище только среди вас есть убийцы.

Прасины: Владыка Юстиниан, они кричат, но никто их не убивал. И не желающий знать — знает. Торговца дровами в Зевгме кто убил, автократор?

Мандатор: Вы его убили.

Прасины: Сына Эпагата кто убил, автократор?

Мандатор: И его вы убили, а теперь клевете на венетов.

Прасины: Так, так! Господи помилуй! Свободу притесняют. Хочу возразить тем, кто говорит, что всем правит Бог: откуда же тогда такая напасть?

Мандатор: Бог не ведает зла.

об обрушившемся на прасинов терроре венетов (πληὴ βρώουσα), с другой — о наказании прасинов со стороны властей (ὅσους θέλεις κόλαζε). Слова πληὴ βρώουσα и ὅσους θέλεις κόλαζε П. Карлин-Хейтер считает необходимым заключить в кавычки, поскольку, по ее мнению, прасины процитировали здесь всем известные фразы или части фраз. Так, слова «карай сколько пожелаешь» могли быть, полагает она, словами Юстиниана, сказанными препозиту Нарсесу, осуществлявшему наказания прасинов [242, I, с. 5—6].

¹ Савватий — отец Юстиниана.

² Зевгма — квартал, прилегающий к Золотому Рогу [227, с. 441—442].

Прасины: Бог не ведает зла? А кто тот, кто обижает меня? Философ или отшельник пусть разъяснит мне различие между тем и другим.¹

Мандатор: Клеветники и богохульники, когда же вы замолчите?

Прасины: Чтобы почтить твое величество, молчу, хотя и против желания, трижды августейший. Все, все знаю, но умолкаю. Спасайся, правосудие, тебе больше здесь нечего делать. Перейду в другую веру и стану иудеем. Лучше быть эллином,² нежели вене- том, видит Бог.

Венеты: Что мне ненавистно, на то и не хочу смотреть. Эта зависть [к нам] тяготит меня.

Прасины: Пусть будут выкопаны кости [остающихся] зрителей» [41, с. 181—184].

С шумом прасины покидают ипподром, оставив императора и венетов смотреть зрелище и нанеся таким образом явное оскорбление императору.

Мы намеренно привели текст диалога целиком, чтобы показать, какие сцены могли разыгрываться на ипподроме и как в критические ситуации страсть византийцев к бегам отходила на задний план перед жизненно важными проблемами. Никакой другой документ того времени не может послужить столь прекрасной иллюстрацией политической жизни империи, как «Акты по поводу Калоподия», представляющие собой наглядный пример того, какие отношения существовали между императором и подданными в ранней Византии вообще и как складывались они в первые годы правления Юстиниана.

¹ В этой фразе П. Карлин-Хейтер видит проявление дуалистической ереси [241, с. 94—95].

² Т. е. язычником.

По мнению П. Карлин-Хейтер, акты представляют собой настоящую, подготовленную заранее поэму, разбитую на строфы и обладающую подлинным единством [242, I, с. 1—13]. По всей видимости, прасины действительно тщательно готовились к сцене на ипподроме, что чувствуется в общей связующей нити всего того, что они выкрикивали: смысл их слов постоянно сводился к несправедливости, которую они терпели. И все же, на наш взгляд, в данном случае прав А. Камерон, который, хотя и признает, что прасины готовились к разговору с Юстинианом заранее, считает акты диалогом в полном смысле этого слова, поскольку, как он справедливо замечает, прасины не могли предвидеть слов мандатора; там же, где они могли это, прасины произносили ритмические фразы, импровизируя на основе богатого арсенала часто повторяющихся формул, а также используя короткие восклицания, специально подготовленные для этого случая [156, с. 329—333].

Существует немало переводов «Акт по поводу Калоподия», много занимались исследователи и толкованием отдельных их фраз. Значительное место в литературе отведено датировке этого памятника. У ряда исследователей (Э. Штейн, В. Шубарт, А. П. Дьяконов, З. В. Удальцова, Р. Браунинг, П. Карлин-Хейтер) не вызывает сомнений то, что диалог между Юстинианом и прасинами происходил в канун восстания Ника [301, с. 449—450; 296; с. 83; 51, с. 209—210 и примеч. 1; 54, с. 287—288; 145, с. 109; 241, с. 84—107]. Другие же авторы (П. Маас, Дж. Бьюри, Г. Братиану, И. Ирмшер, А. Камерон) не связывают диалог с этим народным мятежом [256; 148, т. II, с. 40, примеч. 3, с. 71 и сл.; 142; 221; 156, с. 322—329].

Повод к сомнению в датировке заключен в самих источниках, содержащих диалог. Их лишь два — «Пасхальная хроника» и «Хронография» Феофана. Ни тот, ни другой источник непосредственно не связывает его с событиями восстания. В «Пасхальной хронике» после краткого изложения диалога без всякой связи начинается рассказ о событиях 14 января, т. е. второго дня восстания. События же 13 января, т. е. начала восстания, в хронике вообще отсутствуют.

У Феофана картина событий как будто бы более стройная, и все же текст «Акт по поводу Калоподия» выглядит в ней явно чужеродным элементом. Излагая то, что относится к восстанию Ника, Феофан сначала дает краткую версию восстания [41, с. 181];¹ затем,

¹ «В этом году, являющемся пятым годом царствования Юстиниана, в январе месяце десятого индикта, произошло восстание, называемое Ника. Некие из димов венчали на царствование Ипатия, родственника императора Анастасия. Сгорела большая часть города, великая церковь, храм св. Ирины, странноприимный дом Сампсона, Августеон, колоннада базилики и Халка дворца. Возник большой страх, и многие из находившихся на ипподроме — как говорят, тридцать пять тысяч — погибли вместе с Ипатием. Произошло же восстание Ника следующим образом. Пришли партии на ипподром, и начали прасины выкрикивать аккламации по поводу Калоподия, кувикулярия и спафария». И далее следует упомянутый диалог. При переводе данного отрывка мы приняли поправку А. Камерона, который считает, что в пассаже ἀνελθόντα τὰ μέρη ἐν τῷ ἱππικῷ, ἐκράξαν οἱ τῶν Πρασίνων. ἄκτα διὰ Καλοπόδιον τὸν κουβικουλάριον καὶ σπαδάριον нет надобности ставить знак препинания после слова Πρασίνων и, следовательно, слова ἄκτα διὰ Καλοπόδιον τὸν κουβικουλάριον καὶ σπαδάριον необходимо рассматривать в данном случае не как заголовок к диалогу, а лишь как часть фразы ἐκράξαν οἱ τῶν Πρασίνων ἄκτα διὰ Καλοπόδιον τὸν κουβικουλάριον καὶ σπαδάριον. На наш взгляд, однако, это отнюдь не означает, что диалог не может быть озаглавлен «Акты по поводу Калоподия». По всей видимости, он уже имел это на-

переходя уже к детальному изложению событий, он приводит диалог. Закончив его, Феофан пишет: «И тотчас из-за каких-то магистров возник предлог для народного мятежа в Византии» [41, с. 184]. Это высказывание очень близко к той фразе, с которой начинается описание восстания в «Хронографии» Иоанна Малалы, особенно если учесть замечание Дж. Бьюри о том, что в печатном издании труда Феофана в этом месте ошибочно стоит слово μαῖστόρων, вместо которого должно быть ἀλαστόρων, т. е. как у Иоанна Малалы [150, с. 508].

Феофан [41, с. 184]:

καὶ εὐθὺς συνέβη
γενέσθαι ὑπὸ τινῶν
μαῖστόρων πρόφασιν
δημοτικῆς ταραχῆς
τρώπῳ τοιῷδε

Иоанна Малала

[26, с. 473]:

Ἐν αὐτῷ δὲ τῷ χρόνῳ
τῆς δεκάτης Ἰνδικτιῶνος συνέβη
ὑπὸ τινῶν ἀλαστόρων
δαιμόνων πρόφασιν
γενέσθαι ταραχῆς
ἐν Βυζαντίῳ

Дальнейшее изложение хода восстания у Феофана также весьма близко к рассказу Иоанна Малалы.

Таким образом, диалог, помещенный между краткой версией мятежа и более подробным его изложением, сходным с изложением «Хронографии» Иоанна Малалы, как бы выпадает из текста.

Еще более резко диалог, приведенный Феофаном, отличается от других частей описания восстания Ника своим языком. Правда, надо отметить, что язык «Актов» вообще не имеет сходства с языком любого иного раздела «Хронографии». Это, по всей видимости, объясняется тем, что хронист (или скорее всего автор, у

звание, когда хранился в архиве прасинов, откуда и попал либо непосредственно в «Хронографию» Феофана, либо (что более вероятно) в сочинение, из которого его почерпнул Феофан.

которого он позаимствовал текст) использовал в данном случае особый источник, которым мог быть официальный документ — протокол разговора Юстиниана с прасинами.

Таким образом, диалог в «Хронографии» Феофана является искусственной вставкой, причем, как полагает П. Маас, эта вставка оказалась у хрониста не на месте [256, с. 49—50]. Поскольку точка зрения исследователей, отрицающих связь «Актов по поводу Калоподия» с восстанием Ника, базируется в основном на выводах П. Мааса, то на его аргументации мы кратко остановимся.

По мнению П. Мааса, диалог не мог происходить накануне восстания Ника, так как в начале своего правления Юстиниан не притеснял прасинов, а относился к ним более или менее беспристрастно [256, с. 49—50]. Однако это не подкрепляется ни одним источником. Единственное, о чем можно определенно говорить, — это о намерении Юстиниана, стремившегося к внутренней консолидации государства, «поставить на место» как венетов, так и прасинов, снизить их активность и, самое главное, добиться прекращения постоянных столкновений между ними. Поведение Юстиниана, зафиксированное в «Актах по поводу Калоподия», находится в полном согласии с его политикой по отношению к партиям ипподрома, начатой им еще в качестве соправителя Юстина, когда он издал указ, направленный одновременно и против венетов, и против прасинов [26, с. 422]. По справедливому замечанию Л. Шассена, молчание венетов на протяжении большей части диалога означает, по существу, их согласие с прасинами [161a, с. 48].

Второй аргумент П. Мааса касается личности Калоподия. Исследователь считает возможным отожде-

ствить его с препозитом 558—559 гг. Калоподием, о котором упоминают Иоанн Малала и Феофан [26, с. 490; 41, с. 233]. Но если Дж. Бьюри считает это вполне возможным [148, т II, с. 72], то П. Маас отмечает, что имя Калоподий не являлось достаточно редким [256, с. 50]. И это действительно так. В качестве примера назовем евнуха Калоподия времен Анастасия I; будучи экономом храма св. Софии, он выкрал для императора акты Халкидонского собора [41, с. 155].¹ Более того, как справедливо отметил Э. Штейн, ничто не мешало препозиту 558—559 гг. Калоподию быть спафарием и кувикулярием в 532 г. [301, с. 450, примеч. 1] (ср. [206, т. I, с. 179]).

Третий довод П. Мааса — это выраженное в диалоге сомнение по поводу истинности веры императора. Здесь он ссылается на следующую фразу прасинов: «Кто не говорит, что истинно верует владыка, анафема тому, как Иуде». П. Маас при этом напоминает, что незадолго до смерти Юстиниан впал в аффартодокетизм [256, с. 50] — монофиситство крайнего направления. Однако, как справедливо отмечают некоторые исследователи, вопрос о вероисповедании Юстиниана, стремившегося к примирению православных и монофиситов, мог широко дебатироваться в среде столичного населения именно накануне восстания Ника, когда в Константинополе готовились переговоры между православными и монофиситами [264, с. 649; 51, с. 210; 241, с. 91—92].

Итак, ни один из аргументов П. Мааса, отрицающего связь диалога с восстанием Ника, не является убедительным. Другие исследователи, принявшие его

¹ Р. Гийан называет еще одного Калоподия, препозита времен Феодосия II [206, т. I, с. 177, 178, 355].

точку зрения, также не выдвинули каких-либо новых доказательств. И. Ирмшер в своей статье, посвященной «Актам по поводу Калоподия», привел, по сути дела, лишь один новый аргумент. По его мнению, диалог не мог иметь место накануне восстания Ника, поскольку в момент разговора прасинов с императором партии венетов и прасинов еще находились во вражде друг с другом, в то время как в ходе восстания они единодушно выступили против императора и правительства [221, с. 83]. Однако подобный подход к отношениям между цирковыми партиями VI в. нам представляется несколько модернизированным. Партии не были организациями с четкой политической программой. Как мы уже отмечали, низы их были социально однородны, и совместные действия цирковых партий были для этого времени вполне обычным явлением. Не являлось исключением и их быстрое примирение. Так, в 501 г. партии, между которыми произошло столкновение во время состязаний, тут же примирились и, отпуская шутки, покинули ипподром вместе [22, с. 167].¹

¹ В остальном статья И. Ирмшера не является оригинальной и, к сожалению, содержит ряд неточностей. Автор незнаком полностью с литературой вопроса, ему неизвестна даже работа В. А. Шмидта, где дан не только перевод на немецкий язык «Актов» (И. Ирмшер ошибочно считает свой перевод первым), но и одно из лучших их толкований. От внимания исследователя ускользнула эволюция взглядов на диалог Дж. Бьюри. И. Ирмшер излишне прямолинейно воспринял упоминание в диалоге о манихействе и довольно пространно рассуждает по этому поводу (ср. [230, с. 365 и сл.]). Между тем источники используют слово «манихей» для Константинополя VI в. прежде всего как ругательство по отношению к монофиситам [37, кол. 1058, 1059, 1061, 1090; 41, с. 149—150, 154, 158, 161].

В основу своих рассуждений об «Актах по поводу Калоподия» положил статью П. Мааса и А. Камерон. Полностью разделяя точку зрения П. Мааса о том, что «Акты» не относятся к восстанию Ника [156, с. 322—329], А. Камерон вместе с тем считает наиболее вероятной датировкой их не конец правления Юстиниана, а его начало. Лучшим комментарием к диалогу, по мнению А. Камерона, является глава VII «Тайной истории» Прокопия Кесарийского, повествующая о бесчинствах стасиотов из венетов [156, с. 327]. Автор вполне допускает возможность того, что разговор между императором Юстинианом и прасинами происходил в тот же год индикта, начавшийся 1 сентября 531 г., что и восстание Ника, но относить его к самому этому народному движению, по его мнению, нет достаточных оснований [156, с. 327].

Вслед за Дж. Бьюри [149, с. 102] А. Камерон полагает, что Феофан, описавший восстание на основе рассказа Иоанна Малалы, решил, что «Акты» являются дословной передачей приведенной Иоанном Малалой сцены, происходившей на ипподроме 13 января 532 г. [156, с. 326]. Но, во-первых, как мы уже отмечали, хотя изложение восстания Ника у Феофана близко к соответствующему рассказу из «Хронографии» Иоанна Малалы, оно все же отличается от него в ряде существенных деталей, что заставляет предположить либо до-

В связи с этим возникает следующее предположение: не была ли мать императора Анастасия I, которую Феофор Чтец и Феофан называют манихейкой и таковой считают исследователи, монофиситкой? Во всех остальных случаях у Феофана термины «манихей» и «монофисит» для данного периода совпадают. Между тем это наблюдение интересно в том отношении, что может объяснить причину религиозных пристрастий Анастасия, которому приходилось осуществлять свою монофиситскую политику в постоянной и упорной борьбе с населением Константинополя.

полнительное к «Хронографии» Иоанна Малалы использование материалов, либо наличие хотя и родственного ей, но иного источника, из которого почерпнул свои сведения Феофан. Таким источником могло быть сочинение Иоанна Антиохийского, из которого Феофилакт Симокатта и Феофан обычно заимствовали аккламации, приведенные ими в своих сочинениях [256, с. 26]. Во-вторых, диалог между Юстинианом и прасинами и сцена на ипподроме 13 января 532 г., в ходе которой произошло объединение венетов и прасинов (см. ниже), по своей сути резко отличаются друг от друга, не говоря уже о том, что Феофан должен был бы, следуя логическим рассуждениям Дж. Бьюри и А. Камерона, поместить диалог не после краткой версии восстания, а вклинить его в текст, который близок к изложению Иоанна Малалы.

Таким образом, на наш взгляд, нет достаточных оснований не относить диалог к тем событиям, в связи с которыми о нем упоминают источники. Феофан поместил его при описании восстания Ника, а не какого-либо иного движения, например 531 г., как полагает А. Камерон [156, с. 327], или событий 561 г., которые П. Маас считает наиболее роковыми для прасинов [256, с. 50; 142, с. 108, примеч. 4]. В той же связи использует диалог и более ранний источник — «Пасхальная хроника» [16, с. 620], автор которой, очевидно, позаимствовал его, как и Феофан, из сохранившегося лишь в «Эксерптах» Константина Багрянородного сочинения Иоанна Антиохийского.¹

¹ П. Маас считал текст «Акт» в «Пасхальной хронике» интерполяцией из сочинения Феофана [256, с. 46—48]. Той же точки зрения придерживается и А. Камерон [156, с. 324—325]. Дело в том, что в единственной сохранившейся рукописи «Пасхальной хроники» (Cod. Vat. gr. 1941) первоначально был про-

Здесь уместным будет вспомнить и свидетельство «Пасхальной хроники» о том, что Юстиниан, подавив мятеж, наказал кого-то из партии венетов, согласившихся с прасинами [16, с. 629]. Это свидетельство вполне позволяет считать, что восстание началось с какого-то выступления прасинов, и поэтому вполне допускает возможность подобного диалога накануне восстания Ника.

Ход восстания

Диалог Юстиниана с прасинами достаточно отчетливо рисует необычайную напряженность обстановки в столице накануне восстания. Император не только не пытался как-то смягчить остроту ситуации, но, напротив, своими действиями еще более способствовал возбуждению народных масс. Прасины, жалобы которых он отказался выслушать, обвиняют его в несправедливости и наконец восклицают: «Лучше бы не родился Савватий, он не породил бы сына-убийцу».

После бурной сцены на ипподроме в городе произошли сопровождавшиеся кровопролитием стычки

пущен почти лист: fol. 241^v обрывался на середине описанием событий 529—530 гг. Затем текст возобновлялся на fol. 243^r описанием событий второго дня восстания Ника. Пропущенное пространство было заполнено следующим образом: тот же писец, но более темными чернилами передал на верхней половине fol. 242^v краткую версию «Актон по поводу Калоподия». Оставшаяся часть листа заполнена другой рукой. Не имея никакого отношения к событиям 532 г., она заимствована из «Хронографии» Феофана [41, с. 412, 6—21]. На этом основании П. Маас и А. Камерон считают, что и сокращенная версия диалога взята отсюда же (ср. [241, с. 86]). Относительно спорности этой точки зрения см. [301, с. 450, примеч. 1].

между венетами и прасинами. Далее события развивались следующим образом. Префект города Евдемон, взяв под стражу нарушителей порядка из обеих партий и допросив различных лиц, узнал имена семи человек, виновных, как говорили, в убийствах. Четырех из них он присудил к отсечению головы, а троих — к повешению. После того как осужденных провезли на страх прочим по всему городу, их переправили на место казни — на другую сторону Золотого Рога. Но при исполнении казни сломалась виселица, и двое из осужденных — один венет, другой прасин, — упав на землю, остались живы [26, с. 473]. Их начали вешать во второй раз, и вновь они упали наземь. Собравшийся вокруг народ, видя в этом волю провидения, стал кричать: «В церковь их!» [41, с. 183]. На шум вышли монахи близлежащего монастыря св. Конона. Они отвели двух чудом избежавших казни людей к морю и перевезли их в более безопасное место — церковь св. Лаврентия, расположенную у Золотого Рога, в квартале Пульхерианы. Префект города, узнав об этом, послал солдат окружить храм и сторожить получивших там убежище [26, с. 474].

Через три дня [26, с. 474], 13 января,¹ начались иды, и по этому поводу вновь были устроены ристания на ипподроме. Но теперь не только прасины, но и

¹ По мнению Дж. Бьюри, предшествующая идам казнь происходила 11 января [149, с. 117]. Но 11 января было воскресенье (легко устанавливается из указания Иоанна Малалы на то, что следующее воскресенье было 18 января [26, с. 475]), а в этот день устраивать казнь было запрещено законом [17, III, 12, 6, 9]. По всей вероятности, сам хронист понимал фразу *μετὰ τρεῖς ἡμέρας* не так, как это сделали бы в античные времена, т. е. включая 11, 12 и 13 января, а как определенный интервал в полных три дня, и тогда казнь следует отнести к 10 января.

венеты не были настроены смотреть зрелище. На протяжении 22 заездов (всего их бывало обыкновенно 24, каждый по семь кругов) они выкрикивали просьбу помиловать двух «спасенных Богом» [26, с. 474], однако император упорно не удостоивал их ответом. Тогда разгневанные димоты провозгласили свой союз, восклицая: «Многая лета человеколюбивым прасинам и венетам» [26, с. 474]. Можно себе представить, насколько силен был накал страстей, насколько велик гнев народных масс, если димы начали скандировать аккламации, прославлявшие их единение, в тот момент, когда осталось всего два, по всей видимости, решающих заезда. Вопрос о том, наездник какой фракции выйдет победителем, никого уже не волновал.

Объединившись, народ единодушно покидает ипподром. Восставшие взяли себе клич-пароль «Ника» («Побеждай!») [26, с. 474; 35, т. I, А, I, 24, 10],¹ от которого это народное движение и получило свое название. По словам Иоанна Малалы, это было сделано для того, чтобы «солдаты или экскувиты не примешались к восставшим».² Толпы бушевала, однако ни-

¹ Возгласом *vika* (так же как *vikā* и *σὺ vikaṣ*) зрители обычно приветствовали победившего наездника [158, с. 76—79]. Возможно также, что больельщики подбадривали им наездников и в ходе игр. Из изложения Прокопия ясно, что возглас *vika* являлся во время восстания не столько паролем в обычном смысле этого слова, сколько кличем, которым восставшие воодушевляли друг друга.

² Наиболее характерным возгласом для солдат было приветствие в адрес императора: *(ille) Auguste, tu vincas*. Все прочие аккламации подобного рода войско также произносило на латинском языке. Между тем население Константинополя пользовалось лишь двумя латинскими аккламациями: *tu vincas* и *felicissime*. Вполне вероятно, что выбор восставшими в качестве клича-пароля греческого слова *vika* означал одновременно и манифестацию против войска [301, с. 451]. Правда, А. Камерон полагает, что

каких конкретных планов в то время у восставших еще не было, что явно свидетельствует о стихийности этого народного движения.

Казалось бы, восставших в первую очередь должна была волновать участь приговоренных к смерти, но лишь вечером толпа отправилась к преторию префекта города, чтобы узнать о судьбе двух нашедших убежище в храме св. Лаврентия. Это ясно показывает, что казнь и все связанное с ней стали лишь поводом к восстанию.

Явившись в преторий префекта города, народ, по свидетельству Феофана, потребовал у префекта убрать солдат от церкви св. Лаврентия [41, с. 184]. Ответа не последовало, и восставшие подожгли резиденцию префекта города [26, с. 474; 41, с. 184]. Живо описана сцена у претория Прокопием Кесарийским. «Тогда, — пишет он, — городские власти Византии кого-то из мятежников приговорили к смерти. Объединившись и договорившись друг с другом, члены обеих партий захватили тех, кого вели [на казнь], и тут же, ворвавшись в тюрьму, освободили всех заключенных там за мятеж или иное преступление. Лица же, находившиеся на службе у городских властей, были убиты...» [35, т. I, А, I, 24, 7—8].¹ От претория префекта

слово *vika* не могло служить проявлением враждебности по отношению к латиноязычному войску, поскольку и в римском цирке зрители использовали иногда греческие аккламации [158, с. 79—80]. Но одно дело — цирк, другое дело — армия, в среде которой действительно были приняты латинские аккламации. Не зря же Иоанн Малала утверждает, что восставшие взяли слово *vika* в качестве пароля (*διὰ τὸ μὴ ἀνασφύρειν αὐτοῖς στρατιώτας*) [26, с. 474].

¹ Это событие Прокопий, как и Иоанн Малала, относит к 13 января. Дату легко установить исходя из того, что, рассказывая о событиях 17 января, Прокопий называет этот день пятым

города восставшие направились к Халке,¹ где также имелась тюрьма [28, с. 153; 227, с. 169; 26, с. 474; 35, т. I, А, I, 24, 9], и подожгли ее. Огонь охватил большую часть города. В тот день от пожара погибли

днем мятежа. Отсюда ясно, что первым его днем он считает 13 января. Но в отличие от Иоанна Малалы Прокопий соединяет вместе казнь и разгром тюрьмы, относя их к одному и тому же дню. Возможно, это объясняется тем, что он писал о восстании на основе личных воспоминаний и в его сознании события несколько сместились, сблизившись во времени. Но, скорее всего, здесь сказалось стремление историка не столько скрупулезно передать хронологию событий и мельчайшие подробности восстания, сколько нарисовать общую впечатляющую картину этого грандиозного мятежа. Примечательно, что Прокопий говорит не о претории, а о тюрьме. При претории, безусловно, было тюрьма [227, с. 166], но она, разумеется, являлась далеко не единственной тюрьмой в городе. В Константинополе VI в. тюрьмы были в квартале Стратигий, в Халке [28, с. 153; 227, с. 169] и, возможно, в других местах. (Для более позднего времени источники называют несколько тюрем [227, с. 169—173]). Но, по-видимому, тюрьма претория являлась, так сказать, главной; в одном источнике (правда, более позднего времени) слово «преторий» означало тюрьму [227, с. 165]. Кроме того, Прокопий отделяет нападение на тюрьму от пожара в Халке, а тюрьма Стратигия в событиях января 532 г. вообще нигде не упоминается. Так что скорее всего в данном случае он имеет в виду именно тюрьму претория префекта города. Прокопий обычно избегает употребления слов латинского происхождения, даже если речь идет об официальной терминологии (об этом свойстве склонных к аттицизму византийских авторов см. [218, с. 31]). Так, Иоанна Каппадокийского историк называет не *ἐπαρχος τῶν πραιτωρίων*, а *αὐλῆς ἐπαρχος* [35, т. I, А, I, 24, 11], некоего Евфрата — не препозитом, а *τις ἄρχων γεγωνὸς τῶν ἐν Παλατίῳ εὐνοούχων* [35, т. III, XXIX, 13]. И при описании данного эпизода Прокопий, очевидно, предпочел ограничиться греческим *δεσμοτήριον* (предполагая, что всем ясно, о какой тюрьме идет речь), опустив латинское *praetorium*.

¹ Халка — постройка, служившая входом в Большой дворец, крыша которой была покрыта позолоченными медными листами (*ἐκ χαλκῶν κεράμων κεχρυσωμένων*), отсюда и ее название.

храм св. Софии, портик Августеона, а также находившиеся на этом форуме здание сената и бани Зевксиппа [26, с. 474; 35, т. I, А, I, 24, 9; 41, с. 184]. Наряду с государственными постройками восставшие, по свидетельству Феофана, громили и частные дома: «... и, входя в дома, они разрушали их до основания», — пишет он [41, с. 184]. Прокопий же уточняет, какие именно дома пострадали от гнева мятежников, указывая, что в тот день «погибли многие дома богатых людей и большие богатства» [35, т. I, А, I, 24, 9]. Благонамеренные граждане, непричастные к беспорядкам, как их называет историк, в страхе бежали на азиатский берег Босфора [35, т. I, А, I, 24, 8].

Итак, восстание в первый же день приняло характер широкого социального движения. Начав с оскорбления императора, что выразилось в массовом уходе со зрелища, толпа отправилась затем в резиденцию префекта города — первого члена сената и второго после императора человека в городе, сожгла ее вместе с располагавшейся в ней тюрьмой, выпустив политических заключенных. Кроме того, в тот же день были разрушены важнейшие государственные здания, окаймлявшие центральную площадь столицы, а также дома многих константинопольских богачей.

На следующий день, 14 января, Юстиниан распорядился вновь провести игры на ипподроме [26, с. 474]. Если учесть, что накануне вследствие волнений в столице произошли грандиозные пожары и разрушения, подобное повеление императора выглядит несколько странным. Трудно предположить, что Юстиниан не придавал значения происшедшим событиям. Скорее всего, уstraшенный невиданным размахом движения, он решил отвлечь восставшую толпу зрелищами. Однако, вместо того чтобы присутствовать на играх, димоты в

момент, когда был вывешен стяг, возвещающий о начале состязаний, подожгли часть ипподрома (ἀναβάδρα τοῦ ἱππικοῦ), от огня пострадал также портик, протянувшийся от ипподрома до Зевкsipпа¹ [26, с. 474]. Итак, на этот раз, озлобленные, по всей видимости, нежеланием императора вникнуть в их трудности и его кровавым стремлением отвлечь народ зрелищем на

¹ Зевксиппом обычно называли бани, построенные императором Севером. Этимологию этого названия византийские авторы объясняют по-разному. По сведениям Гисихия Милетского, название бань Зевксиппа возникло по той причине, что они были расположены возле храма τοῦ Διὸς ἱππικοῦ (по всей видимости, речь идет о храме с конной статуей Зевса). Иоанн Малала несколько иначе объясняет происхождение названия. Некогда на агоре древнего Византия, пишет он, находилась статуя, посвященная Солнцу, на постаменте которой было написано Ζευξίππῳ θεῷ. Так, поясняет Иоанн Малала, называли Солнце фракийцы. Построенные Севером на агоре бани (сам памятник Север снес и заменил его статуей Аполлона, которую он возвел на акрополе [227, с. 16]) поэтому и стали называться Зевксипп [26, с. 291—292; 16, с. 529; 227, с. 222—224]. Иоанн Малала сохранил еще одно интересное свидетельство. Хотя, говорит он, Север, построив бани, приказал называть их банями Севера, жители города называли их Зевксиппом (не бани Зевксиппа, а просто Зевксипп). Это место «Хронографии» Иоанна Малалы поясняет высказывания других авторов, в которых после слова «бани» стоит не родительный падеж, а именительный — Зевксипп (τὸ βαλανεῖον ὃ Ζευξίππος, но λουτρὸν τοῦ Σευήρου τὸ λεγόμενον Ζευξίππος) [35, т. I, А, I, 24, 9; 24, с. 646—647; ср. 28 с. 155]. Иоанн Лид, желавший, по-видимому, блеснуть знанием старины, относит название «Зевксипп» лишь к агоре древнего Византия, отмечая при этом, что она получила его от царя Зевксиппа, при котором будто бы мегарейцы переселились в Византий. Сами бани Иоанн Лид старательно именует так, как хотел этого их строитель — страдавший подагрой император Север [25, III, 70]. Бани являлись своего рода музеем редких произведений искусства. Здесь среди других многочисленных статуй находилась скульптура, изображавшая Гомера, настолько удачная, что тот казался византийцам живым [24, с. 646—647].

ипподроме, димоты вовсе отказались смотреть игры. Они собрались на Августеоне, бушуя возле Большого дворца. Император послал сенаторов Мунда, Константиола и Василида узнать, из-за чего волнуется народ. В ответ на их вопрос из толпы раздались возгласы, направленные против префекта претория Востока Иоанна Каппадокийского, квестора Трибониана и префекта города Евдемона [26, с. 475; 16, с. 621].¹ Уже до этого, по свидетельству Прокопия, мятежники выкрикивали на улицах оскорбления в адрес Иоанна и Трибониана и требовали их смерти [35, т. I. А, I, 24, 17].

Восстание, как мы видим, приобретает более целенаправленный характер. Гнев мятежного народа обрушивается теперь на конкретных представителей государственного аппарата, олицетворявших собой социальное угнетение. Всерьез обеспокоенный размахом движения, император поспешил сместить неугодных чиновников. На место Иоанна Каппадокийского был назначен патрикий Фока, сын Кратера, на место Трибониана — патрикий Василид, а на место Евдемона — сенатор Трифон [16, с. 621; 26, с. 475]. Однако это отнюдь не утихомирило восставших; народ продолжал бушевать у дворца. Тогда по приказу Юстиниана из резиденции императора вышел Велисарий с отрядом готов, которые, по свидетельству «Пасхальной хроники», бросились на толпу и многих изрубили [16, с. 621] (ср. [26, с. 475]).² Но желаемого властями

¹ Дж. Бьюри полагает, что сцена происходила на ипподроме [148, т. II, с. 41]. Но в «Пасхальной хронике» сказано: «...остановив толпу, бушующую у дворца» [16, с. 621].

² Возможно, здесь же имел место эпизод с отрядом герулов, описанный Иоанном Зонарой [301, с. 452; 54, с. 291]. Не призывая событие к какому-то определенному дню, Иоанн Зонара дал весьма впечатляющее его описание. Согласно ему, между во-

успокоения это не принесло: разъяренные димоты ответили на эту расправу новыми поджогами и убийствами [26, с. 475; 16, с. 621—622].

15 января восстание разгорелось с новой силой. Повстанцы устремились к дому племянника Анастасия, патрикия Прова, близ гавани Юлиана. По свидетельству Феофана, народ надеялся получить там оружие и собирался избрать нового императора [41, с. 184]. Мятежники, как рассказывает «Пасхальная хроника», кричали: «Прова — василевсом ромеев!» [16, с. 622].

Как видим, события стали принимать новый оборот. Народ выступил уже не только против первых сановников Юстиниана, но и против самого императора, добиваясь его свержения. Однако в доме Прова восставших постигла неудача: они не нашли там ни оружия, ни самого хозяина, которого прочили в императоры. По всей видимости, Пров, хотя и подававший, возможно, какие-то надежды восставшим, не решился стать во главе бунтующей толпы и в страхе

инами-герулами и повстанцами завязалось жестокое сражение в районе Милия. Обе стороны понесли большие потери. В разгаре боя духовенство, «спеша прекратить мятеж и войну», вмешалось в толпу сражавшихся с поднятыми над головой священными книгами и иконами. Но варвары, «не обратив внимания на святыню», продолжали рубить димотов, не пощадив «ни святыни, ни тех, кто нес их». Расправа с духовенством вызвала столь сильное возмущение горожан, что они, «как бы защищая самого Бога», стали биться с невиданным ожесточением. В сражении приняли участие даже женщины, бросавшие с крыш домов и верхних этажей зданий камни, черепицу и все, что попадалось под руку, в «эту варварскую толпу». Герулы, придя в бешенство от такого упорного сопротивления горожан, стали поджигать их дома, и многие прекрасные постройки погибли в пламени [28, с. 153—154].

покинул свой особняк. «И бросил [народ] огонь в дом Прова, и обрушился дом» — такими словами заканчивает описание этого события хронист Феофан [41, с. 184].

Таким образом, восстание, которое, казалось бы, уже приобрело определенную социальную и политическую направленность, вновь приняло характер стихийного народного движения; в действиях повстанцев не чувствовалось никакой системы или плана, конечные цели движения не были ясны самим его участникам.

В пятницу 16 января мятежники, пишет автор «Пасхальной хроники», подожгли преторий эпархов,¹ и в «тот же день сгорели бани Александра, странноприимный дом Евбула, церковь св. Ирины, странноприимный дом Сампсона» [16, с. 622].²

Волнения продолжались и на следующий день, 17 января, причем в начавшейся уличной потасовке одни димоты избивали других, считая их паракенота-

¹ Наличие двух преториев в Константинополе (как мы знаем, преторий префекта города был сожжен в первый день восстания) предполагают Р. Жанен и Р. Гийан, но оба исследователя по-разному локализуют второй преторий. Р. Жанен склонен относить его местонахождение к северо-востоку от св. Софии [227, с. 165—166], в то время как Р. Гийан полагает, что он находился неподалеку от первого — на Месе и появился там лишь в правление Фоки, когда единый до того времени преторий был разделен на два здания — дворец префекта города и тюрьму [203, т. II, с. 36—39]. Согласно гипотезе Дж. Бьюри, 16 января восставшие вновь пришли к преторию префекта города и подожгли его во второй раз [149, с. 116]. Это предположение кажется маловероятным, поскольку, по свидетельству Иоанна Малалы, преторий префекта города сгорел 13 января [26, с. 474]. Возможно, что под преторием эпархов имелась в виду канцелярия префекта претория Востока.

² Здания, о которых идет речь в этом отрывке хроники, были расположены к северу от храма св. Софии.

ми.¹ Не щадили даже женщин; в результате оказалось много погибших. Беснующаяся толпа тащила трупы убитых и бросала их в море [16, с. 622]. Борьба между димотами, возможно, была проявлением социального антагонизма внутри димов, однако загадочное повествование «Пасхальной хроники», единственного источника, сохранившего этот эпизод, не дает возможности хоть сколько-нибудь отчетливо представить себе характер уличных боев.

Одолеть восставших силами находившихся в столице войск (здесь имелось всего 3 тыс. солдат) правительство уже не могло [41, с. 184; 301, с. 452 и примеч. 1]. Поэтому Юстиниан вызвал в Константинополь подкрепления из Евдома и близлежащих городов — Регия, Атиры и Калаврии. Теснимая солда-

¹ В тексте сказано так «...устроили столкновение с народом солдаты... когда как попало убивали димы людей, тащили их и бросали в море как паракенотов (ὡς παρακηνώτας). Убивали равно и женщин, и много пало димотов. Когда чернь увидела, что ее бьют самое, она бросилась в Октагон» (ο нем см. ниже, с. 207, прим. 1). Неясно, что подразумевается под словом παρακηνώτας. Е. А. Софоклис, ссылаясь на этот единственный случай из «Пасхальной хроники», переводит его как «отбросы» (offal) [298, с. 844]. Но подобное толкование едва ли представляется возможным, поскольку в еще одном источнике это слово явно не имеет такого значения. Мы имеем в виду один из excerptов «Хронографии» Иоанна Малалы, сделанных Константином Багрянородным, где рассказывается, как во время волнения 520 г. димоты, объединившись, хватали паракенотов и бросали их в море [22, с. 171]. А. А. Васильев считает паракенотов в данном случае просто зрителями [314, с. 111]. Вполне допустимое толкование этого слова предложил А. П. Дьяконов. Отметив, что в сирийском тексте «Церковной истории» Иоанна Эфесского слово «паракенот» имеет значение «доносчик—опустошитель», он предполагает, что паракеноты — это то же, что и сикофанты, упоминаемые в связи с налоговым бременем (от κενόω — «опустошать») [51, с. 162, примеч. 3].

тами толпа укрылась в Октагоне.¹ Солдаты попытались проникнуть внутрь, но не смогли этого сделать и в ярости подожгли эту прекрасную постройку [16, с. 623]. От разгоревшегося пожара пострадала церковь св. Феодора в квартале Сфоракии [16, с. 623],² сгорели также портик аргиропратов, дом ординарного консула Симмаха и церковь Акилины.³ На этот раз пожар охватил центральную улицу города Месу и прилегавшие к ней и к форуму Константина кварталы. Отступая, мятежники подожгли Ливирнон⁴ — последние остатки сгоревшего Августеона.

Впечатляющую картину выгоревшего Константинополя рисует Иоанн Лид: «Город представлял собой груды чернеющих развалин, как на Липари или у Везувия; он был наполнен дымом и золою; распространившийся всюду запах гари делал его необитаемым, и весь вид его внушал зрителю ужас, смешанный с жалостью» [25, III, 70].

Вечером Юстиниан, опасаясь, по-видимому, измены со стороны аристократии, приказал ряду сенаторов, в том числе двум племянникам императора Анастасия — Ипатию и Помпею, покинуть дворец, сказав

¹ Октагон — здание в форме восьмиугольника, одна из красивейших построек Константинополя, в которой размещалась высшая школа [227, с. 160—161].

² Церковь св. Феодора находилась недалеко от расположенного на Месе храма Сорока мучеников.

³ Дом Симмаха находился в одноименном квартале, расположенном к югу или юго-западу от форума Константина [227, с. 433], а церковь Акилины — недалеко от церкви Богородицы и часовни св. Константина, стоявшей у порфирной колонны на форуме Константина [227, с. 64].

⁴ Постройка, располагавшаяся за сенатом Августеона; неизвестно, что она собой представляла — здание или монумент [227, с. 382].

им: «Идите, и пусть каждый сторожит свой дом!» [35, т. I, А, I, 24, 19—20; 16, с. 624].¹ Страшась того, что народ «принудит их к царствованию», Ипатий и Помпей просили императора разрешения остаться, мотивируя это тем, что они совершат неправильный поступок, если покинут василевса в момент надвигающейся опасности. Это еще более усилило подозрения Юстиниана, и он повелел братьям немедленно удалиться. Ипатий и Помпей ушли домой, и, «поскольку была ночь, — пишет Прокопий, — они пребывали в бездействии» [35, т. I, А, I, 24, 20].

В воскресенье 18 января император, не видя никакой другой возможности привести к спокойствию восставшее население столицы, появился на ипподроме, держа в руках Евангелие. Эта новость быстро разнеслась по городу, и, по словам автора «Пасхальной хроники», сюда «пришел весь народ, и наполнился ипподром чернью» [16, с. 623]. Юстиниан обратился к восставшим со словами: «Клянусь святым могуществом, я признаю перед вами свою ошибку и не прикажу никого наказать, только успокойтесь. Все произошло не по вашей, а по моей вине. Мои грехи не допустили, чтобы я сделал для вас то, о чем вы

¹ Согласно «Пасхальной хронике», сенаторам пришлось покинуть дворец утром 18 января [16, с. 624]. В данном случае мы склонны больше верить Прокопию, который как близкий к Велисарии человек был лучше информирован о событиях во дворце, чем хронисты. По мнению Ю. Кулаковского, император удалил Ипатия и Помпея 17-го вечером, а сенаторов — 18-го утром [55, т. II, с. 79—80]. Это представляется маловероятным, поскольку в «Пасхальной хронике» события не отделены друг от друга. «Когда сенаторы ушли, — пишет хронист, — народ устроил [торжественную] встречу патрикию Ипатию и патрикию Помпею» [16, с. 624].

просили меня на ипподроме» [16, с. 623; 26, с. 475]. Двадцать лет до этого подобный поступок Анастасия (свидетелем которого, возможно, был и Юстиниан) сохранил ему императорскую корону [26, с. 407—408].¹ И на этот раз многие из димотов склонны были уступить и стали приветствовать императора привычным возгласом: «*tu vincas!*». Однако большинство скандировало: «Ты даешь ложную клятву, осел!» [16, с. 623—624]. По словам Иоанна Малалы, димоты требовали избрания другого императора, выкрикивая имя Ипатия [26, с. 475] (весь об удалении его и других сенаторов из Большого дворца уже облетела Константинополь). Юстиниан, ничего не добившись, был вынужден покинуть императорскую кафисму [26, с. 475; 16, с. 624], а народ поспешил к дому Ипатия. Несмотря на протесты и слезы его жены Марии, восставшие отвели Ипатия, одетого в белые одежды, на форум Константина. Здесь он был возведен на ступеньки колонны Константина и провозглашен императором. За неимением императорской диадемы, мятежники взяли из дворца Плакиллианы золотую цепь, которую и возложили ему на голову [35, т. I, А, I, 24, 25; 16, с. 624].²

Итак, восстание вновь приобретает характер выступления, направленного против императорской власти, чему немало способствовал сам Юстиниан, предоставивший восставшим так не хватавших им вож-

¹ Несмотря на свои клятвы и обещания, Анастасий по окончании мятежа сурово расправился с восставшими. По всей видимости, коварство императора еще не было в то время забыто.

² Дворец Плакиллианы получил свое название по имени построившей его первой жены Феодосия Великого Элии Флациллы (Плакиллы). Находился в 11-м регионе столицы [227, с. 413].

дей [54, с. 292]. Центром событий становится форум Константина, где мятежники вместе с явившимися сюда сенаторами, удаленными из дворца, стали обсуждать, что делать дальше. Многие горели желанием идти на штурм императорского дворца, но сенатор Ориген в пространной речи советовал воздержаться от излишней поспешности. Он указал, что в Константинополе есть и другие дворцы (Плакиллианы и Елены)¹ [35, т. I, А, I, 24, 26—30], достойные называться императорскими; сделав их своей резиденцией, Ипатий мог бы, собрав силы, успешно вести борьбу с Юстинианом, который рано или поздно попал бы в его руки. «Власть презираемая, — сказал Ориген, — теряя ежедневно свои силы, обыкновенно рушится» [35, т. I, А, I, 24, 26—30]. Народ же, не послушав его, отправился во главе с Ипатием на ипподром [35, т. I, А, I, 24, 31], куда явился также готовый на штурм дворца отряд вооруженных стасиотов-прасинов из 200 [41, с. 185] — 250 [16, с. 624] человек. На стороне восставших оказались и некоторые схоларии и экскувиты [16, с. 626]; другие же, хотя и не примкнули к восстанию, отказались защищать императора [35, т. I, А, I, 24, 39].

Таким образом, положение Юстиниана резко пошатнулось. На его стороне остались лишь наемные дружины Велисария и Мунда [35, т. I, А, I, 24, 40—41]. Время пребывания его у власти, казалось, было сочтено.

В этот критический момент, одновременно с событиями на форуме Константина, в Большом дворце

¹ Дворец Елены назывался по имени матери императора Константина Елены. Находился к западу от форума Аркадия [227, с. 355].

происходило совещание сторонников императора. Юстиниан, уже подумывавший о бегстве, вместе со своими ближайшими соратниками решал, оставаться ему в городе или бежать [35, т. I, А, I, 24, 32]. Тогда к отчаявшемуся императору и его придворным с решительным словом обратилась императрица Феодора. «Сейчас, я думаю, — сказала она, — не время рассуждать, пристойно ли женщине проявить смелость перед мужчинами и выступить перед оробевшими с юношеской отвагой. Тем, у кого дела находятся в величайшей опасности, ничего не остается другого, как только устроить их лучшим образом. По-моему, бегство, даже если когда-либо и приносило спасение и, возможно, принесет его сейчас, недостойно. Тот, кто появился на свет, не может не умереть, но тому, кто однажды царствовал, быть беглецом невыносимо. Да не лишиться мне этой порфиры, да не дожить до того дня, когда встречные не назовут меня госпожой! Если ты желаешь спасти себя бегством, государь, это нетрудно. У нас много денег, и море рядом, и суда есть. Но смотри, чтобы спасшемуся тебе не пришлось предпочесть смерть спасению. Мне же нравится древнее изречение, что царская власть — лучший саван» [35, т. I, А, I, 24, 33—38].¹

¹ Речь Феодоры, по всей видимости, была историческим фактом. Решительная и смелая, она к тому же как бывшая актриса неплохо владела даром импровизации. И все же Прокопий, сохранивший смысл ее речи, придал ей больший литературный блеск. При этом образцом для него послужила приведенная Геродотом [8, 68] речь Артемисии на совете персов перед Саламинской битвой, хотя смысл той и другой речи прямо противоположен друг другу.

Более интересно здесь, однако, другое. Прокопий вложил в уста Феодоры афоризм «Царская власть — лучший саван», который не только эффектно завершал речь императрицы, но и

После этих смелых слов колебания Юстиниана и его придворных прекратились, и во дворце стали готовиться к выступлению. Император вместе с приближенными отправился в триклиний, находившийся по другую сторону императорской кафисмы ипподрома, в которой в этот момент восседал наслаждавшийся аккламациями повстанцев в его честь ничтожный Ипатий. Евнух Нарсес, скрытно выйдя из дворца, раздал немало денег сторонникам партии венетов [26, с. 476].¹ В результате среди единой до этого времени массы мятежников снова начались раздоры, толпа на ипподроме раскололась надвое. В этот момент дружины Велисария и Мунда, а также солдаты, которых

служил другой, очень важной для Прокопия цели — напомнить образованному читателю о сиракузском тиране Дионисии Старшем. В 403 г. до н. э. Дионисий находился в сходной с Юстинианом ситуации, будучи осажден восставшими в крепости Ортигия. Тогда, по словам Диодора и Элиана, один из друзей Дионисия, призывая его к решительным действиям, сказал ему: «Тирания — лучший саван» [187, с. 381]. Афоризм получил широкую известность, и античные авторы нередко использовали его в своих сочинениях. Известен он был, по всей видимости, и образованным византийцам VI в., хорошо знавшим и о самом Дионисии.

Употребив этот афоризм (заменяя, естественно, слово «тирания» выражением «царская власть»), Прокопий сразу придал описанию совершенно иную окраску: из героини Феодора превращалась в жену человека, подобного ненавистному всем тирану Дионисию. Параллель между Дионисием и Юстинианом напрашивалась сама собой. Это был один из ловких приемов критики правления Юстиниана, примеры которой содержатся и в других местах «Истории войн» Прокопия [187, с. 380—382]. Он тем более интересен, что Прокопий использовал его в тот момент, когда, казалось бы, он прославлял супругу Юстиниана как одну из самых замечательных женщин человеческой истории.

¹ По мнению А. Данлапа, именно Нарсес сыграл решающую роль в подавлении мятежа [138, с. 286].

удалось вновь привлечь на сторону Юстиниана, с разных сторон ворвавшись на ипподром, стали без разбора рубить скопившихся там людей [26, с. 476; 16, с. 626], «уже восставших друг против друга... Толпа падала, как скошенная трава» [28, с. 155].¹ Племянники императора Вораид и Юст, войдя в императорскую кафисму, схватили Ипатия и Помпея и привели их к Юстиниану. Не внемля их оправданиям, император тотчас же приказал арестовать их, а на следующий день оба они были казнены [26, с. 476; 16, с. 627]. В результате страшной резни на ипподроме погибло около 35 тыс. человек [26, с. 476; 16, с. 627; 41, с. 185].² Если не принимать в расчет женщин, детей и стариков, ибо на ипподроме собрались главным образом молодые и зрелые мужчины, а также учесть, что общее число населения Константинополя составляло не более 375 тыс. человек [225], количество убитых мужчин представляется просто огромным. Вполне понятно, что кровавая резня на ипподроме, выполнявшем, как уже упоминалось, функцию политического форума столицы, оставила страшный след в памяти константинопольцев.

Так потерпело поражение крупнейшее восстание в Константинополе VI в., ход которого приводит нас к следующим выводам. Восстание, начавшееся как стихийное народное движение, не развивается далее по прямой восходящей линии. Обнаружив со своего первого дня ярко выраженный характер широкого социального движения, оно, разрастаясь, чем дальше,

¹ Подробнее об этом см. [203, т. I, с. 509—516; 11, с. 239—241].

² Прокопий приводит цифру 30 тыс. [35, т. I, А, I, 24, 54], а Иоанн Лид — 50 тыс. [25, III, 70].

тем больше приобретает характер движения антиправительственного и даже антиимператорского. После неудачной попытки провозгласить императором патрикия Прова восстание определенно теряет четкую социальную и политическую направленность, вновь приобретая стихийный характер и переходя в хаотическую борьбу внутри димов. С изгнанием из Большого дворца Ипатия и Помпея оно вновь обретает достаточно четкую политическую цель.

Для того чтобы разобраться в причинах таких изменений характера движения, обратимся к анализу сил, принявших участие в восстании Ника.

Глава VII

НАРОД И СЕНАТОРСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В ВОССТАНИИ НИКА

Сенаторы

Вопрос о позиции, которую заняла аристократия Константинополя по отношению к восстанию Ника, о роли и месте сенаторов в этом народном движении представляет одновременно и большой интерес, и большую сложность. Анализ этой проблемы позволил бы глубже проникнуть в сущность взаимоотношений сенаторской аристократии и императорской власти в первые годы правления Юстиниана. Трудность, однако, заключается в том, что сообщения источников об участии сенаторов в восстании отличаются необычайной краткостью. Поэтому, для того чтобы определить с возможной полнотой их роль в этом движении и причины, побудившие их пойти на союз с враждеб-

ными им народными массами, следует обратиться не только к тем разделам источников, которые непосредственно касаются восстания, но и к тем, где речь идет о правлении Анастасия, Юстина и Юстиниана в целом.

Об участии сенаторов в восстании свидетельствуют данные многих памятников. Прокопий, автор «Пасхальной хроники», Феофан, Зонара, Константин Багрянородный — все они отмечают, что ряд сенаторов оказались на стороне Ипатия и восставшего народа [35, т. I, А, I, 24, 25 и сл., 57; 16, с. 628; 41, с. 185—186; 28, с. 156; 22, с. 172]. Более того, по ним можно представить и количество этих аристократов-мятежников. Феофан сообщает, что после подавления восстания было конфисковано имущество у восемнадцати патрикиев, поддержавших Ипатия [41, с. 185—186]. Та же цифра приводится в «Эксерптах» Константина Багрянородного [22, с. 172]. В то же время сведения «Пасхальной хроники» дают возможность предполагать, что в восстании участвовало значительно большее число патрикиев. Дело в том, что, упоминая о мятежных патрикиях, Феофан говорит только о тех восемнадцати из них, у которых было конфисковано имущество. Согласно же «Пасхальной хронике», одни патрикии спрятались в монастырях, другие — в церквях и их дома были опечатаны, в то время как активные участники восстания подверглись конфискации имущества и высылке из города [16, с. 628]. Следовательно, число сенаторов, так или иначе причастных к восстанию, в действительности было гораздо больше восемнадцати. То же самое следует и из рассказа Марцеллина Комита, который пишет о большом количестве знатных лиц, замешанных в этом мятеже [31, с. 103].

Все это подтверждается еще одним свидетельством «Пасхальной хроники», а также рассказом Прокопия. 18 января, пишет хронист, император собрал сенаторов и приказал им идти домой [16, с. 624]. Когда те покинули дворец, на улице их встретил народ и повел вместе с Ипатием на форум Константина [16, с. 624]. Конечно, Юстиниан изгнал не всех сенаторов, но, по-видимому, при нем остались лишь немногие, самые верные, такие, как Велисарий и Иоанн Каппадокийский. По свидетельству Прокопия, 18 января на форуме Константина собрались сенаторы, которые оказались вне дворца, причем он говорит об этом так, словно речь идет обо всех сенаторах [148, т. II, с. 42, 44]. Создается впечатление, что сенаторов, примкнувших к восстанию, было немало.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. «Пасхальная хроника», «Хронография» Феофана, «Эксцерпты» Константина Багрянородного говорят в данном случае не просто о сенаторах, а о патрикияx, которые, как известно, являлись высшим слоем константинопольской аристократии (до 537 г. титул патрикия жаловался лишь консулам, префектам претория Востока, префектам города Константинополя, префектам Иллирика, магистрам милитум и магистрам официй [17, XII, 3, 3]). За весь V в. их едва насчитывалось около сорока. Вполне понятно, что восемнадцать патрикиев представляли собой весьма значительную часть верхушки константинопольской знати.

В целом можно сделать вывод, что в восстании была замешана немалая часть senatorской аристократии и, что особенно примечательно, вместе с восставшими оказалось внушительное число представителей ее высшего слоя.

Каковы причины участия сенаторов в восстании Ника? Прежде всего следует вспомнить о неоднородности состава senatorской аристократии в период правления Юстиниана. В нее входили и отпрыски старых аристократических фамилий (см. выше, с. 143—153), и потомки вельмож, выдвинувшихся в ряды знати в IV—V вв. (см. выше с. 153—158), и, наконец, совсем новые, никому доселе не известные лица. Более того, именно эти выскочки играют важнейшую роль во внутренней и внешней политике Юстиниана, составляя его ближайшее окружение. Иоанн Каппадокийский, Велисарий, Сита, Нарсес, Гермоген и др. — все они были лицами скромного, а подчас и совсем низкого происхождения (см. выше). Вполне естественно, что, заняв ведущие посты в государственном управлении, они оттеснили аристократов, находившихся ранее на этих должностях, которые помимо почета и власти приносили их обладателям немалый доход (см. выше). Кроме того, по свидетельству «Тайной истории», некоторые богатые сенаторы, занимавшие весьма высокое положение, потеряли при Юстиниане значительную часть своих состояний, так как он под разными предлогами присваивал себе их имущество [35, т. III, XII, 1—11].

Эта группа сенаторов, которые вполне могли быть патрикиями, вероятно, и составила ядро senatorской оппозиции, выступившей против Юстиниана. Источники сохранили имена только двух патрикиев, но эти имена лишь подтверждают высказанную точку зрения. Речь идет о консуле 491 г. Оливрии [26, с. 478] и бывшем префекте претория Юлиане, которого сменил Иоанн Каппадокийский [16, с. 624].¹ Этого Юлиана,

¹ Ссылаясь на Кодекс Юстиниана, Э. Штейн указывает, что Юлиан был префектом с 18 марта 530 до 20 февраля 531 г. Иоанн стал префектом до 30 апреля 531 г. [301, с. 784].

как пишет автор «Пасхальной хроники», восставшие повели на ипподром вместе с Ипатием и Помпеем. Однако едва ли можно считать, что только эти аристократы были оппозиционно настроены к правящему императору. Следует вспомнить, что сенат в первые годы правления Юстиниана был лишен возможности проявлять какую-либо политическую активность, а это, бесспорно, расширяло круг недовольных Юсти- нианом сенаторов.

Насколько же серьезным было выступление кон- стантинопольской аристократии в восстании Ника? Ряд исследователей (Ш. Лекривен, Ш. Диль) говорят об этом с большой осторожностью, отмечая лишь, что се- наторы были замешаны в этом движении [247, с. 225; 174, с. 20]. Напротив, Дж. Бьюри приписывал его раз- мах агитации сенаторов. «На заднем плане, — пишет он, — были силы, которые стремились не просто к ад- министративной реформе, а к смене династии» [148, т. II, с. 42]. Этими силами Дж. Бьюри и считает сенатор- скую аристократию [148, т. II, с. 42, 44]. Сходной точ- ки зрения придерживается Э. Штейн, который полага- ет, что высшая аристократия воспользовалась враждеб- ностью народных масс к Иоанну Каппадокийскому и попыталась свергнуть не только префекта, но и са- мого Юстиниана [301, с. 449]. Взгляды Дж. Бьюри и Э. Штейна в значительной степени разделяли М. В. Левченко, Л. Шассен, Г. Дауни, Дж. Баркер [71, с. 61; 161а, с. 59; 178, с. 100; 128, с. 82]. Тем не менее отдельные исследователи (А. П. Дьяконов, С. Винклер) склонны вообще отрицать добровольное участие сен- аторов в восстании [51, с. 211; 331, с. 432].¹ Совсем не упоминает о них В. Шубарт [296, с. 84].

¹ В своей работе С. Винклер критикует взгляды Б. Рубина, полагавшего, что Прокопий принадлежал к той группе, полити-

Остановимся несколько подробнее на этом вопросе. К началу восстания и его подготовке сенаторы, бесспорно, не имели никакого отношения. Оно возникло как стихийное движение народных масс и было направлено не только против императора и его правительства, но и против аристократии. Прокопий и Феофан рассказывают, что восставшие в первый же день сожгли дома многих богатых людей, часть которых в страхе бежала на противоположный берег Босфора [41, с. 184; 35, т. I, А, I, 24, 8—9]. На следующий день, однако, сенаторы уже попытались использовать разгоревшееся с новой силой народное движение. Их влияние чувствуется уже в том, что на место Иоанна Каппадокийского, Трибониана и Евдемона были назначены люди, принадлежавшие к высшим аристократическим кругам. Место Иоанна Каппадокийского занял патрикий Фока, место Трибониана — патрикий Василид, а Евдемона сменил Трифон [35, т. I, А, I, 24, 18; 16, с. 621]. Фока, сын Кратера, принадлежал к высшей служилой знати и был очень богат. В 529 г. его осудили по обвинению в язычестве [25, III, 72—76; 35, т. III, XXI, 6; 26, с. 449; 41, с. 180; 301, с. 456]. Патрикий Василид, по-видимому, был в правлении Юстина префектом претория Востока, в 529 г. он

ческой целью которой было выступление против Юстиниана либо посредством тайной оппозиции, либо по возможности путем открытой революции. С. Винклер верно считает, что экономические интересы аристократии и крупных торговцев были больше связаны с выскочкой императором, чем с народными массами. Тем не менее едва ли следует при этом недооценивать сенаторскую оппозицию, которая могла быть одновременно враждебна и Юстиниану, и народным массам и которая в удачно сложившихся обстоятельствах могла использовать выступление народа в своих собственных интересах.

занимал должность префекта Иллирии, а в 531—532 гг. замещал Гермогена на посту магистра официй [301, с. 433]. И патрикий Фока, и патрикий Василид входили в первую комиссию по изданию «Свода гражданского права». Что касается Трифона, то он был братом бывшего префекта города Феодора [16, с. 621].

Прокопий очень высоко отзывается о Фоке и Василиде, подчеркивая, что Фока был «благоразумным и чрезвычайно заботящимся о праве человеком», а Василид «прославился среди патрикиев своей справедливостью» [35, т. I, А, I, 24, 18].

Высокая характеристика, данная этим лицам Прокопием, симпатизировавшим сенаторской знати, несомненная связь Фоки, Василида и Трифона с верхушкой столичного общества, а также тот факт, что народ не перестал бунтовать у Большого дворца¹ и после их назначения, позволяют предположить, что они отнюдь не были избранниками народа, но что за их спиной стояла сенаторская аристократия, решившая использовать восстание в своих целях.

Кроме того, кандидатуры Прова, а затем и Ипатия, каждый из которых мог быть лишь марионеткой в чужих руках, но не вождем, явно исходили не от народных масс, а от представителей сенаторского сословия. Здесь возникает немаловажный вопрос: означает ли, как полагает большинство исследователей, выдвижение на престол племянников Анастасия то, что сенаторская оппозиция была, по существу, оппозицией династической? Мы склонны отрицательно ответить на этот вопрос. На наш взгляд, выбор Прова и Ипатия вовсе не означал для аристократии возврата

¹ По сообщению Иоанна Лиды, на Фоку было устроено покушение каким-то простолюдином [25, III, 72—76].

к старой династии, поскольку отношения между Анастасием и сенатом тоже были весьма и весьма враждебны. Сенат, так же как и народные массы, не одобрял религиозную политику Анастасия, о чем упоминал еще Ш. Лекривен [247, с. 223]. Выступив против патриарха Македония на стороне монофиситов, император, по словам Феодора Чтеца (повторенным Феофаном), привел этим «в большую печаль сенат и августу» [40, с. 139; 41, с. 155; 137, с. 53]. Когда же Анастасий нарушил клятву, данную Виталиану перед народом и сенатом, те открыто «срамили императора» [41, с. 161]. Религиозную политику Анастасия не одобряли даже ближайшие его родственники: императрица Ариадна [40, с. 139; 41, с. 155—159], невестка Магна [40, с. 137; 41, с. 153], племянники Ипатий и Помпей. Ипатий, например, отказался от общения с монофиситским патриархом Севером и пожаловал 100 либр золота ортодоксальным монахам [41, с. 159]. Много претерпели от императора Помпей и его жена Анастасия, которые поддерживали отношения с изгнанным патриархом Македонием. Открыто выступила против монофиситства известная патрикия Юлиана, которая со стороны отца принадлежала к старому аристократическому роду Анициев, а со стороны матери — к роду Феодосия [41, с. 157—159]. Даже ближайший сподвижник императора, его земляк Келер,¹ не был настроен в пользу Анастасия [37, кол. 448, 495].

Приведенные выше сведения исходят главным образом от ортодоксальных авторов, но они подтвержда-

¹ Возможно, это и есть тот самый магистр, который разделял взгляды Македония, о чем сообщает Псевдо-Захария [46, VII, 7, 8].

ются и другими источниками. Так, значительный интерес в этом отношении представляет переписка папы Гормизды с патрикиями Юлианой Аницией, Анастасией, Палмацией, Помпеем, Келером. Все они проникнуты стремлением установить прочный союз Рима с Константинополем в вопросах веры [37, кол. 448, 449, 458, 459, 465—466, 495], и это лишний раз подчеркивает ортодоксальность аристократии столицы и ее несогласие с монофиситской политикой Анастасия.

Примечателен и тот факт, что сенат после вступления на престол Юстина сразу же принимает активное участие в религиозной политике ортодоксального императора. В марте 519 г. папских легатов отправились встречать Юстиниан, Виталиан, Келер, Помпей и другие сенаторы, а Юстин принял послов папы в присутствии сената.

Тогда же аристократия вместе с императором присутствовала и на заседании константинопольского духовенства, где обсуждались предложения папы, после чего патриарх Иоанн подписал папскую грамоту [314, с. 175—177].

О том, что отношения Анастасия и сенаторов не были мирными, можно косвенно заключить и на основании другого источника, который в вопросах веры полярно противоположен Феофану. Речь идет о монофиситском хронисте Псевдо-Захарии, настолько пристрастном, что даже народное восстание 512 г. он изображает как мятеж, подготовленный кучкой монахов [46, VIII, 8]. Тем не менее при всей своей предвзятости и симпатиях к Анастасию Псевдо-Захария ничего не говорит о добровольной поддержке сенатом императора, который в надежде получить эту поддержку либо подкупает патрикиев подарками, либо стре-

мится их разжалобить своими рассказами о несправедливости Македония [46, VII, 8].¹

Таким образом, отношения Анастасия и константинопольской знати были далеко не блестящи, и старый император умер, по справедливому выражению III. Лекривена, в открытой вражде с народом и сенатом [247, с. 223]. Именно поэтому после смерти Анастасия даже не возникло вопроса о продолжении династии, и аристократия встала на сторону ортодоксального Юстина [18, с. 426—430; 314, с. 71, 75—76, 115—116]. В период его правления деятельность сената заметно активизируется. Когда Юстину пришлось решать вопрос об усыновлении Хосрова, дело это рассматривалось в сенате [41, с. 168] (ср. [137, с. 53]). В присутствии сената Юстиниан был объявлен соправителем старого императора [247, с. 222; 314, с. 414; 301, с. 240 и примеч. 3]. Выше уже упоминалось об участии сенаторской аристократии и в религиозных делах.

Положение меняется с приходом к власти Юстиниана. Этот император, по всей вероятности, решил продемонстрировать свою независимость не только от партий цирка, борьба которых еще недавно захватывала его самого [314, с. 117; 301, с. 239], но и от сената. В период с 527 по 532 г. известия о сенате практически исчезают со страниц источников. Над всем доминирует фигура императора, и только отдельные сенаторы принимают участие в управлении госу-

¹ Псевдо-Захария рассказывает однажды о заседании сената (силенция и конвента), но он опять-таки приводит речь одного Анастасия, хотя, согласно 62-й новелле, синклитики сами должны были выносить предварительное решение, а император впоследствии либо одобрял, либо отвергал его (ср. [26, с. 483—439]). Но о реакции сената Псевдо-Захария ничего не говорит.

дарством, и то лишь как исполнители воли автократора.

Поэтому вполне естественно, что лишенная возможности проявлять политическую активность и отесненная от выгодных административных должностей часть сенаторской аристократии решила использовать в своих интересах стихийно возникшее народное движение, которое в значительной степени было направлено и против нее.

Но, выступив против Юстиниана, знать вовсе не мечтала о возвращении к прежним временам Анастасия, когда ей так же, хотя и в несколько меньшей степени, отказывали в праве решать важные государственные дела, просто племянники Анастасия были для нее удобными кандидатами на престол. Не отличаясь ни талантами, ни силой характера, они вместе с тем были связаны с верхушкой аристократии и принадлежали к императорской семье. К тому же двое из них, Ипатий и Помпей, не разделяли монофиситских взглядов покойного дяди.

Таким образом, сенаторская аристократия, примкнувшая к восставшим, отстаивала свои собственные интересы, которые едва ли можно отождествлять с интересами династической оппозиции.

Как было сказано выше, сенаторы уже на второй день восстания попытались повлиять на него, но открыто они примкнули к восставшим лишь 18 января [35, т. I, А, I, 24, 25], т. е. после того как Юстиниан изгнал их из дворца вместе с Ипатием и Помпеем [16, с. 624; 35, т. I, А, I, 24, 19]. По-видимому, именно этот необдуманный поступок императора сделал их более решительными, и они появились на форуме Константина, где был коронован Ипатий [35, т. I, А, I, 24, 25]. Здесь вместе с восставшим народом они начали обсуждать

дальнейший план действий. Многие из народа хотели без промедления идти на штурм дворца, но тут выступил сенатор Ориген, пытавшийся удержать восставших от поспешных действий. В данный момент, говорил сенатор, выгоднее превратить в опорные пункты дворцы, находящиеся в западной части Константинополя, и от туда уже начинать выступление [35, т. I, А, I, 24, 30]. На первый взгляд это кажется отговоркой и даже предательством. Но то обстоятельство, что Ориген, по всей вероятности, входил в число сенаторов, удаленных Юстинианом из Большого дворца, и, следовательно, был враждебно настроен к императору, исключает подобное предположение. Выше уже приводилось свидетельство «Пасхальной хроники» о том, что после восстания «одни патрикии искали убежища в церквях, другие — в монастырях и дома их были опечатаны» [16, с. 628]. Вполне очевидно, что патрикии, являвшиеся скорее всего архонтами, которые заправляли всем в правление старика Юстина и прекрасно знали все тайные пружины государственной политики, хорошо осознавали, что с ними произойдет в случае провала восстания. Можно также предположить, что, видя, как город превращается в груды развалин, а власть Юстиниана клонится к упадку, они начали, видимо, уже в Большом дворце, секретные переговоры об избрании нового императора и сошлись на кандидатуре Ипатия. Юстиниан, по всей видимости, чувствовал враждебное настроение патрикиев и других сенаторов, а, может быть, даже и узнал об этом через кого-либо из своих доверенных лиц; поэтому-то он и решил избавиться от враждебного окружения. Но, удалив от себя патрикиев и сенаторов, император тем самым лишил их свободы выбора. Отстраненные от официальной власти, они в известной степени были вынуждены присоединиться к оппозиционному

движению. Встав во главе восстания, они попытались придать ему более организованную форму. Собрание народа и сената на форуме основателя города — императора Константина — что могло быть более законным? Идея о том, что изначально власть в империи принадлежала народу и сенату, еще была жива в обществе. О существовании *ius populi et senatus* хорошо было известно и Юстиниану. Не зря он вспомнит о нем в изданной после восстания новелле «О сенаторах» [33, 62, *praef.*]

Иными словами, сенаторы, прекрасно осведомленные о ситуации в Большом императорском дворце, знавшие о колебаниях, а, возможно, и об отчаянии Юстиниана, что-то слышавшие, видимо, и о его приготовлениях к побегу, сознательно избрали свой путь. Они, по всей видимости, были убеждены, что Юстиниан и в самом деле бежит из Константинополя, что его власть рухнет сама собой и никакого штурма дворца не понадобится. Архонты и сенаторы отнюдь не жаждали большего кровопролития и разрушений, им хотелось придать восстанию конституционную форму избрания нового василевса. Не случайно Ориген вспоминал о дворце, названном в честь матери Константина — Елены. Вся ситуация скорее всего свидетельствует о том, что план действий, высказанный от лица патрикиев и остальных сенаторов Оригеном, казался им наиболее целесообразным.

Так же, очевидно, воспринимал это и Прокопий, который весьма пренебрежительно отзывается о толпе, слушавшей Оригена, как бы противопоставляя благоразумного сенатора «этой черни, любящий все делать в спешке» [35, т. I, А, I, 24, 31], а также и Ипатию, которому не терпелось попасть в императорскую ка-

фисму. «Ведь суждено было, чтобы с ним случилось несчастье», — пишет Прокопий [35, т. I, А, I, 24, 31].

По-видимому, Ориген в своем выступлении отражал точку зрения если не всех, то, во всяком случае, большинства сенаторов, причастных к восстанию: не зря же Прокопий привел именно эту речь. Высказанные в ней мысли, по всей вероятности, были весьма характерны для настроений аристократии столицы. Кроме того, при описании развернувшихся вслед за этим событий ни один из источников не упоминает о сенаторах, и лишь по свидетельству «Пасхальной хроники» восставшие повели на форум, а оттуда на ипподром Ипатия, Помпея и патрикия Юлиана [16, с. 624], по-видимому, одобрявшего тактику восставших.

Итак, позиция сенаторов в восстании Ника отличалась двойственностью. С первых же дней восстания аристократические круги Константинополя попытались использовать народное движение в своих интересах и направить его по выгодному для себя руслу. Их влияние на восстание отрицать невозможно. Однако сенаторы отказались от решительных действий, и их союз с народными массами оказался лишь временным.

Династическая оппозиция

Роль династической оппозиции в восстании Ника давно привлекала внимание исследователей. В. А. Шмидт, например, выделяет ее как одну из основных причин восстания. Автор рисует яркие образы племянников Анастасия, прежде всего Ипатия, приписывая ему качества и стремления, которых в действитель-

ности не было, и подвиги, которых тот не совершал [293, с. 26].¹

Придавая большое значение династической оппозиции, В. А. Шмидт, по-видимому, опирается на рассказ Марцеллина Комита, который утверждает, что «Ипатий, Помпей и Пров, когда в январские иды большая часть знати была связана клятвой, с помощью даров и раздачи оружия побудили обманутую толпу выступить против власти, которую каждый из них стремился захватить, и с помощью дурных граждан разрушили огнем, мечом и грабежом царственный город, в то же время во дворце изображая себя преданными императору» [31, с. 103]. Но сведения этого хрониста были близки к официальной версии [149, с. 93],² с помощью которой Юстиниан хотел представить восстание как династический заговор, а не как народное движение [54, с. 285].

Вслед за В. А. Шмидтом, хотя и независимо от него, выделял династическую оппозицию как одну из причин восстания К. Папарригопулос [340, с. 7—8].

¹ Так, он утверждает, что Ипатий был храбр, отважен и испытан в военном деле. Сведения В. А. Шмидта, однако, основываются на литературных памятниках панегирического характера и не имеют под собой реальной почвы. Он пишет, что во время персидской войны Ипатий возвратил империи Амиду, но это не следует ни из какого серьезного источника [29, гл. 71 и сл.; 46, VII, 5; 41, с. 148—149] (см. также [148, т. II, с. 14; 301, с. 97—98; 83, с. 121—126]). Рисуя пленение Ипатия Виталианом, В. А. Шмидт пишет, что он попал в плен из-за своей чрезмерной храбрости и стойко переносил невзгоды плена. Но и это не соответствует действительности (см. ниже).

² Дж. Бьюри в то же время отстаивает самостоятельность суждений Марцеллина Комита, полагая, что он писал не столько в угоду императору, сколько отражал настроения придворных кругов вообще.

Однако взгляды этих ученых были довольно скоро и без всякой критики преданы забвению, а вопрос о династической оппозиции получил несколько иное освещение. С этой оппозицией практически отождествляются выступления самых различных слоев населения Константинополя против Юстиниана, поскольку ряд исследователей видят в них стремление возвратиться к старым, Анастасиевым временам. При этом, по мнению историков, взоры народа и сената легко и естественно обращаются к племянникам Анастасия, которым вместе с тем они отводят очень скромную роль: те лишь уступили настойчивым просьбам толпы [55, т. II, с. 82—83; 148; т. II, с. 42, 44; 301, с. 450, 452—453].

Какова же в действительности была роль династической оппозиции накануне восстания и в ходе его?

Прежде всего следует отметить, что при Юстине и в первые годы правления Юстиниана династическая оппозиция не представляла собой существенной угрозы правящей династии, если вообще можно говорить о ее существовании. Во время избрания нового императора в июле 518 г. о племянниках Анастасия не было и речи. Ни димы, ни войско не вспоминали о них [18, с. 426—430; 26, с. 410—411; 16, с. 612],¹ хотя Ипатий и Помпей не разделяли монофиситских взгля-

¹ Ю. Кулаковский [55, т. II, с. 497] высказывает предположение, что неизвестным патриkiem и магистром армии, которого выдвигали тогда на трон схоларии, был Ипатий. Однако это соображение следует отбросить, так как Ипатий в момент смерти Анастасия находился на Востоке, в Антиохии или еще дальше [301, с. 220]. Э. Штейн считает, что именно из-за отсутствия Ипатия дому Анастасия не удалось закрепить за собой трон. Но и это представляется маловероятным.

дов умершего императора.¹ Сенат полностью поддержал кандидатуру Юстина [18, с. 426—430; 314, с. 71, 75—76, 115—116]. Даже ближайший сподвижник Анастасия, препозит Амантий, добивался престола для Феокрита, несмотря на то, что третий племянник императора, патрикий Пров, был монофиситом [301, с. 216]. По всей вероятности, именно непопулярность Анастасия в столице сделала невозможным выдвижение на престол одного из его родственников.

С тех пор прошло почти 14 лет, на протяжении которых ни Юстин, ни Юстиниан не рассматривали их как серьезных претендентов на престол. Византия VI в. еще не знала принципа легитимности в занятии трона; сил, которые могли бы поддержать родственников Анастасия, не было, а особыми талантами или достоинствами ни один из них не обладал. Ипатий, возглавляя вместе с другими стратигами ромейское войско во время персидской войны 502—506 гг., показал себя абсолютно неспособным полководцем. Несмотря на некоторые противоречия источников в изображении событий этой войны [83, с. 108—110], все они отмечают его бесталанность и неумение руководить войском.

Так, по свидетельству Иешу Стилита и Феофана, Ипатий и Патрикий отказались прийти на помощь Ареовинду, которому предстояло сражаться с персами, и тем самым обрекли его на неудачу [29, гл. 55—56; 41, с. 146]. Впечатляющее описание поражения, нанесенного иранским шахом Кавадом ромейским стра-

¹ П. Каранис, ссылаясь на Прокопия [35, т. I, А, I, 24, 19], говорит, что Ипатий был монофиситом [160, с. 11]. Но в соответствующем отрывке Прокопия Ипатий назван всего-навсего племянником ранее правившего Анастасия.

тигам, в том числе и Ипатию, оставил Псевдо-Захария. «Они, — пишет хронист, — потеряли много лошадей и бывших на них всадников, которые упали со скал, разбились, умерли и покалечились» [146, VII, 5] (цит. по [85, с. 156]). Этому описанию соответствуют и факты, приведенные Прокопием [35, т. I, А, I, 8, 13—19]. Вследствие своих неудач Ипатий был отозван в Константинополь, однако через несколько лет он вновь становится во главе войска, на этот раз в борьбе с поднявшим мятеж Виталианом, который без труда разгромил племянника императора, а самого его захватил плен [22, с. 145; 26, с. 402; 41, с. 157; 46, VII, 13]. И опять, как и в войне с персами, он оказался причиной гибели многих людей. По данным Иоанна Антиохийского, из 80 тыс. воинов в решающем сражении с Виталианом погибло 60 тыс. ромеев [22, с. 145].¹ Самому же Ипатию пришлось испытать в полной мере унижения плена, прежде чем его выкупил отец, патрикий Секундин [22, с. 145; 41, с. 160; 55, т. I, с. 512].

Не отличался высокими талантами и патрикий Пров, которому лишь однажды было поручено важное задание, а именно миссия к гуннам, где его ожидала полная неудача [35, т. I, А, I, 12, 6 и сл.; 46, XII, 7; 313, с. 70; 290, с. 261 и сл.]. Описывая это путе-

¹ В этом сражении Ипатий решил использовать в качестве укрепления соединенные вместе повозки, но это не принесло успеха. Воинам Виталиана удалось прорвать укрепление и смять императорское войско. Множество воинов и коней было сброшено в пропасть. По словам Иоанна Антиохийского, погибших было так много, что дно пропасти сравнялось с вершинами вокруг нее. П. Каранис [160, с. 55] и Э. Штейн [301, с. 180—181] считают цифры, приведенные Иоанном, преувеличенными, но ни тот, ни другой не отрицают гибели громадного числа людей.

шествие, Псевдо-Захария говорит больше о религиозности Прова, чем о его дипломатических талантах [46, XII, 7].

Совершенно бесцветной личностью был третий племянник Анастасия — Помпей. После поражения восстания Ника трусливый и безвольный Помпей, по свидетельству Прокопия, сидя в темнице, «рыдал и говорил жалобные речи» [35, т. I, А, I, 24, 55].

Вполне естественно, что ни Ипатий, ни Помпей, ни Пров сами по себе не могли внушить страх Юстину и Юстиниану, а общественное мнение столицы, как указывалось, было не в пользу племянников Анастасия. Их даже не удалили от двора, и Помпей вместе с Виталианом и Юстинианом встречал послов папы в марте 519 г. [301, с. 227; 314, с. 175—176]. Ипатий вновь получил должность стратилата Востока [26, с. 423]. Среди именитейших ромеев он отправился на встречу с представителями Кавада для переговоров относительно усыновления Хосрова [35, т. I, А, I, 11, 24].¹ Когда же Руфин обвинил Ипатия в провале миссии, дело было расследовано со всей тщательностью, и племянник Анастасия оказался оправдан [35, т. I, А, I, 11, 38—39]. Более того, как пишет Иоанн Малала, когда у Юстиниана появилась возможность избавиться от Прова, которого сенат признал виновным в оскорблении императора, последний тем не менее простил его [26, с. 438—439].²

¹ Б. Рубин, впрочем, объясняет это политическими мотивами [290, с. 260—261].

² «Родственник императора Анастасия, — пишет хронист, — патрикий Пров, поносил императора Юстиниана, вызвав тем самым его гнев. После того как состоялся силенций и конвент для составления письменного заключения и когда в собрании сената

Можно было бы подумать, что Юстиниан заигрывал со своими соперниками, однако это маловероятно: подлинного соперника Юстиниан устранил без колебаний, когда тот встал у него на пути. Речь идет о Виталиане, прославленном полководце, мужественном и храбром воине, популярность которого в столице была огромна.¹ Именно в этом человеке, а не в бес-талантных племянниках Анастасия видел, и не без оснований, будущий император угрозу на своем пути к славе и трону.

Итак, все изложенное выше позволяет предположить, что Ипатий, Помпей и Пров не имели никакого отношения к вспышке народного возмущения. Династическая оппозиция не только не была причиной, она не явилась даже поводом к нему. Более того, по данным источников, лишь на шестой день Ипатий и Помпей оказываются вместе с восставшим народом [35, т. I, А, I, 24, 22].

Можно, конечно, предположить, что какие-то связи между племянниками Анастасия и восставшими существовали и до этого. Так, несколько странным кажется поведение Ипатия и Помпея в момент, когда их отсылал из дворца Юстиниан. «На пятый день мятежа, поздно вечером, — пишет Прокопий, — василевс Юстиниан приказал Ипатию и Помпею, племянникам ранее правившего Анастасия, как можно быст-

оно, содержащее осуждение Прова, было прочитано императору Юстиниану, тот, взяв написанное, разорвал его и сказал Прову: „Я прощаю тебе то, что ты сделал против меня. Молись, чтобы и Бог простил тебя“».

¹ Подробно о причастности Юстиниана к убийству Виталиана см. [314, с. 108—115]; о его популярности см. [314, с. 109 и сл., 158].

рее идти домой; то ли он подозревал их в посягательстве на свою жизнь, то ли сама судьба так распорядилась. Те же, испугавшись, как бы народ не принудил их к царствованию, как то и случилось, сказали, что поступят неблагоразумно, если оставят василевса в минуту опасности. Услышав это, василевс Юстиниан еще больше стал подозревать их и еще настойчивее приказал им удалиться. Таким образом, оба они были действительно отправлены домой и, пока была ночь, пребывали там в бездействии» [35, т. I, А, I, 24, 19—21].

Странными кажутся их опасения относительно того, что народ заставит их принять титул и власть императора. Еще более удивляет другое обстоятельство. Когда Ипатий и Помпей были схвачены и приведены к императору, они упали ему в ноги, говоря: «Владыка, мы много потрудились, чтобы привести на ипподром врагов державы нашей» [26, с. 476; 16, с. 627], на что Юстиниан ответил: «Вы хорошо поступили, но, если они вас слушались, почему же вы не сделали этого до того, как был сожжен весь город?» [26, с. 476; 16, с. 627]. Упрек императора, если не воспринимать его как злую иронию, кажется нелепым, так как город был сожжен до того, как Ипатия и Помпея изгнали из дворца и народ «принудил» их к царствованию. Возможно, Юстиниан как раз намекает на какие-то более ранние отношения племянников Анастасия с восставшими.

Так или иначе, мысль о возведении на престол одного из них родилась, по всей вероятности, 14 января, когда восстание уже достигло большого размаха. Либо потому, что Ипатий колебался, либо потому, что он вместе с Помпеем и другими сенаторами находился во дворце, восставшие решили провозгласить

императором их брата — патрикия Прова. Возможно, какие-то переговоры у повстанцев с Провом уже имели место (недаром толпа надеялась получить от него оружие [41, с. 184]); возможно также, что он дал согласие на такое провозглашение. Затем, по всей видимости, он испугался и, так же как в 512 г. Ареовинд [26, с. 407], в страхе бежал из собственного дома. Даже в такой благоприятный для него момент Пров предпочел оказаться в тени.

Таким образом, если и предположить существование какой-то связи между династической оппозицией и восставшими, то нельзя не отметить, что заметной роли в восстании племянники Анастасия не играли вплоть до 18 января, дня, когда Ипатий был провозглашен императором. Именно это событие послужило переломным моментом в поведении Ипатия и Помпея. После провозглашения Ипатия императором на форуме Константина он, вопреки желаниям сенаторов, вместе с бушующей толпой отправился на ипподром, поскольку именно там обычно проходило избрание императора, а также для того, чтобы поскорее занять главную императорскую резиденцию — Большой дворец [35, т. I, А, I, 24, 31]. Казалось, Ипатий искал опору во внешних признаках власти. Ему хотелось быть «законным» властителем, провозглашенным в том месте, где того требовал обычай.

Но на ипподроме им вновь овладели сомнения, и, боясь, как бы перевес не оказался на стороне Юстиниана, он тайно послал в Большой дворец своего доверенного человека по имени Ефрем. Получив неверные сведения, Ефрем по возвращении сказал Ипатию: «Владыка, Богу угодно, чтобы ты правил: Юстиниан бежал, и во дворце никого нет» [16, с. 625]. Услышав это, Ипатий почувствовал себя гораздо уве-

ренное в императорской кафисме и стал с восторгом слушать аккламации народа в его честь [26, с. 475; 16, с. 625]. Вкус к эстетике церемониала, столь свойственный византийцам того времени, проявился здесь во всей полноте. Ритуал так увлек Ипатия, что он забыл о реальности, о том, что надо действовать и закрепить успех. Нерешительный и целиком полагавшийся на удачу, он мог быть подходящей кандидатурой для сената, но не для восставшего народа.

По сути дела, Ипатий сам погубил дело восставших. Имея на своей стороне почти весь Константинополь, он не сумел воспользоваться этим преимуществом, совершив важную тактическую ошибку: зная, что Юстиниан не может одолеть восставших в уличных боях, он двинулся с ними на ипподром, где легче всего можно было расправиться с мятежниками. Бесспорно, Ипатий не собирался предавать повстанцев, с которыми он уже связал свою судьбу. Это попросту было еще одной, последней ошибкой бездарного полководца. Во всех действиях, во всем поведении Ипатия отчетливо проявилась психология византийского обывателя того времени, стремление к соблюдению традиций и формальной обрядности. Выше этих предрассудков могли подняться лишь такие незаурядные личности, как сенатор Ориген или историк Прокопий; Ипатию этого было не дано.

Итак, династическая оппозиция, примкнувшая к восстанию, попыталась использовать народное движение в своих целях. Однако она не только не смогла закрепить успехи восставшего народа, но, напротив, способствовала разгрому восстания.

Партии ипподрома и народные массы

Мы уже отмечали, что, хотя партии ипподрома являлись весьма существенным фактором социально-политической жизни Константинополя, их роль и значение в начале VI в. не шли ни в какое сравнение с ролью народных масс города в целом. Это самым непосредственным образом касается восстания Ника, в ходе которого единство и сила народа проявились с необыкновенной полнотой, а деление его на партии отошло на второй план. За несколько дней до начала восстания венеты и прасины еще перебрались на ипподроме в присутствии императора [41, с. 183—184], однако достаточно было одного события (нарушение обычая при совершении казни), как две враждующие группы тотчас объединились. О связи этих двух событий (казнь и объединение партий) свидетельствует то обстоятельство, что заключившие союз прасины и венеты требуют только помилования осужденных [26, с. 473—474]. Очевидно, в этом факте проявилась для них политика Юстиниана, в известной степени направленная против обеих партий.

Это же обусловило единство партий на ипподроме 13 января, где они провозгласили свой союз. Иоанн Малала ярко рисует это единство в тот момент: «Когда же дьявол внушил им дурную мысль, они стали кричать друг другу: „Многая лета человеколюбивым прасинам и венетам!“ Окончив игры, толпа вышла в дружном единодушии (τὰ πλῆθῃ φιλιάσαντα), взяв себе в качестве пароля слово „Ника“, для того чтобы к ним не примешались солдаты или экскувиты. И таким образом она начала бушевать» [26, с. 474]. Источники уже не пишут τὰ μέρη, а только οἱ δῆμοι, что равнозначно словам ὁ δῆμος, οἱ ὅχλοι [26,

с. 474—476; 16, с. 623—625; 35, т. I, А, I, 24, 7 и сл.; 41, с. 184].

Итак, восстание началось стихийно в недрах народных масс. В первый же день, 13 января, оно приняло характер широкого социального движения. Восставшие громили дома богачей [41, с. 184; 35, т. I, А, I, 24, 9], многие из которых бежали на другой берег Босфора [35, т. I, А, I, 24, 8]. Толпа сожгла преторий префекта города и две тюрьмы, освободив политических заключенных [35, т. I, А, I, 24, 7]. От огня пострадали и такие важные государственные здания, как сенат, частично Большой дворец, бани Зевксиппа [26, с. 474—475; 35, т. I, А, I, 24, 9; 41, с. 184; 16, с. 621—622; 24, с. 647—648]. Восставшие подожгли даже церковь св. Софии. «Показав, что они не только против императора, но и против Бога в безумстве подняли руку, они осмелились сжечь и христианскую церковь (византийцы¹ называют этот храм Софией, считая такое название наиболее подходящим для Бога)», — пишет Прокопий [35, т. IV, I, 1, 20].² Примечателен и тот факт, что помимо домов аристократов и важных государственных зданий восставшие, выражая протест против социального угнетения, уничтожили и многие торговые помещения, такие, как «Дом ламп» [24, с. 648] и лавки ростовщиков-аргиропратов [16, с. 623; 41, с. 184].

¹ Здесь византийцы — жители Византии, т. е. Константинополя. Следуя аттической традиции, Прокопий продолжает называть столицу империи ее древним именем, а не тем, которое она получила с 330 г.

² По свидетельству Псевдо-Захарии [46, IX, 14], св. Софию подожгли агенты императора, чтобы посеять страх и смятение среди восставших. См. возражения по этому поводу Дж. Бьюри [149, с. 117, примеч. 2].

Итак, с первых дней восстания, с первых его часов главную роль в нем, бесспорно, играли народные массы. Именно благодаря их ожесточению был смещен наиболее ненавистный всем слоям населения Иоанн Каппадокийский. Выразительно пишет об этом автор «Пасхальной хроники»: «И сказал им император: „Идите узнайте, из-за чего бунтуют“. И вышли из дворца патрикий Василид... и Константиол. Остановив толпу, бушующую у дворца, и заставив ее замолчать, они обратились к ней с вопросом: „Из-за чего бунтуете?“ Толпа же поносила префекта претория Иоанна Каппадокийского, квестора Руфина и епарха города Евдемона. Услышав это, они передали императору. Тотчас же он сместил префекта претория Иоанна...» [16, с. 620—621] (ср. [26, с. 475]).¹ Юстиниана испугал необычайный размах мятежа и участие в нем огромных масс народа. Одно лишь количество убитых на ипподроме 18 января (35 тыс.) [26, с. 476]² дает возможность представить, насколько велико было число восставших. Вместе с мужчинами сражались и женщины. По свидетельству Иоанна Зонары, они бросали с верхних этажей в солдат камни и все, что попадалось под руку [28, с. 154]. Об участии женщин упоминает и «Пасхальная хроника» [16, с. 622].

Но восстание охватило не только значительную часть населения города, в рядах восставших оказа-

¹ Мнение А. Джонса о том, что Иоанн был ненавистен лишь аристократии [235, т. I, 272], опровергается свидетельствами не только Иоанна Малалы, автора «Пасхальной хроники», Прокония, Иоанна Лиды, но и Псевдо-Захарии.

² Общая численность населения Константинополя, по мнению Д. Якоби, составляла в то время около 375 тыс. человек [225, с. 108—109].

лось большое количество пришлых людей. Вымогательства Иоанна Каппадокийского вызвали сильное недовольство по всей империи и послужили причиной большого наплыва в столицу обездоленных, разоренных и озлобленных лиц. Об этом свидетельствуют данные Иоанна Лида [25, III, 70], Псевдо-Захарии [46, IX, 14], а также 80-й новеллы, вышедшей вскоре после восстания и направленной как раз против чрезмерного скопления в Константинополе жителей других городов и областей. Эти люди, само собой разумеется, не остались безучастными к происходящей на улицах столицы борьбе, а согласно Псевдо-Захарии, именно они подстрекали к действию население города. «В столице, — пишет хронист, — были люди из всех мест, и в немалом числе. Они жаловались на него (Иоанна Каппадокийского), склонялись к какой-либо из партий и помогали ей. Поэтому и раздались возгласы против него и императора, партии объединились и пришли к согласию» [46, IX, 14]. Из этих слов вполне очевидно, что для Псевдо-Захарии, жителя провинции, восстание Ника — это бунт отнюдь не только константинопольского населения. Автор вписывает восстание в общую картину жизни империи, воспринимая его как ответ всех жителей Византии на гнет и несправедливости Иоанна Каппадокийского. В самом деле, не будет ошибкой утверждать, что в эти дни, в январе 532 г., население Константинополя действительно олицетворяло собой население всей империи,¹ отражая настроение масс как столицы, так и провинции.

¹ По мнению Г.-Г. Бека, население Константинополя вообще представляло население всей империи, и в этом смысле (как и в других) город был подлинной ее столицей [136, с. 12].

Восставшие стали грозной силой и успешно вели бои с отборными отрядами войск Велисария и Мунда [26, с. 475—476; 16, с. 621—623; 41, с. 184—185]. Пришедшие на помощь правительству войска из окрестных мест также не смогли одолеть восставших. Озлобленные солдаты подожгли одну из красивейших построек столицы — Октагон [16, с. 622—623]. В руках народа оказался практически весь Константинополь, за исключением Большого дворца. Успех восстания был настолько велик, что даже солдаты, охранявшие эту императорскую резиденцию, уклонились от помощи Велисария в подавлении восстания [35, т. I, А, I, 24, 44—45].

Но, несмотря на размах движения, народ, стихийно и неорганизованно поднявшийся на борьбу, не смог выдвинуть своего вождя, чему немало способствовали сенаторская и династическая оппозиции, стремившиеся использовать восстание в своих целях. Ипатий и Помпей не были избранниками народа. Правление Анастасия было для него столь же тяжело, сколь и правление Юстиниана, и население Константинополя неоднократно поднимало против него мятежи [26, с. 393, 394—395, 396—398, 401, 407; 41, с. 150, 154, 159; 22, с. 141—143, 146, 167—170], в ходе одного из которых восставшие подожгли дом Помпея [31, с. 98]. Велика была радость народа после известия о смерти Анастасия [37, кол. 1057 и сл.].¹ Поэтому

¹ Ср. также возгласы толпы в Тире 18 сентября 518 г., которая кричала: «Нет Анастасия, царствует Юстин, он православный! Он не манихей, он православный! Юстин царствует, новый Константин! Он не манихей, как Анастасий!» [37, кол. 1090]. Мнение Ю. Кулаковского, Ш. Диля, Л. Шассена о том, что народ хранил добрые воспоминания об Анастасии [55, т. II, с. 82—83; 173, с. 456; 161а, с. 52], основано на недоразумении.

лишь вмешательно сенаторской оппозиции могло объяснить тот факт, что во главе восстания в какой-то момент оказались бесталанные и совершенно неспособные к руководству массами, но вполне годившиеся на роль марионеток в руках знати Ипатий и Помпей.

В то же время испытывая некоторое влияние сенаторских кругов, народ тем не менее постоянно выходит из-под их контроля. Так, отправившись к Прову и не найдя его там, толпа подожгла его дом [16, с. 622], хотя это, бесспорно, не входило в планы аристократии. Вопреки желаниям сенаторов народ отправился на решительный штурм дворца [35, т. I, А, I, 24, 31], который, возможно, ему и удался бы, будь во главе его талантливый и решительный полководец. Ипатий же и Помпей, в руках которых оказались судьбы восставшего народа, лишь только ослабили его, лишили инициативы и в целом способствовали подавлению восстания. Уже само провозглашение Ипатия, по существу, означало для народных масс поражение. Продержавшись с успехом столько дней, народ вместе с тем не представлял реально своих целей. В значительной степени это ускорило разгром столь сильного народного восстания.

Итак, несмотря на известное влияние, которое оказали на его ход сенаторская аристократия и династическая оппозиция, восстание Ника было прежде всего народным движением и таким сохранилось в памяти современников. Таким изображали его и более поздние авторы вопреки стремлению Юстиниана представить его как династический заговор.

Глава VIII

ПОСЛЕДСТВИЯ ВОССТАНИЯ НИКА

В свое время, подводя итоги восстания Ника, Дж. Бьюри высказал относительно его последствий точку зрения, получившую в дальнейшем наиболее широкое распространение в исторической литературе. По мнению английского исследователя, восстание Ника явилось поистине поворотным пунктом в жизни византийского общества VI в., поскольку именно после подавления его, когда окончательно были сломлены всякого рода оппозиции, началась автократия Юстиниана [148, т. II, с. 48].

Действительно, в период, непосредственно следовавший за подавлением восстания, психологическое воздействие его поражения на самые различные общественные слои было огромным, и на первых порах последствия разгрома и резни в городе представлялись современникам поистине ужасными и губительными.

Город был объят страхом. Причастные к движению сенаторы искали убежища в церквях и монастырях, и дома их были опечатаны. У патрикиев, открыто примкнувших к восставшим, было конфисковано имущество, а сами они были подвергнуты ссылке [16, с. 628]. Жизнь в городе словно замерла, «димот нигде не показывался», и в течение несколько дней «были открыты лишь те эргастии, которые доставляли людям пищу и питье» [16, с. 628]. «И оставались дела неисполненными, и пребывал Константинополь изнеможенным многие дни» [16, с. 628].

Подавив восстание, император принял ряд мер для предотвращения подобных событий в будущем. Прежде всего было сокращено количество игр, которые издавна давали повод к народным волнениям. В 535 г. была упразднена должность ночного епарха, находившегося в подчинении префекта города. Вместо нее Юстиниан учредил «претуру плебса», носившую первоначально коллегияльный характер, а затем, с 539 г., отправлявшуюся одним претором в ранге *spectabilis*. Новый чиновник, в обязанности которого входило наблюдение за порядком в столице, подчинялся непосредственно императору [33, нов. 13; 35, т. III, XX, 12—14; 301, с. 455, 803—804; 54, с. 295].

В 539 г. была создана еще одна должность — квестора (*quaesitor*), которого следует отличать от квестора *sacri palatii*. Так же как и претору плебса, ему жаловался титул *спектабиля*. Юстиниан назначил квестору жалованье в 10 либр золота в год, его помощнику и секретарю — 100 солидов, штату его оффicia — 330 солидов в год [33, нов. 80]. Ведомство квестора должно было следить за прибывающими в столицу людьми, наплыв которых, как свидетельствует новелла о квесторе, был огромен. Это были лица

разных сословий — и светские и духовные, но главным образом земледельцы [33, нов. 80, гл. V]. Подчиненным квезитора надлежало наводить обо всех них точные справки и способствовать скорейшему разрешению их дел, с тем чтобы побыстрее выпроводить их из города. Прибывших из провинции и ничем не занятых лиц новелла предписывала водворять на их прежнее место жительства. Не имеющих определенных занятий жителей города квезитор должен был направлять на общественные работы, в пекарни, к садовникам [33, нов. 80, гл. V]. Изданием этой новеллы Юстиниан всячески стремился сократить праздное, с его точки зрения, население Константинополя. Примечательно, однако, что принудительного прикрепления не занятых производственной деятельностью лиц к тем или иным корпорациям не последовало. Человек мог и отказаться идти на работу к пекарям или садоводам; правда, тогда он обязан был покинуть город [33, нов. 80, гл. V; 112, с. 146].

На предотвращение мятежей была направлена и появившаяся вскоре после восстания 85-я новелла — об оружии. Не один раз в этой новелле Юстиниан заявляет о своем стремлении прекратить убийства среди жителей империи [33, нов. 85, предисл., гл. III]. Закон строго-настрого запрещал производство частными лицами любого рода оружия и продажу его. Оружейник, продавший оружие частному лицу, подлежал наказанию, а у купившего его оружие отбирали, не вернув деньги [33, нов. 85, гл. III].¹

¹ По мнению И. Караяннопулоса, цель монополии на производство оружия остается неясной [239, с. 235]. Однако сам Юстиниан говорит об этом в новелле вполне откровенно: «οὐτε τοῖς τὰς πόλεις οἰκοῦσιν ἰδιώταις οὔτε τοῖς τὰ χωρία γεωργοῦσιν ἀγρόταις, ὅπλοις κεχρῆσθαι κατ' ἀλλήλων καὶ φόνους τολμᾶν...».

Новелла предписывает, чтобы оружейники делали оружие (по заказу правительства) исключительно определенного образца. Но и в том случае, если в процессе производства у ремесленника получалось какое-то необычное, нестандартное оружие (*τὸ νέον ὄπλον*), его тоже полагалось сдавать в государственный арсенал [33, нов. 85, гл. II].

Согласно данной новелле, оружейников следовало набирать среди пригодных для этого дела ремесленников из различных городов. Их заносили в список, который отправлялся императору; после этого ремесленников прикрепляли к государственным оружейным мастерским. Важно, однако, отметить, что привлекать ремесленников к работе в этих мастерских против их воли (*εἰπερ βολήθεῖεν*) было запрещено [33, нов. 85, гл. III], т. е., как и в случае с праздным населением города, которое следовало направлять в пекарни, к садовникам или на общественные работы, принудительного прикрепления к профессии не последовало. Напуганное размахом народного движения, правительство Юстиниана соблюдает осторожность.

Контроль над производством оружия возлагался на хартуляриев специального скриния ведомства магистра оффиций. В случае их небрежного отношения к делу на них налагался денежный штраф, и сверх того они подвергались телесным наказаниям [33, нов. 85, гл. II]. В провинции за соблюдением закона должны были следить высшие должностные лица, которые в случае нарушения его должны были нести суровые наказания: августалий Александрии наказывался штрафом в 20 либр золота и смещением с поста, чиновники его оффиция — штрафом того же размера и смертной казнью, президы других провинций — штрафом в 10 либр золота и смещением с должности,

эдкии и «отцы города» — штрафом в 3 либры золота и смертной казнью [33, нов. 85, гл. III].

Но одновременно с репрессиями и мерами по укреплению режима Юстиниан проводит и политику снисхождения и уступок. В первую очередь это касается сенаторской аристократии. Так, несмотря на бесспорное участие в восстании значительного числа сенаторов, император не стал прибегать в отношении большинства их к крайним мерам. Сведения «Тайной истории» относительно конфискации после восстания Ника имущества почти всех членов сената [35, т. III, XII, 12] не подтверждаются иными источниками, и в первую очередь другими сочинениями Прокопия. В «Войне с персами» историк сообщает, что отправленные в изгнание за участие в восстании сенаторы были через некоторое время возвращены в столицу и получили обратно ту часть имущества, которую Юстиниан не успел раздать своим приближенным [35, т. I, А, I, 24, 58]. Император вернул имущество даже детям наиболее активно действовавших лиц из аристократии — Ипатия и Помпея [35, т. I, А, I, 24, 58]. Внук Ипатия Иоанн позднее женился на племяннице Юстиниана Прейекте [35, т. II, III, 31, 14—15] и таким образом был приближен к трону. По данным других источников, временной ссылке подвергались лишь восемнадцать сенаторов, причем некоторые из них (например, Оливрий, женатый на племяннице Анастасия Ирине, или племянник Анастасия Пров) по возвращении в столицу полностью получили назад свое имущество [26, с. 478].¹

¹ О родстве Оливрия с домом Анастасия см. [301, с. 455, примеч. 2 со с. 454; 157, с. 273; 267, с. 1314].

Уроки восстания не прошли даром: автократор понял, что для осуществления своей широкой внутренней и внешнеполитической программы он нуждается в гораздо более прочной опоре, чем узкий круг единомышленников. Влияние и авторитет сената после восстания Ника явно возрастают. На его заседание выносится вызвавший весьма бурное обсуждение вопрос о начавшейся вскоре войне с вандалами [35, т. I, Б, I, 10, 1—17]. В 537 г. император издает специальную 62-ю новеллу о сенате. Отметив, что до сих пор лишь часть сенаторов принимала участие в государственном управлении [33, нов. 62, предисл.], Юстиниан попытался изменить такой порядок. Согласно новелле, сенат объединяется с консисторием и становится высшей апелляционной инстанцией. Правда, по свидетельству Иоанна Лиды, сенат и раньше время от времени привлекался для решения судебных дел [25, III, 10, 27]. Упомянуто об этом как о случайном факте и в 62-й новелле. Иоанн Малала также рассказывает, как еще до восстания Ника в сенате рассматривалось дело патрикия Прова, поносившего императора [26, с. 438—439].¹ Но лишь с 537 г. эта функция приобрела силу

¹ «...καὶ γενομένου σιλεντίου κοινῶνέτου». Е. Христофилопулу полагает, что под *силенцием* следует понимать широкие торжественные приемы, где сенат являлся основной составной частью [163, с. 81—82]. Близкой точки зрения придерживаются Л. Брейе и Ж. Эллул [143, с. 184; 185, с. 606]. Е. Христофилопулу возражает Э. Штейну, который считал, что *силенций* — это заседание консистория, а *конвент* — сената. По мнению исследовательницы, это не следует ни из одного известного ей источника. Вместе с тем нельзя иначе, чем это сделал Э. Штейн, понять следующую фразу 62-й новеллы, на которую ссылается в своей работе и Е. Христофилопулу: «*si quando silentium ob alia una cum conventu fuerit nuntiatum, omnes colliguntur et proceres et senatores*». В таком узком смысле понимают *силенций* Г. Остро-

закона, и сенат уже, как правило, разбирает спорные дела [35, т. II, III, 32, 43].

К этому времени относится и расширение понятия «силенций». Ранее оно относилось лишь к заседаниям консистория. В случае совместного заседания консистория и сената объявлялось о силенции и конвенте. Согласно 62-й новелле, даже если говорилось лишь о силенции, все сенаторы должны были являться на его заседание [33, нов. 62, гл. I].

Одновременно с этим был расширен слой высшей аристократии — патрикиев. По закону Зинона, патрикиями могли быть лишь консулы, префекты, магистры милитум и магистры оффиций, Юстиниан открыл доступ в их ряды обычным иллюстриям [33, нов. 62, гл. II]. Иерархия сенаторской аристократии в новелле о сенате выглядела так: первое место в сенате принадлежало префекту города, далее шли иллюстрии, облеченные достоинством патрикиев, за ними консулы, ординарные и почетные, префект претория, магистр оффиций и, наконец, остальные иллюстрии [33, нов. 62, гл. II; 303, с. 393—394; 206, т. I, с. 26]. Мы видим, что патрикию отдается предпочтение перед такой важной должностью, как префект претория Востока, а сама эта должность уже не связывается непременно с получением высшего титула знати.

Деятельность сената особенно активизируется в последние годы правления Юстиниана. В 560 г., когда разнесся слух о смерти императора, именно сенат

горский и А. Джонс [276, с. 36; 235, с. 333]. Поэтому приведенные выше слова Иоанна Малалы следует понимать так: объединенное заседание консистория и сената, а не какая-то еще более широкая ассамблея.

принял необходимые меры для успокоения народа [41, с. 234—235].

В интересах сенаторов — владельцев столичных проастиев, Юстинианом была издана 64-я новелла — о садовниках, весьма злоупотреблявших, с точки зрения собственников проастиев, своим положением при оценке арендуемых ими садов и огородов (см. выше). 64-я новелла предписывает, чтобы оценка садов и огородов производилась не только садовниками, но и специальными чиновниками — *summariis* [33, нов. 64, гл. I—II]. Различные добавочные работы в садах и огородах, согласно новелле, должны были тщательно оговариваться [33, нов. 64, гл. I—II].

Наконец, разбирая споры, возникавшие при сделках между аристократами и аргиропратами, Юстиниан часто явно покровительствует представителям знати. Так, говоря о долговых обязательствах аристократов, он, с одной стороны, предписывает, чтобы сделки подобного рода оформлялись, как того издавна требовал закон, а с другой — вполне допускает право аристократа взять деньги в долг без всякого договора либо оставить аргиропрату долговое обязательство, не заверенное никакими свидетелями и подписанное лишь самим должником [33, эдикт VII, гл. II; эдикт IX, предисл.]. Наследники должников подобные контракты не признавали и отказывались возвращать долги своего родственника. Юстиниан, в пространных выражениях предписывая должникам-аристократам либо их наследникам возвращать взятые у аргиропратов деньги, вместе с тем указывает, что контракт, подписанный лишь должником, может быть приравнен к сделкам, заключенным по закону, только в том случае, если сам должник или его наследники не отрицают

под присягой подлинности подписи [33, эдикт VII, гл. II].

Столь же двойственное суждение высказал Юстиниан и относительно залога, который при совершении другого рода сделок (например, купли движимого или недвижимого имущества) аргиропраты вносили за своих знатных клиентов, не беря с ним расписок. Император сделал обязательным письменное оформление всей сделки, но вместе с тем опять-таки допустил возможность устного заключения контракта (θεσπίζομεν μὴ ἄλλως αὐτοὺς αἰρεῖσθαι τὰς ἀν τιφωνήσεις ὑπεισιέναι, πρὶν ἂν ἔγγραφος αὐτοῖς περὶ τούτων γένηται ἐντολὴ ἅπαν τὸ πρᾶγμα ... εἰ δέ γε κατὰ τινα τρόπον ἔγγραφον μὲν μὴ γένοιτο...) [33, эдикт IX, гл. I]. Подобная неопределенность открывала для знати большие возможности для злоупотребления своим положением в целях личного обогащения.

То же самое касается и случаев, когда должники аргиропратов, в свою очередь, отдавали занятые суммы в долг, оформляя возврат денег на имя жены под тем предлогом, что долг якобы сделан из ее приданого или каких-либо иных средств, либо когда вдовы должников-аристократов после смерти мужей тайно присваивали себе деньги, принадлежавшие их кредиторам-аргиропратам. Законодательство Юстиниана по этому вопросу так же многословно и неопределенно, как и в изложенных выше случаях. Более того, император оставил аристократам свореобразную лазейку, оговорив специально ситуацию, когда человек, располагавший распиской вдовы должника-аристократа (в которой указывается, какого рода сумму она получила), не может представить ее в суд. Если расписка пропала, ее владельцу, согласно эдикту Юстиниана, достаточно было дать клятву, что он ее не имеет, и

тогда его следовало оставить в покое [33, эдикт IX, гл. VII]. Эта оговорка, естественно, открывала для знатного лица возможность подкупа и использования связей для оказания влияния на своего должника.

Вместе с тем Юстиниан попытался учесть и интересы торгово-ремесленного населения города, в первую очередь его наиболее состоятельных слоев. Три закона Юстиниан посвятил аргиропратам, в каждом из которых он в той или иной степени пошел навстречу этому весьма влиятельному слою. Так он поступил, например, в вопросе о государственных должностях, купленных должниками аргиропратов или детьми этих должников. Аргиропраты просили, чтобы купленные должности рассматривались как приобретенные из занятых денег, а не из собственных средств. Юстиниан признал притязания аргиропратов обоснованными и постановил, чтобы должности, купленные должниками аргиропратов или их детьми, в случае невозможности возратить занятую сумму продавались в счет уплаты долга. Исключение составляли лишь должности, приобретенные детьми должников из средств матери или полученные от императора [33, нов. 136, гл. II].

VII эдикт Юстиниана предоставил аргиропратам преимущество перед другими кредиторами их должников [33, эдикт VII, гл. III]. Кроме того, они получали право возбуждать процесс относительно имущества, проданного их должниками или находившегося в залоге [33, эдикт VII, гл. IV]. Если должник аргиропрата, в свою очередь, давал кому-нибудь деньги взаймы, то аргиропраты имели право на эту сумму и могли возбудить дело [33, эдикт VII, гл. III].

В 136-й новелле Юстиниан подтвердил право аргиропратов на получение 8% прибыли [33, нов. 136, гл. IV, V]. В IX эдикте, однако, императору пришлось

вновь вернуться к этому вопросу. Дело в том, что должники аргиропратов, ссылаясь на то, что их кредиторы имеют ту или иную должность (а в этом случае разрешалось взимать лишь 6% [17, IV, 32, 26, § 2]), не соглашались выплачивать им 8%. Юстиниан посчитал это недостаточным предлогом и оставил за аргиропратами право на получение 8% прибыли. Аргиропраты между тем претендовали на больший процент под тем предлогом, что им постоянно приходится одалживать деньги. Юстиниан на это не согласился, но все же оставил в силе договоры, составленные до опубликования этого эдикта. Лицам, согласившимся в свое время на уплату превышающих указанную норму процентов, предписывалось уплатить те проценты, которые значились в договоре. При этом они не имели права включать деньги, уплаченные сверх установленных законом процентов, ни в сумму долга, ни в сумму 8% [33, эдикт IX, гл. V].

Значительно менее определенны законы об аргиропратах в отношении займов, предоставляемых менялами-ростовщиками знатным лицам. По словам императора, он пытался в данном случае найти некий средний путь, и этот путь, как мы видели, нередко оказывался более выгодным представителям аристократии, нежели их кредиторам.

Одной из новелл, вышедших после восстания Ника, была 106-я новелла, посвященная навикуляриям. В ней предписывалось, чтобы кредиторы навикуляриев при взимании процентов придерживались размеров, установленных законом и обычаем [33, нов. 106].¹

¹ О порядке взимания процентов на ссуды, оказываемые навикуляриям, см. выше, с. 113.

В интересах торгово-ремесленного слоя (как его верхушки, так и менее состоятельных групп) была составлена и вышедшая в июне 537 г. 43-я новелла, в которой Юстиниан запретил церкви, аристократии и должностным лицам освобождать свои лавки и мастерские — под угрозой их изъятия — от уплаты налогов и перекладывать бремя налогового гнета на остальных ремесленников и торговцев [33, нов. 43, гл. I]. Закон этот, по-видимому, плохо выполнялся, и в ноябре того же года император повторил свой запрет [33, нов. 59, предисл.], который был явно не по душе аристократическим кругам, но, по всей видимости, хотя бы на время ослабил недовольство торгово-ремесленного населения.

Развернувшееся вскоре после восстания Ника грандиозное строительство (одним из шедевров которого является знаменитая св. София), потребовавшее значительного числа рабочих рук, также, вероятно, уменьшило круг недовольных своим положением лиц и смягчило на время социальные противоречия в городе.

Итак, вполне очевидно, что после восстания Ника Юстиниан попытался ослабить недовольство различных групп населения. Конечно, он не отказался ни от своих широких внешнеполитических планов, ни от мер по регламентации экономической жизни империи (вспомним государственные монополии на производство и продажу отдельных товаров [35, т. III, XXVI, 18—22],¹ запрет взимать установленные законом про-

¹ О шелковой монополии см. [255, с. 10—12; 79, с. 90 и сл.; 239, с. 235—236]. По мнению Р. Лопеса, установление шелковой монополии было вызвано нехваткой рабочих рук в государственных мастерских, где в результате этой меры было сконцентрировано производство шелка, изготавливавшегося и на продажу. См. возражения М. Я. Сюзюмова [94а, с. 37—36]. О соляной монополии см. [239, с. 235].

центы прибыли и т. п.), но все же его политика утратила ту жесткую определенность, которая была характерна для нее в первые годы его правления; она стала более гибкой, в ней обнаружились колебания и лавирование между различными группами населения (аристократией и аргиропратами); само законодательство стало более многословным и менее четким.

И все же, несмотря на все попытки, Юстиниану не удалось до конца привлечь на свою сторону ни сенат, ни торгово-ростовщическую верхушку (вспомним заговор аргиропратов в 562 г.), ни тем более народные массы. С 547 г. волнения вспыхивают с новой силой и следуют одно за другим. Поэтому значение восстания Ника, на наш взгляд, заключается не в том, что Юстиниан, разгромив все оппозиционные группировки, укрепил собственную власть, а скорее в том, что он так и не смог установить ту автократию, к которой стремился в первые годы своего правления.

Глава IX

ВОССТАНИЕ НИКА И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ В КОНЦЕ V — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VI в.

Для большинства западных исследователей восстания 532 г. в Константинополе характерна тенденция рассматривать это народное движение в отрыве от сложной социально-политической борьбы того периода, в лучшем случае связывая его с выступлениями партий ипподрома [293; 75; 148, т. II, с. 39—48; 235, т. I, с. 271—272; 128, с. 82—91; 178, с. 41 и сл; 180, с. 102 и сл.]. В подобном изображении восстание Ника представляется событием исключительным, почти невероятным. Мы же, со своей стороны, хотим отметить необыкновенную типичность этого восстания, в котором нашли свое отражение характерные особенности социально-политической борьбы конца V — первой по-

ловины VI в., начиная от существенных черт и кончая незначительными деталями.

Прежде всего восстание Ника происходило в бурную эпоху, когда редкий год не был отмечен крупным мятежом или мелким волнением. Источниками зафиксированы мятежи в 491 г. [22, с. 141; 31, с. 94], 493 [31, с. 94], 498 [26, с. 394—395; 16, с. 608; 22, с. 168], 501 [22, с. 167; 31, с. 95], 507 [31, с. 96; 41, с. 149—150], 511 [40, с. 137—138; 41, с. 154], 512 [26, с. 406—408; 22, с. 170; 31, с. 97—98; 44, с. 195; 16, с. 609; 21, III, 40; 46, VII, 9], 514 [22, с. 146], 515 [41, с. 161], 518 [37, кол. 1057 и сл.; 22, с. 171], 520 [22, с. 171], 523 [26, с. 416; 41, с. 166], 532, 547 [26, с. 483; 41, с. 225], 549 [26, с. 484; 41, с. 226], 550 [26, с. 484; 41, с. 227], 553 [26, с. 486], 556 [26, с. 488; 41, с. 230], 559 [26, с. 490—491], 560 [41, с. 234], 561 [41, с. 235—236], 562 [26, с. 492; 41, с. 237], 563 [41, с. 239], 565 гг. [22, с. 176]. Отдельные годы отмечены не одним, а несколькими событиями подобного рода. Так, в 507, 561 и 562 гг. волнения среди населения случались дважды, а в 562 г. помимо двух народных выступлений имел место заговор агиропратов, к которому оказались причастны представители аристократии [26, с. 493—495; 41, с. 237—238; 22, с. 173—175].

Следует учесть и ряд народных волнений, не поддающихся точной датировке. Так, об одном из значительных по масштабам столкновений между прасинами и венетами известно лишь то, что оно произошло в правление Анастасия, во время языческого праздника вриты, когда префектом города был Илья. Вооруженные сторонники враждующих партий бросились друг на друга; в схватке погибло много народа [22, с. 142]. Без точной даты сохранилось упоминание и о мятеже,

происшедшем в конце правления Юстиниана, когда приговоренного к смерти прасина возили с позором по городу; в квартале Питтакии его отбили венеты и спрятали в церкви св. Софии, возле которой было «сильное волнение» (ἡ στάσις μεγάλη) [22, с. 175].

Кроме того, необходимо учесть и то, что в источниках не сохранились упоминания обо всех мятежах. Иногда авторы ограничивались простым указанием на то, что в тот или иной период было много народных волнений. Так, по свидетельству Феодора Чтеца, Анастасий по причине уличных беспорядков приказал префекту города сопровождать его во время религиозных процессий [49, с. 134]. Для времени Юстина известны лишь волнения 518, 520, 523 гг. Между тем Иоанн Малала пишет, что при этом императоре до того, как префектом города стал Феодот, венеты неоднократно устраивали беспорядки [26, с. 416]. Согласно Феофану, они «бесчинствовали в течение пяти лет» [41, с. 166]. Поскольку Феодот стал префектом Константинополя в 523 г. [26, с. 416; 314, с. 117], надо полагать, что волнения венетов происходили неоднократно с 518 по 523 г. Эдикт 527 г., направленный против беспорядков, устраиваемых цирковыми партиями [26, с. 422], по-видимому, также находится в непосредственной связи с какими-то волнениями.

Ко всему этому следует добавить войну с исаврами, тянувшуюся несколько лет [22, с. 143 и сл., 167 и сл.; 40, с. 126—127; 26, с. 393—394; 41, с. 137; 31, с. 94—95; 29, гл. 23; 46, VII, 1], мятеж Виталиана [22, с. 143—147; 26, с. 402; 31, с. 98—99; 41, с. 157 и сл.; 160, с. 80—94], восстания самаритян и евреев Кесарии Палестинской [26, с. 445—447; 16, с. 619; 22, с. 171; 332], мятежи в Антиохии [26, с. 392—393, 395—398, 416 и сл.; 41, с. 166], Александрии [26,

с. 401; 41, с. 151—152, 162—163], Пафлагонии [22, с. 142], Кизике [26, с. 491—492] и в других местах [26, с. 416; 41, с. 166].

Таким образом, эпоха необычайно насыщена народными волнениями и мятежами (более 30 за 74 года в одном Константинополе), среди которых восстание Ника является наиболее значительным. Вместе с тем восстание Ника отразило характерные черты социально-политической борьбы того периода, которая отличалась необычайной сложностью и разнообразием. Это была и борьба внутри господствующего класса, и борьба народных масс против социального угнетения. Нередко аристократия пыталась использовать народные движения в своих целях, в результате чего социально-политическая борьба приобретала еще более запутанный характер.

Волнения, происходившие в Константинополе в конце V — первой половине VI в., можно условно разделить на два типа: 1) борьба партий и 2) совместные выступления народных масс. В последнем случае далеко не всегда идет речь о партиях ипподрома.

Борьба между партиями обычно начиналась во время ристалищ и порой действительно носила характер столкновения на почве спортивного соперничества. В 520 г., во время консульства Виталиана, димоты начали беспорядки на ипподроме. Против них бросили войска, и многие были убиты. После этого партии помирились, и по окончании игр, на которых присутствовал префект города Феодор, они «вместе покинули театр». На следующий день, снова собравшись на ипподроме, партии стали просить, чтобы император вышел к ним, и потребовали своих любимых орхистов. Император удовлетворил их просьбы, и димоты, одетые в плащи цвета своих партий, придя в

сильное возбуждение, стали хватать и бросать в море паракенотов [22, с. 171].¹ Следовательно, даже это волнение, спортивный характер которого наиболее ярко выражен, в конце концов приобретает социальный оттенок.

В большинстве случаев, когда борьба между партиями также начиналась в непосредственной связи с играми, их вражда принимала настолько ожесточенный характер, что невозможно не предположить какие-то другие, более глубокие ее причины.

В 501 г., во время праздника вриты, произошло кровопролитное столкновение между прасинами и венетами. Прасины принесли с собой на ипподром сосуды, в которые были спрятаны оружие и камни, прикрытые сверху фруктами, и поставили якобы для продажи в портиках ипподрома. В тот момент, когда на трибуне появился префект города Константин Цурукка и, как обычно, еще шумели голоса горожан, прасины незаметно достали из сосудов их содержимое, и град камней обрушился на ничего не подозревавших зрителей. Затем, обнажив мечи, прасины бросились на своих противников и «обагрили себя кровью многих горожан, не пощадив своих друзей и близких» [31,

¹ Ю. Кулаковский [55, т. II, с. 31] считает, что в плащах по городу бегали танцоры, забавлявшие зрителей особым танцем. Текст допускает и такое толкование. Иначе понимают это место А. П. Дьяконов и А. А. Васильев [51, с. 207; 314, с. 111]. А. П. Дьяконов полагает, что волнение на ипподроме началось с выступления прасинов, так как венеты до этого времени поддерживали Виталиана. Это суждение представляется необоснованным, поскольку население как Константинополя, так и других городов открыто выражало свои симпатии Виталиану независимо от принадлежности к той или иной партии [41, с. 159, 161; 37, кол. 1083, 1085; 314, с. 109, 158].

с. 95].¹ Растерявшиеся венеты попытались бежать, и многие из тех, кто не был убит, погибли в начавшейся давке. Всего от этой резни пострадало более 3 тыс. человек [31, с. 95; 22, с. 167]. В числе погибших оказался незаконный сын Анастасия [22, с. 167; 41, с. 225].

Ряд сильных волнений подобного рода приходится на вторую половину правления Юстиниана. 11 мая 547 г., при префекте города Фоме, во время празднования «дня рождения» Константинополя, произошла схватка между обеими партиями. Против них были посланы экскувиты и солдаты, которые убили множество людей, другие же были задавлены в толпе во время бегства [26, с. 483; 41, с. 225].

В июле 549 г. произошло новое столкновение между партиями, в результате которого был сожжен дом Парда. Пожар распространился на соседние районы, вплоть до квартала Элевсия (близ форума Феодосия) [227, с. 328—329]. И вновь было немало человеческих жертв [26, с. 484; 41, с. 227].²

В апреле следующего года, при префекте города Иоанне Кокорвии, произошло столкновение димов на

¹ Это замечание Марцеллина Комита любопытно в том отношении, что оно перекликается со свидетельством Прокопия Кесарийского [35, т. I, А, I, 24, 2—6], согласно которому даже члены одной семьи могли принадлежать к разным партиям. Похоже, что рассказ Прокопия имеет под собой гораздо больше оснований, чем кажется на первый взгляд.

² Ю. Кулаковский [55, т. II, с. 321—322] и Э. Штейн [301, с. 778] относят этот мятеж к 548 г. Правильной, на наш взгляд, является датировка А. П. Дьяконова [51, с. 205] и Н. В. Пигулевской [78, с. 142], которые датируют его 549 г. У Иоанна Малалы в соответствующем абзаце даты нет, а Феофан отделяет это событие от волнения 11 мая 547 г. двумя годами.

ипподроме, хотя там в тот момент не было игр. И вновь дело не обошлось без кровопролития. По свидетельству Иоанна Малалы и Феофана, погибло много людей от обеих партий [26, с. 484; 41, с. 227]. Как свидетельствует Феофан, толпа во время побоища «бросилась грабить эргастии» [41, с. 227].

559 год¹ также был отмечен упорной борьбой между димами. 13 мая, после окончания игр, прасины, возвращаясь с ипподрома, проходили портик Мосхиана. Неожиданно они подверглись оскорблению со стороны людей из расположенного вблизи дома Апиона [227, с. 311],² после чего на них напали венеты. Столкновения произошли и в других местах города. Переправившиеся из Сик венеты начали поджигать приморские склады. Если кто-нибудь пытался тушить пожар, они поражали его из лука. Прасины, со своей стороны, тоже не бездействовали: по словам Иоанна Малалы, они всячески пытались отплатить венетам той же монетой [26, с. 491]. Так, в Неории они сожгли дом, принадлежавший, по всей вероятности, логофету Андрею [227, с. 308], который в 563 г. стал префектом города [41, с. 239]. Произошло столкновение и на центральной улице Константинополя — Месе. Здесь был подожжен дом Петра Варсимы. Пожар распространился до Халки Тетрапила и противоположного пор-

¹ Н. В. Пигулевская [78, с. 144] относит это событие к 557 г., Ю. Кулаковский [55, т. II, с. 322], А. П. Дьяконов [51, с. 193], А. Шнейдер [294, с. 385] — к 559 г.; Э. Штейн [301, с. 776] — к 562 г. На наш взгляд, наиболее верной датировкой является 559 г., так как у Малалы мятеж помещен под седьмым годом индикта.

² По-видимому, речь идет о доме префекта претория времен Анастасия и Юстина. Возможно, в нем жил и внук Апиона, также Апион, сын Стратигия.

тика. Беспорядки продолжались два дня и были прекращены лишь после вмешательства войска во главе с комитом экскувитов Марином и куропалатом Юстином, которые с трудом смогли усмирить обе партии [26, с. 491].

Характерно, что во время этого волнения пострадали два важных чиновника — Петр Варсима и Андрей, которые самым непосредственным образом были связаны с деятельностью префектуры претория. Петр был в то время главой этого ведомства [33, эдикт XI; 301, с. 776], а логофет Андрей или возглавлял финансовое бюро префектуры претория [301, с. 215], или был логофетом наподобие Марина Сирийца [26, с. 400; 301, с. 204] и Александра по прозвищу Псалидий [35, т. II, III, 1, 28—31; 35, т. III, XXVI, 30—34], деятельность которых была связана с провинцией. По-видимому, в этом волнении проявилась не только взаимная неприязнь партий, но и недовольство населения финансовой политикой Юстиниана, которую направлял в тот период Петр Варсима. Около двадцати лет Петр занимал важнейшие государственные посты. Дважды он был комитом священных щедрот и дважды — префектом претория [301, с. 774—776]. Его изощренность в добывании дополнительных средств для государства была не меньшей, если не большей, чем у Иоанна Каппадокийского. Введение им различных монополий [35, т. III, XXII, 7—38], повышение налогов [35, т. III, XXII, 14—19], сокращение пенсий [35, т. III, XXII, 36], удешевление солида [35, т. III, XXII, 38],¹ порча мелкой монеты

¹ Э. Штейн [301, с. 766—768] склонен объяснять удешевление солида тем, что в столицу попадали солиды александрийского монетного двора, которые имели меньшую стоимость, чем

[26, с. 486] — все это вызвало недовольство самых различных слоев населения, в особенности бедняков, которые больше всего страдали от вымогательств Петра Варсимы, о чем весьма впечатляюще рассказывает Прокопий. В результате введения монополий на предметы первой необходимости цены, по словам этого историка, возросли в три раза, что особенно тяжело сказалось на положении людей «маленьких и неимущих, находящихся в крайней нужде и унижении». От введения хлебной монополии Юстиниан в год префектуры Петра Варсимы ежегодно получал дополнительно 300 либр золота, «а хлеб стал дороже, — пишет Прокопий — и полон золы» [35, т. III, XXVI, 12—24]. Враждебность населения к Петру, олицетворявшему собой тяготы фискального гнета, особенно ярко проявилась в этом мятеже. Таким образом, народные волнения тех лет явно не ограничиваются борьбой враждующих партий.

Новые столкновения между прасинами и венетами произошли в ноябре 561 г. Перед этим в октябре случился сильный пожар в гавани Кесарии, в результате которого погибли все расположенные там эргастии. В ноябре перед началом игр прасины на ипподроме напали на венетов. Узнав об этом, император появился в кафисме и приказал комиту экскувитов Марину и куратору Кесарии разнять партии. Однако тем не удалось усмирить сражающихся, многие из которых были убиты и ранены. Венеты пришли на места, где обычно сидели прасины, и подстрекали друг

константинопольские (в либре был 81 александрийский солид, а константинопольских — 72). Но это кажется маловероятным, так как соотношение между теми и другими монетами было хорошо известно.

друга: «Жги здесь, жги там. Здесь прасину не бывать». Прасины между тем врывались в кварталы венетов, бросали камни в тех, кого находили там, и кричали: «Жги, жги здесь. Здесь венету не бывать». На следующий день с восходом солнца они вновь ворвались в кварталы венетов и грабили их имущество. Император приказал схватить грабителей и подвергнуть их пыткам. Те, кому удалось бежать, спрятались в церкви св. Евфимии в Халкидоне. Но префекту города удалось извлечь их оттуда и подвергнуть наказанию. Напрасно матери и жены прасинов просили императора сжалиться над их близкими — женщин разогнали палками. Но и венеты были напуганы и укрылись в храме Богородицы во Влахернах [41, с. 235 — 236].

По всей видимости, пожар в гавани Кесарии и столкновение партий ипподрома месяц спустя были самым непосредственным образом связаны между собой, на что в свое время обратила внимание Н. В. Пигулевская [78, с. 145—146]. Пожар, вероятно, возник по вине венетов, за которыми уже числился поджог портовых складов прасинов в 559 г. Озлобление прасинов и их необычайно активные действия против венетов скорее всего и были вызваны этим пожаром. Подобный вывод напрашивается не только потому, что эти события следуют почти одно за другим, но и потому, что умирять прасинов на ипподроме было поручено куратору Кесарии.

Каковы же были причины столь ожесточенной борьбы партий? Необходимо отметить, что в схватке между ними принимали участие самые различные элементы общества. Это в первую очередь городская беднота, которая врывалась в эргастии и грабила все, что попадалось под руку, бросала в море паракенотов, поджигала дома наиболее ненавистных чиновников и

т. п. Бесспорно, это был наиболее активный элемент борьбы партий, но не единственный: в волнениях принимали участие и владельцы эргастриев (вспомним события 559 и 561 гг.) и даже аристократы.

В 523 г. новый префект города Феодот получил широкие полномочия для борьбы с наиболее мятежными членами партии венетов. Когда он начал сурово с ними расправляться, среди его жертв оказался сенатор Феодосий Стикка, которого Феодот казнил без ведома императора [26, с. 416]. В 559 г., как мы видели, на прасинов напали венеты, принадлежавшие к дому крупного землевладельца сенатора Апиона. В период правления своего дяди Юстина в борьбе партий на стороне венетов принимал участие и сам Юстиниан [314, с. 117; 301, с. 239].

Противоречия между влиятельными владельцами эргастриев (οἱ ἐργαστρίακοί) и знатью, о чем мы упоминали выше, и послужили, по-видимому, основой для борьбы партий ипподрома. Эти противоречия усугублялись определенными мерами правительства. Так, в 537 г. Юстиниан, желая упорядочить налогообложение, а главное — ослабить недовольство торгово-ремесленного населения города, издал по ходатайству глав корпораций 43-ю и 59-ю новеллы, в каждой из которых он под угрозой изъятия эргастриев запретил сенаторам освобождать от податей принадлежавшие им лавки и мастерские [33, нов. 43, гл. I; нов. 59]. Неизвестно, насколько точно это постановление выполнялось, но одного его появления было достаточно, чтобы усилить взаимную неприязнь аристократов и οἱ ἐργαστρίακοί.

В 544 г. вышла 122-я новелла, задевавшая уже интересы ремесленников и торговцев. Их обвинили в том, что, вместо того чтобы «исправиться после божьей

кары» (речь идет о чуме, свирепствовавшей в империи в конце 541 г.), «они, предавшись пороку алчности, требовали за свои изделия и труд двойную и тройную плату» [33, нов. 122]. Закон предписывал сохранять старую оплату, виновных же приговаривал к штрафу в тройном размере [33, нов. 122]. Новелла, по-видимому, имела в виду широкие слои трудового населения империи, в том числе строителей, скульпторов, лепщиков по гипсу и т. д. — словом, всех тех, кто в законе назван мастерами *διαφόρων τεχνῶν* [33, нов. 122], но он, несомненно, касался (и, возможно, в первую очередь) крупных торговцев, которые договаривались между собой (как это делали их собратья в конце V — начале VI в.; см. выше) о ценах на товары. Весьма существенным образом сказывалось на прибылях торгово-ростовщической верхушки и удешевление золотой монеты — солида (номисмы) [35, т. III, XXII, 38]. Все это, бесспорно, вызывало озлобление среди менял, ростовщиков, крупных торговцев и других состоятельных представителей торгово-ремесленного населения, и, быть может, усиление борьбы партий ипподрома во второй половине правления Юстиниана, в которой весьма активное участие принимают *οἱ ἐργαστηριακοί*, следует поставить в связь с политикой этого императора, направленной в известной степени против торгово-ремесленной верхушки.

Что же касается однородных по своему составу низов партий ипподрома, то для них борьба димов служила лишь удобным предлогом для выражения протеста против их бедственного положения. Об этом свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что любое столкновение между партиями, даже если оно возникло лишь на почве спортивного соперничества на трибунах ипподрома, в конечном итоге приобретало

социальный оттенок. К тому же борьба между партиями ипподрома и по количеству стычек, и по своему размаху значительно уступала общей борьбе народных масс против социального и политического угнетения.

Остановимся на наиболее крупных движениях подобного рода. В 491 г. префект города Юлиан запретил народу собираться на ипподроме [22, с. 141; 31, с. 94],¹ и горожане, видя в этом ущемление своих прав, ответили на постановление префекта весьма активными действиями: во время игр на ипподроме в присутствии Анастасия они подняли мятеж. Разгневанный император направил на подавление мятежа солдат, но усмирить народ силой не удалось. Восставшие подожгли ворота ипподрома, от чего пострадали и близлежащие портики. Анастасий вынужден был уступить, и место Юлиана занял зять императора патрикий Секундин [22, с. 141]. Через два года, однако, в 493 г., разразился новый мятеж. Разбушевавшаяся толпа сбросила с пьедесталов статуи императора и императрицы и таскала их по улицам [31, с. 94].²

И в том и в другом случае непосредственной причиной волнений были, по-видимому, попытки импе-

¹ А. П. Дьяконов полагает, что речь идет о собраниях вне зрелищ [51, с. 206]. Народ действительно собирался иногда на ипподроме вне зрелищ, как это подтверждается одним сообщением Малалы. По рассказу хрониста, в 550 г. произошло столкновение на ипподроме, хотя там не было игр [26, с. 484]. Вместе с тем речь, по-видимому, идет (как и в 493 г.) и о сокращении числа зрелищ, которые давали повод к народным мятежам.

² У Иоанна Антиохийского [22, с. 141] оба мятежа (491 и 493 гг.) объединены в один. По-видимому, более правильная датировка дана у Марцеллина Комита, она и принята исследователями [301, с. 81—82; 51, с. 204, 206]. Нет, однако, никаких оснований относить запрет Юлиана к 493 г., как это сделал А. П. Дьяконов [51, с. 206].

ратора ограничить число и размеры зрелищ, а по существу, вообще всякие сборища простого народа. Не случайно папа Геласий в своем письме к Анастасию в начале 494 г. упоминает, что тот «подавил народное волнение» *pro rebus ludicris* [23, кол. 46]. Вместе с тем в этих беспорядках оказались замешаны аристократы из исавров, оттесненные после смерти Зинона на задний план. По сообщению Иоанна Антиохийского, после восстания 491 г.¹ исаврам воспрещалось жить в столице, и они должны были немедленно покинуть город. Были изгнаны и орхисты, которых ранее разрешил иметь каждой из четырех партий ипподрома Лонгин, брат императора Зинона [22, с. 141].

Эти строгие меры едва ли были случайностью. Скорее всего исавры действительно имели отношение к мятежу 491 г., пытаясь использовать его для сохранения и укрепления своих позиций в столице и империи. Нельзя забывать, что до вступления на престол Анастасия они занимали важнейшие государственные посты, а сама Исаврия находилась в привилегированном положении, получая от государства денежные субсидии [22, с. 142]. Зинон стремился сохранить за исаврами господствующее положение и своими преэминиями хотел видеть брата Лонгина и магистра оффиций, также носившего имя Лонгин [41, с. 135—136]. Естественно, они не оставляли притязаний на престол и пытались использовать в своих интересах народное выступление.² Возможно, исавры были при-

¹ Хотя, как уже упоминалось, Иоанн Антиохийский объединяет оба мятежа, здесь, по-видимому, речь идет о событиях 491 г., так как к 493 г. война с исаврами была в самом разгаре и их в Константинополе практически не было.

² А. П. Дьяконов [51, с. 204] считает причиной восстания 491 г. недовольство венетов новым правительством и усиление прасинов. Но источники не дают никаких оснований для подо-

частны и к мятежу 493 г., т. е. в разгар войны с ними, поскольку у них могли быть в столице сторонники. Так, к их числу принадлежал патриарх Евфимий [41, с. 139—140; 40, с. 126—127].

В 498 г. в Константинополе произошел новый мятеж. На ипподроме во время ристаний прасины стали требовать у императора освобождения лиц, арестованных префектом города за то, что они устраивали беспорядки, бросая в своих противников камни (следует отметить, что камни нередко служили оружием для восставшего народа — так было в 501 г. [31, с. 95], 532 [28, с. 154], 563 [41, с. 236] и других годах). Разгневанный император не снизошел к просьбам народа, а приказал экскувитам обнажить оружие. Тогда и произошло «великое смятение». Димы двинулись к кафисме и стали бросать камни в императора. Один из камней, пущенный неким Мавром, едва не попал в цель. Анастасий уклонился от удара, а экскувиты изрубили бросавшего на куски. Раздраженные димоты подожгли Халку, и распространившийся пожар истребил портик ипподрома вплоть до кафисмы. Пострадал и весь портик до Эксаипия¹ и форума Константина. Император сурово наказал восставших, но вместе с тем пошел и на серьезную уступку: префект города был смещен, и его место занял патрон партии прасинов Платон [26, с. 394—395; 16, с. 608; 22, с. 167].²

¹ По мнению Р. Жанена, это был памятник из бронзы или мрамора, изображавший, как это видно из названия, шесть лошадей. Возможно, он стоял недалеко от форума Константина [227, с. 356].

² Ю. Кулаковский [55, т. I, с. 466], ссылаясь на Марцеллина Комита, относит этот мятеж к 493 г. Но рассказ Марцеллина Комита от 493 г. не имеет ничего общего с изложением Малалы и «Пасхальной хроники».

Наиболее сильным народным выступлением времен Анастасия было восстание 512 г. Оно непосредственно связано с другими выступлениями подобного рода, прежде всего с волнениями 507 и 511 гг., когда Анастасий пытался ввести монофиситство в столице. В 507 г. император пригласил в Константинополь известного монофисита Филоксена, талантливое проповедника и яркого противника Халкидонского собора. Возмущение столичного населения было настолько сильным, что император оказался вынужденным удалить Филоксена из города и издал распоряжение, согласно которому префект города был обязан сопровождать Анастасия во время шествий и религиозных процессий [41, с. 149—150; 40, с. 134]. В 511 г. во время службы в дворцовой церкви архангела Михаила и в соборе св. Софии было исполнено монофиситское трисвятое. Возмущенный народ разогнал монофиситов палками. Но монофиситы имели довольно солидную опору. Сам император, оказавшийся в союзе с Севером и Юлианом Галикарнассским, выступил против ортодоксального патриарха Македония и подверг его публичному оскорблению. Это еще больше возмутило народ; даже женщины приняли участие в движении против императора. Анастасий в страхе заперся во дворце и даже приготовил суда для бегства. Затем он сделал вид, что уступает, и пригласил к себе Македония. Приветствуемый схолами, патриарх торжественно вошел во дворец [40, с. 138; 41, с. 154].

Однако через год, 4 ноября 512 г., Марин Сириец и префект города Платон объявили в церкви св. Софии о введении монофиситского прибавления к трисвятому (ὁ σταυρωθεὶς δι' ἡμᾶς). Начавшиеся тут же беспорядки правительство жестоко подавило с помощью оружия, несмотря на то, что дело происходило в церкви [31,

с. 97]. На другой день то же самое повторилось в церкви св. Феодоры, и опять много горожан было убито [31, с. 97; 44, с. 195; 41, с. 195].¹ Тем не менее, когда на следующий день, 6 ноября, отмечалась память о том страшном дне 472 г., когда ветер донес до Константинополя пепел извергавшегося Везувия и землетрясение потрясло города Малой Азии, на форуме Константинополя собрался весь народ, пришедший в сильное возбуждение. Часть горожан, распевая псалмы, отправилась по городу, убивая попадавшихся на пути монофиситов. Другие продолжали оставаться на форуме, который был превращен в центр мятежа. Сюда были принесены ключи от города. Толпа низвергла статуи императора и волочила их по земле. Анастасий послал сенаторов Келера и Патрикия успокоить бушующих горожан, но восставшие прогнали их, бросая в них камнями [31, с. 98]. Народ требовал другого императора и, окружив дом патрикии Юлианы, провозглашал императором ее мужа Ареовинда [26, с. 407]. По-видимому, дело не обошлось без вмешательства аристократии, которая попыталась использовать народное возмущение в своих интересах. Ареовинд, однако, уклонился от оказанной ему чести и, опасаясь за свою жизнь, бежал на другой берег Босфора [26, с. 407]. Бушующая толпа направилась к дому Марина Сирийца, который, как и префект города Платон, бежал из города. Дом Марина был разграблен и сожжен [26, с. 407; 31, с. 98]. Вместе с домом Марина пострадал и дом другого сановника, племянника Анастасия, патрикия Помпея [31, с. 98], хотя он, как

¹ А. П. Дьяконов [51, с. 208] относит сообщение к 513 г., но едва ли для этого есть основания. Ср. [55, т. I, с. 504; 301, с. 178, примеч. 1].

было известно, не разделял монофиситских взглядов своего дяди [41, с. 159; 37, кол. 458, 465—466]. Таким образом, восстание, начавшееся как религиозное движение, приобрело явный социальный характер.

Не имея возможности подавить восстание силой, Анастасий отважился на весьма смелый маневр. Он появился без диадемы на ипподроме, где собравшийся народ стал требовать выдачи Платона и Марина на растерзание диким зверям. Император клялся, что исполнит все требования горожан, просил их успокоиться и прекратить поджоги и убийства. Вид Анастасия и его слова подействовали на восставших, и они стали упрашивать его надеть диадему, а затем мирно разошлись. Император, как и следовало ожидать, не выполнил своих обещаний и сурово расправился с восставшими [26, с. 408; 31, с. 98].

Хотя восстание 512 г. в изображении источников носит ярко выраженный религиозный характер, ряд обстоятельств, в том числе и сам ход восстания, заставляют предполагать, что религиозные причины были не единственными и, более того, не определяющими. Прежде всего, монофиситство в VI в. было неоднородно: в нем было два течения — крайнее и умеренное [301, с. 159—160; 193, с. 185—186]. Последнее численно преобладало; в его ряды входили один из образованнейших людей своего времени, антиохийский патриарх Север [193, с. 186], и сам Анастасий [46, VII, 8]. Расхождения между умеренным монофиситством и официальным православием были не столь уж велики, носили в значительной степени формальный характер. Монофиситы возражали против того, что у Христа было *δύο φύσεις*, отождествляя *φύσις* с *ὕποστασις* и понимая *φύσις* не как «природу», а как «лицо» [193, с. 209]. По их мнению, право-

славные рассекли Христа на два «лица», став, по сути дела, несторианами. Вместе с тем умеренные монофиситы так же враждебно относились к евтихианству [46, VII, 8; 193, с. 206], как и православные, и не отрицали, что Христа можно считать спасителем лишь в том случае, если он пострадал как человек [193, с. 209—210; 46, VII, 8]. Таким образом, умеренное монофиситство при известном к нему снисхождению вполне могло быть примиримо с догматами Халкидонского собора.

Причины ненависти к монофиситам в 512 г. лежали, по-видимому, не столько в религиозной догматике, сколько, надо полагать, в том, что Анастасий пытался ввести монофиситство силой при поддержке восточного духовенства. Вместе с Севером в столицу прибыло двести монахов [41, с. 152], которые и стали опорой императора в его религиозной политике. Не желая укрепления восточных элементов в Константинополе, его население было возмущено и тем, что Анастасий решил насаждать монофиситство, полностью игнорируя мнение народа и сената. Анастасий, как мы видели, всячески стремился ограничить активность народных масс. С первых лет своего правления он стал сокращать зрелища и всякого рода сборища на ипподроме. А теперь, в 512 г., император стремился навязать населению чуждые тому религиозные убеждения. Еще большее значение, на наш взгляд, имела финансово-экономическая политика Анастасия, хотя, быть может, не следует разграничивать эти два момента, ибо уменьшение числа зрелищ было, по-видимому, вызвано и стремлением сократить расходы казны. Скарედность Анастасия была общеизвестна [17, II, 8, 6; 25, III, 36], и даже авторы-монофиситы упрекают его в этом пороке [29, гл. 39].

Ненависть к Марину Сирийцу, чье многочисленное серебро разделила толпа при разграблении его дома, также была вызвана скорее всего экономическими причинами. Думается, не следует преувеличивать монофиситские взгляды Марина, которые в 519 г. при ортодоксальном императоре не помешали ему стать префектом претория. Как и Апион, он, по-видимому, переменил веру [314, с. 130]. Гнев, который возбудил у народных масс префект претория, несомненно, был в первую очередь обусловлен вымогательствами Марина, который помог Анастасию собрать для казны громадные деньги.¹

Итак, совместные выступления народных масс при Анастасии были вызваны тяжелым экономическим положением населения и стремлением правительства ограничить активность народных масс. Нелегкое положение народа послужило причиной и для других волнений, большинство которых падает на вторую половину правления Юстиниана.

В 553 г. в Константинополе произошло восстание бедняков, причиной которого, по словам Иоанна Малалы, послужила порча властями мелкой монеты. Волнения были настолько сильными, что Юстиниан приказал выпускать монеты по прежнему образцу [26, с. 486].

В мае 556 г. в столице не хватало хлеба. На ипподроме во время игр в честь «дня рождения» города в присутствии персидских послов народ стал кричать: «Василевс, [дай] изобилие городу!» По приказу императора префект города подавил мятеж. Характерно, что среди лиц, наказанных префектом, были знатные люди из

¹ О вымогательствах Марина см. [25, III, 36, 45—46].

партии венетов [26, с. 488; 41, с. 230]. По-видимому, аристократия и в этом случае попыталась использовать в своих интересах народное недовольство.

В 560 г., когда распространился слух о смерти императора, димы заволновались и захватили весь хлеб в булочных и пекарнях, так что уже утром следующего дня [41, с. 234]¹ нельзя было найти хлеба во всем городе. Положение было спасено сенатом, который принял необходимые меры для восстановления порядка.

Крупные волнения произошли в 563 г. в связи с назначением на пост префекта города некоего Андрея. Очевидно, речь идет о том самом логофете Андрее, дом которого пострадал во время волнений 559 г. Тогда он служил в префектуре претория под началом Петра Варсимы. По всей вероятности, Андрей, так же как и сам префект, был ненавистен народным массам из-за его вымогательств. Назначение Андрея на более высокий пост сулило народу новые невзгоды, и горожане подняли мятеж. Когда после назначения префектом Андрей ехал на колеснице в преторий, на него напали прасины и с проклятиями стали кидать в него камни. К прасинам присоединились венеты,² и на главной улице столицы Месе произошли большие беспорядки. Как и в январе 532 г., восставшие устремились в преторий и напали на его охрану. Император приказал куропалату Юстину усмирить бушующую толпу. «Зачинщики» беспорядков были схвачены, и

¹ ὦρα τρίτη, что, согласно В. Грумелю, обозначало разгар утра [202, с. 164].

² Ю. Кулаковский [55, т. II, с. 325] и Г. Манойлович [264, с. 675] полагают, что венеты выступили на стороне Андрея. См., однако, возражения Н. В. Пигулевой [78, с. 152].

много дней их водили с позором по городу; тем же, кто в ходе беспорядков пустил в ход оружие, отрезали пальцы [41, с. 239].

565 год, последний год правления Юстиниана, также был отмечен крупными волнениями. Префект претория Зимарх послал солдат и коментарисиев арестовать некоего Кесария, жившего в квартале Мезанциол. Жители Мезанциола, прасины, не выдали Кесария и выступили против солдат. Схватка продолжалась два дня, на протяжении которых солдаты не могли одолеть восставших. Юстиниан послал значительные подкрепления, но это еще больше озлобило восставших, которые перебили многих солдат и экскувитов. Однако и на стороне прасинов было немало погибших. Борьба охватила районы города, прилегавшие к Тетрапилу и преторию города. Здесь, по свидетельству хрониста, к прасинам присоединились венеты. В тот же день произошло столкновение и в квартале Стратигий.¹ Не в силах усмирить восставших, Юстиниан сместил Зимарха и на его место назначил Юлиана. Новый префект в течение десяти месяцев производил тщательное расследование, разыскивая среди димотов «воров, грабителей и убийц» и предавая их казни [22, с. 176]. В данном случае речь, бесспорно, идет о представителях низших слоев населения, городской бедноте, которая приняла в мятеже самое активное участие.

* * *

¹ Этот квартал находился к северу от Месы, в V регионе. В нем находилась самая старая тюрьма Константинополя [227, с. 169, 431—432], чем, возможно, объясняется то, что восстание с Месы, где также была тюрьма, перекинулось в Стратигий.

Итак, социально-политическая борьба в Константинополе в конце V — первой половине VI в. отличалась большой сложностью. Наряду с борьбой партий ипподрома между собой в этот период было немало совместных выступлений народных масс против правительства. Нередко в борьбу различных слоев населения вмешивалась аристократия, которая не только принимала непосредственное участие в столкновениях партий, но и использовала в своих интересах народные движения. Аристократия была замешана в народных выступлениях 491, 493, 512 и 556 гг., она участвовала и в заговоре аргиропратов в 562 г.

Все особенности сложной социально-политической борьбы конца V — первой половины VI в. с необыкновенной яркостью проявились в восстании Ника, которое можно по праву назвать наиболее типичным восстанием этого периода. Начавшись с борьбы партий, оно перешло во всеобщую борьбу народных масс против социального угнетения. Причиной восстания Ника, как и многих других народных выступлений в Константинополе, послужило тяжелое положение горожан, усугубленное финансово-экономической политикой императора. Немалое значение имели и стремление Юстиниана (как и Анастасия) осуществлять свои политические идеи, полностью игнорируя мнение сената и народа, его попытки ограничить активность народных масс. Как и в волнениях 491, 512 и 563 гг., восставшие в 532 г. направили свой гнев против чиновников, проводивших в жизнь политику императора. Так же как и во всех движениях конца V — первой половины VI в., решающую роль в восстании Ника сыграл народ. Именно он добился отставки наиболее ненавистных чиновников, открыл тюрьмы, поджег государственные здания. Вместе с тем заметную роль в

восстании сыграла аристократия, которая навязала народу, как и в 512 г. (но на этот раз более успешно), своего кандидата на престол. Столь же характерны и методы борьбы восставших в 532 г.: метание камней, использование оружия и, наконец, поджоги, без которых не обходился почти ни один мятеж. Типично и поведение горожан накануне восстания, их диалог с императором Юстинианом, который очень напоминает диалог народа с патриархом Иоанном в храме св. Софии в 518 г., сразу же после восшествия на престол Юстина I [37, кол. 1057 и сл.]. Так же как и «Акты по поводу Калоподия», обращение к патриарху носит ритмический характер.¹ И в том и в другом случае есть сходство в выражении мыслей,² а иногда и отдельных фраз.³ Но самое главное, что роднит «Акты по поводу Калоподия» и диалог народа с патриархом Иоанном, это та свобода и даже резкость, с

¹ Ритм аккламаций, правда, несколько проще и в основном создается за счет повторения одинаковых фраз, например:

πολλὰ τὰ ἔτη τῷ βασιλεῖ.
 πολλὰ τὰ ἔτη τῷ πατριάρχῳ.
 ἄξιε τῆς τριάδος.
 ἡ ἅγια σύνοδος ἄρτι керυχθήτω.
 ἄξιε τῆς τριάδος.
 ἡ ἅγια Μαρία, θεοτόκος ἐστίν.
 ἄξιε τῷ θρόνῳ.
 ἡ ἅγια Μαρία, θεοτόκος ἐστίν...

² Таковы высказывания с помощью отрицания:

«Кто не говорит это, тот сам манихей» [37, кол. 1057].

«Кто не говорит, что истинно верует владыка, анафема тому, как Иуде» [41, с. 182].

³ «Пусть будут выкопаны кости Севера» [37, кол. 1057].

«Пусть будут выкопаны кости зрителей» [41, с. 184].

которыми народ обращается в одном случае к императору, в другом — к патриарху.¹

Немало и других деталей роднит восстание Ника с народными волнениями того периода. Так, события 532 г. развернулись главным образом на ипподроме, на Августеоне, Месе, форуме Константина, т. е. в местах, которые, по сути дела, являлись центром политической, социальной и культурной жизни столицы. Можно привести и более мелкие факты. Как и Анастасий в 511 г., Юстиниан в критическую минуту восстания готовил к бегству корабли, и, как тот же император в 512 г., он появился на ипподроме без диадемы и просил народ прекратить мятеж. Если же восстание Ника и выделяется среди многочисленных народных выступлений конца V — первой половины VI в., то прежде всего масштабом, драматизмом, силой сопротивления народных масс и значительностью последствий. При этом оно отразило многие типичные черты менее известных и менее широких народных волнений той эпохи.

¹ «Я свидетельствую: ты не уйдешь, пока не предашь анафеме Севера. Скажи ясно: анафема Северу.

Ты не сойдешь [с кафедры], если не предашь анафеме...

Я не уйду, если не объявишь [об этом], мы будем здесь до вечера» [37, кол. 1059].

«Лучше бы не родился Савватий, он не имел бы сына-убийцу» [41, с. 183].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период конца V — начала VI в. явился для столицы Византийской империи временем серьезных общественных потрясений, периодом острых социальных конфликтов, отличавшихся широтой вовлеченных в них общественных сил, сложностью противоречий, разнообразием форм и целей социально-политической борьбы. В ходе этих конфликтов подчас тесно переплетались между собой борьба отчаявшихся масс против социального угнетения и борьба внутри господствующего класса; аристократия нередко пыталась использовать народные движения в своих целях, отчего ход борьбы и общее течение событий приобретали подчас неожиданную окраску и запутанный характер.

Наиболее типичным народным движением этой эпохи явилось восстание Ника, в котором нашли свое отражение все характерные особенности социально-политической борьбы указанного периода, как существенные, так и незначительные.

Восстание было обусловлено целым рядом важных причин — экономических, социальных, политических и религиозных.

В экономическом развитии Константинополя, столицы империи и крупного центра ремесла и торговли, в начале VI в. все отчетливее проявлялись укрепление

самостоятельности торгово-ремесленных корпораций, расцвет ростовщичества и разного рода коммерческих сделок (не исключавших махинаций), в которых принимала участие и аристократия. По приходе к власти Юстиниан весьма энергично повел борьбу против этих явлений. Уже сама кодификация права, где большое место отводилось вопросам экономики (в том числе и Константинополя), означала, что государство было твердо намерено поставить под свой контроль все без исключения сферы деятельности горожан. Введение в столице таможенных постов, попытки положить пределы ростовщичеству, ограничение частной деятельности сенаторов в сфере товарно-денежных отношений — эти и другие меры государственной регламентации, столь явственно проявившиеся в начальный период правления Юстиниана, обостряли противоречия как между населением и правительством, так и между отдельными социальными слоями горожан (аристократией и торгово-ростовщической верхушкой). В столице не было ни одной социальной группы или прослойки, интересы которой не были так или иначе задеты или ущемлены. Аристократов не устраивало чрезмерное, с их точки зрения, укрепление власти императора, проявлявшееся и в усилении его контроля над государственным аппаратом, и в ограничении их собственной коммерческой деятельности и реальной возможности проявлять политическую активность.

Контроль государства над ценами, устанавливаемыми торговцами, и процентами, взимаемыми при заключении сделок, сильно задел интересы торгово-ростовщической верхушки.

Что касается основной массы трудового населения Константинополя, то среди этих людей, еле сводивших концы с концами и постоянно видевших перед собой

призрак голода и нищеты, состояние недовольства и возмущения было наиболее глубоким. Кроме того, чудовищные злоупотребления (в основном взяточничество и вымогательства) ближайших сподвижников Юстиниана — префекта претория Востока Иоанна Каппадокийского и квестора Трибониана, — призванных проводить политику государственной регламентации в жизнь, окончательно дискредитировали ее в глазах избираемого императором и его клевретами народа.

Положение усугублялось тем, что в своем стремлении к внутренней консолидации государства и сильной единоличной власти Юстиниан всячески пытался снизить политическую активность партий ипподрома и народных масс вообще.

Недовольство населения города вызывала также религиозная политика императора, стремившегося и в этой сфере к максимальной унификации.

Атмосфера была накалена до предела. Взрыв стал неизбежным. И в январе 532 г. в Константинополе разразилось крупнейшее народное волнение ранневизантийской эпохи — восстание Ника. Начавшись как стихийный народный мятеж, оно обнаруживает с первого дня ярко выраженный характер широкого социального движения и, чем дальше, тем больше приобретает характер движения антиправительственного и даже антиимператорского по своей сути. Однако после неудачной попытки провозгласить императором патрикия Прова восстание определенно теряет четкую социальную и политическую направленность, вновь переходя в стихийный бунт и хаотическую борьбу внутри димов. С изгнанием же из Большого дворца племянников Анастасия Ипатия и Помпея восстание вновь обретает достаточно четкую политическую цель.

Столь причудливое, зигзагообразное развитие событий в ходе восстания Ника объясняется тем обстоятельством, что в нем приняли участие весьма разнородные элементы, в том числе сенаторская аристократия и династическая оппозиция.

Позиция сенаторов в восстании отличалась двойственностью. С первых же дней аристократические круги Константинополя попытались использовать народное движение в своих интересах и направить его по выгодному для них руслу. Их влияние на восстание отрицать невозможно. Однако в силу специфики своих интересов сенаторы отказались от решительных действий, и их союз с народными массами оказался временным.

Интересы сенаторской оппозиции не следует отождествлять с интересами оппозиции династической, наличие которой ряд исследователей считают одной из основных причин восстания. При Юстине и в первые годы правления Юстиниана династическая оппозиция (если вообще можно говорить о ее существовании) не представляла собой существенной угрозы правящей династии. Ипатий, Помпей и Пров не имели никакого отношения к началу восстания. Династическая оппозиция не была не только причиной, но даже и поводом к этому народному возмущению. Племянники Анастасия не играли в нем заметной роли вплоть до 18 января — дня провозглашения Ипатия императором. Примкнув к восстанию, династическая оппозиция не смогла закрепить успехи восставшего народа; даже напротив, — она способствовала разгрому восстания.

Решающую роль в восстании Ника сыграли народные массы. В VI в. народ был реальной политической силой и обладал необычайной политической активностью. При этом его разделение на партии ипподрома

играло второстепенную роль, столкновения между ними порой носили лишь спортивный характер, значительно уступая по своей силе и эффективности совместной борьбе обеих партий против правительства. Это самым непосредственным образом касается восстания Ника, в ходе которого единство и сила народа проявились с необыкновенной полнотой, а деление его на партии почти не ощущалось. Восставшие стали грозной силой и успешно вели бои с отборными дружинами Велисария и Мунда. В руках народа оказался почти весь Константинополь, за исключением Большого дворца. Хотя народ, поднявшийся на борьбу стихийно и неорганизованно, не смог, несмотря на размах движения, выдвинуть своего вождя и пошел на поводу у аристократии, восстание Ника было прежде всего народным движением; именно таким изображают его современники и более поздние авторы.

После восстания Ника Юстиниан принял ряд мер по укреплению режима, но вместе с тем попытался ослабить недовольство различных групп населения, сделав ряд серьезных уступок — в первую очередь сенаторской аристократии и торгово-ростовщической верхушке столицы. Конечно, император не отказался ни от своих широких внешнеполитических планов, ни от мер по регламентации экономической жизни империи, но его политика утратила ту жесткую определенность, которая была свойственна ей в первые годы его правления. Она стала более гибкой, в ней обнаружились колебания и лавирования между различными группами населения. Само законодательство стало более многословным и менее четким.

Тем не менее, несмотря на все его попытки, Юстиниану не удалось до конца привлечь на свою сторону ни сенат, ни торгово-ростовщическую верхушку, ни

тем более народные массы. С 547 г. волнения вспыхивают с новой силой и следуют одно за другим. Поэтому значение восстания Ника заключается не в том, как это принято считать, что Юстиниан, разгромив все виды оппозиции, окончательно укрепил собственную власть, а скорее в том, что он так и не смог установить ту автократию, к которой стремился в первые годы своего правления.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	— Античная древность и средние века. Свердловск.
ВВ	— Византийский временник. М.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ВО	— Византийские очерки. М.
ВС	— Византийский сборник. М. — Л.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗРВИ	— Сборник Радова Византологического института. Белград.
ПС	— Палестинский сборник. Л.
ARBVCLSMF	— Académie Royale de Belgique Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques. Bruxelles.
ВМ	— Byzantina — Metabyzantina. Chicago.
BS	— Byzantinoslavica. Praha.
Byz.	— Byzantion. Bruxelles.
BZ	— Byzantinische Zeitschrift. München.
CFHB	— Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Series Bero-linensis. B.
DOP	— Dumbarton Oaks Papers. Wash.
EHR	— Economic History Review. L.
FHG	— Fragmenta historicorum graecorum. P.
JHS	— Journal of Hellenic Studies. L.,
JRS	— Journal of Roman Studies. L.
JÖB	— Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Wien.
MGH, AA	— Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquis-simi. Hannover — Berlin.
PG	— J.-P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca. P.
PL	— J.-P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series latina. P.
RE	— Pauly—Wissowa—Kroll. Real—Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart.
REB	— Revue des études byzantines. P.
TM	— Centre de recherche d'histoire et civilisation byzantines. Travaux et Mémoires. P.

БИБЛИОГРАФИЯ

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. The Oxford Dictionary of Byzantium. Ed. A. P. Kazhdan. N. Y., — Oxf., 1991. Vol. 1—3.
2. Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire, Cambridge. Vol. 1. 1971.
3. Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2. Cambridge, 1980.
4. Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 3. Cambridge, 1992.

ИСТОЧНИКИ

5. Агафий. О царствовании Юстиниана. Вступит. ст., пер., примеч. М. В. Левченко. М., 1953.
6. Византийская Книга Эпарха. Вступит. ст., пер. и коммент. М. Я. Сюзюмова. М., 1962.
- 6а. Иордан. О происхождении и деяниях готв. Вступит. ст., пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960.
7. Прокопий из Кесарии. Война с готами. Пер. С. П. Кондратьева. Вступит. ст. З. В. Удальцовой. М., 1950.
- 7а. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Пер., статья, коммент. А. А. Чекаловой. М., 1993.
8. Прокопия Кесарийского История войн римлян с персами, вандалами и готфами. Пер. С. Дестуниса. Коммент. Г. Дестуниса. Кн. I—II. СПб., 1876—1891.
9. Прокопий Кесарийский. О постройках. Пер. С. П. Кондратьева. — ВДИ. 1939, № 4, с. 203—283.
10. Прокопий Кесарийский. Тайная история. Пер. С. П. Кондратьева. — ВДИ. 1938, № 4, с. 273—360.
11. Средневековье в свидетельствах современников. М., 1984.
12. Acta Conciliorum Oecumenicorum. Ed. E. Schwartz. T. II, vol. 2, 2: Concilium universale Chalcedonense. Rerum Chalcedonensium collectio Vaticana. Canones et symbolum. B., 1934.

13. Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque. Rec. Keydell R. — CFHB. Vol. II. 1967.

14. Des Byzantiner Anonymos Kriegswissenschaft. — Kochly H. und Rüstow W. Griechische Kriegsschriftsteller. 2. Theil: Die Taktiker, 2. Abteilung. Lpz., 1885.

15. Candidi Fragmenta. — FHG. T. IV, c. 135—137.

16. Chronicon Paschale. Rec. L. Dindorf. Vol. I. Bonnae, 1832.

17. Codex Justinianus. Ed. P. Krüger. — Corpus — Juris Civilis. Vol. II. B., 1954.

18. Constantini Porphyrogeniti De cerimoniis aulae byzantini. Ed. G. Reiske. Vol. I. Bonnae, 1829.

18a. Flavius Cresconius Corippus. In laudem Iustini Augusti minoris. Libri IV. Ed. Av. Cameron. L., 1976.

19. Cyrilli Scythopolitani Vita Sabae. Ed. E. Schwartz. — Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altkirchlichen Literatur. T. XLIX, 2. Lpz., 1939.

20. Digesta. Ed. Th. Mommsen — P. Krüger. — Corpus Juris Civilis. Vol. I. B., 1954.

21. Evagrius. The Ecclesiastical History. Ed. J. Bidez and L. Parmentier. L., 1898.

22. Excerpta historica iussu imp. Constantini Porphyrogeniti. Vol. III. Excerpta de insidiis. B., 1905.

23. Gelasii Papae I Epistolae et Decreta. — PL. T. 59, col. 11—190.

24. Georgius Cedrenus. Joannis Scylitzae ope. Vol. I. Bonnae, 1838.

24a. Georgii Monachi Chronicon. Ed. C. de Boor. Lpz., 1904.

25. Joannis Lydi De magistratibus populi Romani libri tres. Ed. R. Wuensch. Lipsiae, 1903.

26. Joannis Malalae Chronographia. Rec. L. Dindorf. Bonnae, 1831.

27. Joannes Moschus. Pratum Spirituale. — PG. T. 87, col. 2845—3116.

28. Joannis Zonarae Epitomae historiarum libri XVIII. Vol. III. Bonnae, 1897.

29. Joschua the Stylite. The Chronicle Composed in Syriac. A. D. 507. Cambridge, 1882.

29a. Hesychius Illustis. Patria Constantinopoleos — Scriptores Originum Constantinopolitanarum. Ed. Th. Preger. Lipsiae, 1901. Repr. N. Y., 1975 (Roman History. Advisory Ed. T. James Luce).

30. *Leontios von Neapolis*. Leben des Heiligen Johannes des Barmherzigen Erzbischofs von Alexandrien. Hrsg. von H. Gelzer. Freiburg und Leipzig, 1893.

31. Marcellini Comiti Chronicon. — MGH, AA. T. XI, vol. 2, fasc. 1.

31a. *Menandros*. Excerpta de legationibus. Ed. C. de Boor. B., 1903, c. 442—447.

32. Notitia dignitatum accedunt notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi provinciarum. Ed. O. Seek. B., 1876.

33. Novellae. Ed. R. Schöll, G. Kroll. — Corpus Juris Civilis. Vol. III. B., 1954.

34. Papyrus grecs d'époque byzantine. Ed. J. Maspero. Vol. 2. Le Caire, 1913.

34a. Constantinople in the Early Eight Century: The *Parastaseis syntomoi chronikai*. Ed. Av. Cameron and J. Herrin. Leiden, 1984.

35. Procopii Caesariensis Opera omnia. Rec. J. Haury, G. Wirth. Lipsiae, 1962—1964. Vol. I. A). De Bello Persico; Б). De bello Vandalico. Vol. II. De Bello Gothico. Vol. III. Historia arcana. Vol. IV. De aedificiis.

36. *Procopius*. Ed. G. Dindorf. Vol. I—III. Bonnae, 1833—1838.

37. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. ed. J. D. Mansi. Vol. VIII. Florentiae, 1762.

38. *Sozomenus*. Kirchengeschichte. Hrsg. von J. Bidez, G. Ch. Hansen. B., 1960.

39. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae. ed. H. Delehaye. Bruxelles, 1902.

40. *Theodoros Anagnostes*. Kirchengeschichte. B., 1971.

41. Theophanis Chronographia. Rec. C. de Boor. Vol. I. Lipsiae, 1883.

42. Theophylacti Simocattae Historia. Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887.

43. *Varia graeca Sacra*. Ed. Пападопуло-Керамевс А. СПб., 1909.
- 43a. *Vie et récits de l'abbé Daniel, de Scété*. Ed. L. Clugnet — *Revue de l'Orient Chrétien*. P., 1900. Vol. 5. P. 254—261.
44. *Victoris Tonnenensis Chronica* — MGH, AA. T. XI, vol. 2, fasc. 1.
45. *Vita S. Auxentii*. — PG. T. 114, col. 1377—1436.
46. *Zacharias Rhetor*. Die sogenannte Kirchengeschichte. Ed. K. Ahrens. G. Krüger. Lpz., 1889.

ЛИТЕРАТУРА

47. *Адонц Н.* Армения в эпоху Юстиниана. Ер., 1971.
- 47a. *Ангелов Д.* История на Византия. Т. I. София, 1959.
48. *Беляев Д.* Облачение императора на Керченском щите. — ЖМНП, 1893, октябрь, с. 321—373.
49. *Винкельман Ф.* О роли народных масс в ранней Византии (В порядке дискуссии). — ВВ. 1979, т. 40, с. 26—36.
50. *Гийан Р.* Очерки административной истории Ранневизантийской империи (IV—VI вв.). — ВВ. 1964, т. XXIV, с. 35—48.
- 50a. *Глушанин Е. П.* Византия и средневековый Крым. Барнаул, 1992.
- 50б. *Досталова Р.* Напряженность социальной обстановки в Византии V—VI вв. в отражении анонимного трактата *Περὶ πολιτικῆς ἐπιστήμης*. — ВВ. 1990. Т. 51.
51. *Дьяконов А. П.* Византийские димы и факции (τὰ μέρη) в V—VII вв. — ВС, 1945, с. 144—217.
52. *Дьяконов А. П.* Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908.
53. *Залесская В. Н.* Письменные источники о художественной обработке металла в византийской Сирии. — ПС. 1969, вып. 19 (82), с. 183—194.
54. *История Византии*. Т. I. М., 1967.
55. *Кулаковский Ю.* История Византии. Т. II. Киев, 1912; Т. I. 1913.
56. *Культура Византии*. IV — первая половина VII в. М., 1984.

57. Курбатов Г. Л. Византия в VI столетии. Л., 1959.
58. Курбатов Г. Л. ΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑ в политической жизни византийского общества и города. — Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1976, с. 173—178.
59. Курбатов Г. Л. Еще раз о византийских димах и новой теории Кэмирона. — Средневековый город. Вып. III. Саратов, 1975, с. 2—20.
60. Курбатов Г. Л. К проблеме перехода от античности к феодализму в Византии. — Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1980, вып. 3, с. 3—21.
61. Курбатов Г. Л. К проблеме типологии городских движений в Византии. — Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1974, вып. 1, с. 44—61.
- 61а. Курбатов Г. Л. Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли. Л., 1991.
62. Курбатов Г. Л. Ранневизантийский город (Антиохия в IV веке). Л., 1962.
63. Курбатов Г. Л. Ранневизантийский город IV—VI вв. (Антиохия в IV—VI вв. и основные проблемы внутреннего развития города). Автореф. док. дис. Л., 1966.
64. Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. (Конец античного города в Византии). Л., 1971.
65. Курбатов Г. Л. Термин δῖμος у Либания и вопрос о происхождении византийских димов. — XXV Международный конгресс востоковедов. Труды делегации СССР. М., 1960.
- 65а. Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Византия: проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984.
66. Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму. — Город и государство в древних обществах. Межвузовский сборник. Л., 1982, с. 56—77.
67. Кучма В. В. Византийские военные трактаты VI—X вв. как исторический источник. — ВВ. 1979, т. 40, с. 49—75.

67а. Ласкин Г. Заметки по древностям Константинополя. О некоторых пунктах, упоминаемых историками по поводу мятежа «Ника» — ВВ. 4, 1897 г., с. 524—528.

68. Лебедева Г. Е. Ранневизантийское законодательство о городских и государственных рабах (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). — Средневековый город. Вып. III. Саратов, 1975, с. 29—33.

69. Лебедева Г. Е. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980.

70. Левченко М. В. Венеты и прасины в Византии в V—VII вв. — ВВ, 1947, т. I, с. 163—183.

71. Левченко М. В. История Византии. М. — Л., 1940.

72. Левченко М. В. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. — ВС. 1945, с. 12—95.

73. Липшиц Е. Э. Суд и право в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976.

74. Моммзен Т. История Рима. Т. V. М., 1949.

75. Надлер В. К. Юстиниан и партии цирка в Византии. Харьков, 1876.

76. Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VII вв. М. — Л., 1964.

77. Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V — VII вв. — ВВ. 1947, т. 1, с. 184—214.

78. Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М. — Л., 1946.

79. Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. М. — Л., 1951.

80. Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннем средневековье. М. — Л., 1956.

81. Пигулевская Н. В. К вопросу об организации и формах торговли и кредита в ранней Византии. — ВВ. 1951, т. IV, с. 84—90.

82. Пигулевская Н. В. К вопросу о борьбе демонов в ранней Византии. — ВВ. 1952, т. V, с. 216—222.

83. Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V и VI вв. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник. М. — Л., 1940.

84. Пигулевская Н. В. Производство шелка в Византии и Иране в IV в. — ВВ. 1956, т. X, с. 3—8.

85. Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М. — Л., 1941.

86. Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917.

87. Сюзюмов М. Я. Византийский город (сер. VII—сер. IX вв.). — ВВ. 1967, т. XXVII, с. 38—70.

88. Сюзюмов М. Я. Закономерный переход к феодализму и синтез. — АДСВ. 1975. Сб. 12, с. 33—53.

89. Сюзюмов М. Я. Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада. — ВВ. 1973, т. 35, с. 3—18.

90. Сюзюмов М. Я. О наемном труде в период кодификации римского права. — ВДИ. 1958, № 2, С. 132—142.

91. Сюзюмов М. Я. О правовом положении рабов в Византии. — Ученые записки Свердловского государственного педагогического института. Вып. 11, 1955, с. 165—192.

92. Сюзюмов М. Я. О функциях раннесредневекового города. — АДСВ. 1977. Сб. 14, с. 34—51.

93. Сюзюмов М. Я. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV века. — Ученые записки УГУ. Вып. 11, 1952, с. 84—134.

94. Сюзюмов М. Я. Предпринимательство в византийском городе. — АДСВ. 1966, Сб. 4, с. 2—30.

94а. Сюзюмов М. Я. Ремесло и торговля в Константинополе. — ВВ. 1951, т. IV, с. 11—41.

95. Сюзюмов М. Я. Трудовые конфликты в Византии. — ВО. 1971, с. 26—74.

96. Сюзюмов М. Я. Экономика пригородов византийских крупных городов. — ВВ. 1956, т. XI, с. 55—81.

97. Удальцова З. В. Византия и Западная Европа (типологические наблюдения). — ВО. 1977, с. 66—78.

98. Удальцова З. В. Законодательные реформы Юстиниана. — ВВ, 1965, т. XXVI, с. 3—45; ВВ, 1967, т. XXVII, с. 3—37.

99. Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М., 1974.

100. *Удальцова З. В.* Италия и Византия в VI в. М., 1960.
101. *Удальцова З. В.* К вопросу о мировоззрении византийского историка VI в. Евагрия. — ВВ, 1969, т. 30, с. 63—72.
102. *Удальцова З. В.* Мировоззрение византийского историка VI в. Агафия Миринейского. — ВВ, 1968, т. XXIX, с. 153—169.
103. *Удальцова З. В.* Мировоззрение византийского хрониста Иоанна Малалы. — ВВ, 1971, т. 32, с. 3—23.
104. *Удальцова З. В.* Мировоззрение Прокопия Кесарийского. — ВВ, 1971, т. 31, с. 8—22.
105. *Удальцова З. В.* Народные движения в Северной Америке при Юстиниане. — ВВ, 1952, т. V, с. 15—48.
106. *Удальцова З. В.* Некоторые изменения в экономическом положении рабов в Византии VI в. — ЗРВИ, 1963, т. VIII, ч. 1, с. 281—290.
107. *Удальцова З. В.* Положение рабов в Византии (преимущественно по данным законодательства Юстиниана). — ВВ, 1964, т. XXIV, с. 3—34.
108. *Удальцова З. В.* Проблемы типологии феодализма в Византии. — Проблемы социально-экономических формаций (историко-типологические исследования). М., 1975, с. 124—157.
109. *Удальцова З. В.* Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969.
110. *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. СПб., 1913.
111. *Успенский Ф. И.* Партии цирка и димы в Константинополе. — ВВ, 1894, т. 1, с. 1—16.
112. *Фихман И. Ф.* Египет на рубеже двух эпох. Ремесленники и ремесленный труд в IV — середине VII в. М., 1965.
113. *Фихман И. Ф.* Оксирих — город папирусов. М., 1976.
- 113а. *Чекалова А. А.* К вопросу о возникновении сенаторского сословия Константинополя — ВВ, 1989, т. 50, с. 47—58.
114. *Чекалова А. А.* Восстание Ника и социально-политическая борьба в Константинополе в конце V — первой половине VI в. — ВО, 1977, с. 158—181.
115. *Чекалова А. А.* Иешу Стилит или Прокопий? (К вопросу о манере изображения греческими и сирийскими авторами войны

между Византией и Ираном в 502—506 гг.) — ВВ. 1981, т. 42, с. 71—77.

116. Чекалова А. А. К вопросу о димах ранней Византии. — ВО. 1982, с. 37—53.

117. Чекалова А. А. Константинопольские аргиропраты в эпоху Юстиниана. — ВВ. 1973, т. 34, с. 15—21.

118. Чекалова А. А. Народ и сенаторская оппозиция в восстании Ника. — ВВ. 1971, т. 32, с. 24—39.

119. Чекалова А. А. О датировке Актов Калоподия. — АДСВ. 1973, Сб. 10, с. 225—228.

119а. Чекалова А. А. Родственные и дружеские связи как фактор стабильности сенаторского сословия Константинополя в IV—VI вв. — ББ. 1994, т. 55 (80), с. 91—94.

120. Чекалова А. А. Сенаторская аристократия Константинополя в первой половине VI в. — ВВ. 1972, т. 33, с. 12—32.

121. Ahrweiler H. Byzance et la mer. La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe — XVe siècles. P., 1966.

122. Ahrweiler H. Fonctionnaires et bureaux maritimes à Byzance. — REB. 1961, t. 19, с. 239—252.

123. Ahrweiler H. L'ideologie politique de l'Empire byzantin. P., 1975.

124. Anastos Milton V. Justinian's Despotic Control over the Church as Illustrated by Edict on the Theopaschite Formula and His Letter to Pope John II in 533. — ЗПВИ. 1963, t. VIII, кн. 2, с. 2—11.

125. Antoniadis — Bibicou H. Recherches sur les douanes à Byzance. P., 1963.

126. Arsac P. La dignité sénatoriale au Bas — Empire. — Revue historique de droit français et étranger. P., 1969, т. 2, с. 198—243.

126а. Atkinson J. E. The Nika riots and 'hooliganism' — Acta patristica et Byzantina. Pretoria (South Africa). 1990, vol. 1, p. 119—133.

127. Baldwin B. A. Note on the Religious Sympathies of Circus Factions. — Byz. 1978, т. XLVIII, с. 275—276.

128. Barker J. Justinian and the Later Roman Empire. Madison, 1966.

128a. *Barnes T. D.* The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge (Mass.); L.; 1982.

129. *Beaucamp J. et al.* Temps et Histoire I. Le prologue de la Chronique paschale. — TM. 1979, t. 7, c. 223—301.

130. *Beck H.-G.* Das byzantinische Jahrtausend. München, 1978.

131. *Beck H.-G.* Geschichte der orthodoxen Kirche im byzantinischen Reich. Göttingen, 1980.

132. *Beck H.-G.* Großstadt — Probleme: Konstantinopel vom 4—6. Jahrhundert. — Studien zur Frühgeschichte Konstantinopels. München, 1973, c. 1—26.

133. *Beck H.-G.* Kirche und Klerus im staatlichen Leben von Byzanz. — REB. 1966, t. XXIV, c. 1—24.

134. *Beck H.-G.* Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959.

135. *Beck H.-G.* Konstantinopel — das neue Rom. — Gymnasium. Heidelberg, 1964, Bd. 71, c. 166—174.

136. *Beck H.-G.* Konstantinopel. Zur Sozialgeschichte einer frühmittelalterlichen Hauptstadt. — BZ. 1965, Bd. 58, c. 11—45.

137. *Beck H.-G.* Senat und Volk von Konstantinopel. Probleme der byzantinischen Verfassungsgeschichte. Bayerische Akademie der Wissenschaften, philos. — hist. Klasse. Sitzungsberichte, 1966. Heft. 6. München, 1966.

138. *Boak E. R., Dunlap A. S.* Two Studies in Later Roman and Byzantine Administration. N. Y., 1924.

139. *Bonini R.* Introduzione allo studio dell'età giustiniana. Bologna, 1977.

140. *Booramra J. L.* Christian Philanthropy: A Study of Justinian's Welfare Policy and the Church. — Byzantina. Thessaloniki, 1975, t. 7, c. 345—373.

141. *Boulnois L.* La route de la soie. P., 1963.

142. *Bratianu G.* Empire et démocratie à Byzance. — BZ. 1937, Bd. 37, c. 86—111.

143. *Brehier L.* Les institutions de l'Empire byzantin. P., 1949.

143a. *Brown P.* The World of Late Antiquity AD 150—750. L., 1971.

144. *Browning R.* The Byzantine Empire. L. — N. Y., 1980.

145. *Browning R.* Justinian and Theodora. L., 1971.
146. *Browning R.* The Riot of A. D. 387 in Antioch: The Role of Theatrical Claques in the Later Roman Empire. — JRS. 1952, vol. 42, c. 13—20.
147. *Bury J.* A History of the Later Roman Empire. Vol. I—II. L., 1889.
148. *Bury J.* History of the Later Roman Empire. Vol. I—II, N. Y., 1958.
149. *Bury J.* The Nika Riot. — JHS. 1897, vol. XVII, c. 92—119.
150. *Bury J.* Zu einer Stelle der Chronik des Theophanes. — BZ. 1897, Bd. VI, c. 508.
151. Byzantium and the Classical Tradition. Birmingham, 1981.
152. Byzanz im 7. Jahrhundert. Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus, von Winkelmann F., Köpstein H., Ditten H., Rochow I. B., 1978.
153. The Cambridge Medieval History, Vol. IV: The Byzantine Empire. P. 1—2. Cambridge, 1966—1967.
154. *Cameron Al., Long J.*, with a contribution by Sherry L. Barbarians and Politics at the Court of Arcadius. Berkely; Los Angeles; Oxf., 1993.
155. *Cameron Al.* Circus Factions and Religious Parties: A Rejoinder. — Byz. 1980, t. L., c. 336—337.
156. *Cameron Al.* Circus Factions. Blues and Greens at Rome and Byzantium. Oxf., 1976.
157. *Cameron Al.* The House of Anastasius. — Greek, Roman and Byzantine Studies. Durham, 1978, vol. XIX, c. 259—276.
158. *Cameron Al.* Porphyrios the Charioteer. Oxf., 1973.
- 158a. *Cameron Av.* Continuity and Change in Sixth-Century Byzantium. L. (Variorum Reprints), 1981.
- 158b. *Cameron Av.* The Later Roman Empire, AD 284—430. Cambridge (Mass.), 1993.
- 158в. *Cameron Av.* The Mediterranean World in Late Antiquity. L.; N. Y., 1993.
- 158r. *Cameron Av.* Procopius and the Sixth Century. Berkely; Los Angeles, 1985.

159. *Capizzi C.* L'imperatore Anastasio I (491—518). Studio sulla sua vita, la sua opera et la sua personalita. Roma, 1969.

159a. *Čekalova A. A.* Der Nika-Aufstand — Volk und Herrschaft... S. 11—17.

160. *Charanis P.* Church and State in the Later Roman Empire. The Religious Policy of Anastassius the First, 491—518. Madison, 1939.

161. *Charanis P.* On the Social Structure of the Later Roman Empire. — Byz. 1945, т. XVII, с. 39—57.

161a. *Chassin L.* Bélisaire, généralissime byzantin (504—565). P., 1957.

162. *Chastagnol A.* La fin du monde antique. De Stilicon à Justinien (Ve siècle et début VIe). P., 1976.

163. *Christophilopulu Ai.* Σιλέντιον. — BZ. 1951, т. 44, с. 79—85.

164. *Claude D.* Die byzantinische Stadt in der 6. Jahrhundert. München, 1969.

165. *Clauss M.* Der Magister officiorum in der Spätantike (4.—6. Jahrhundert). München, 1981.

166. *Constantelos D. J.* Paganism and State in the Age of Justinian. — Catholic Historical Review. Wash., 1976, т. 53, с. 372—380.

167. *Çront Ch.* Les Dèmes et les partis politiques dans l'Empire byzantin aux Ve — VIIe siècles. — Revue des études Sud-Est européennes. Bucarest, 1969, т. VII, с. 671—674.

168. *Cruikshank Dodd. E.* Byzantine Silver Stamps. Wash., 1961.

168a. *Dagron G.* Constantinople imaginaire: Etudes sur le recueil des Patria. P., 1984.

168b. *Dagron G.* Empereur et prêtre: Etude sur le «césaropapisme» byzantin. P., 1996.

169. *Dagron G.* Les moines de la ville: le monachisme à Constantinople jusqu'au concile de Chalcédoine (451). — TM, 1970, т. 4, с. 229—276.

170. *Dagron G.* Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451. P., 1974.

171. *Darrouzès J.* Recherches sur les ΟΦΦΙΚΙΑ de l'église byzantine. P., 1970.

171a. *Demandt A.* Die Spätantike: Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian 284—565 n. Ch. München, 1989.

172. *De Robertis F. M.* Il fenomeno associativo nel mondo romano. Dai collegi della repubblica alle corporazioni del Basso Impero. Napoli, 1955.

173. *Diehl Ch.* Justinien et la civilisation byzantine au VIe siècle. P., 1901.

174. *Diehl Ch.* Le sénat et le Peuple byzantin au VIIe et VIIIe siècles. — Byz. 1924, t. I, c. 201—213.

175. *Dölger F.* Das Aetikon. — BZ. 1930, Bd. 30, c. 450—457.

176. *Dölger F.* Paraspota. Ettal, 1961.

177. *Dölger F.* Rezension von Lopez R. S. The Role of Trade in the Economic Readjustment of Byzantium in the Seventh Century. — BZ. 1960, Bd. 53, c. 224—225.

178. *Downey G.* Constantinople in the Age of Justinian. Norman, 1960.

179. *Downey G.* A History of Antioch in Syria. Princeton, 1961.

180. *Downey G.* The Late Roman Empire. N. Y., 1969.

181. *Downey G.* The Persian Campaign in Syria in A. D. 540. — Speculum. Boston—Cambridge, 1953, vol. 28, c. 340—348.

182. *Durlat J.* Magister Militum — Στρατηλάτης dans l'Empire Byzantin (VIe—VIIe siècles). BZ. 1979, Bd. 72, c. 306—320.

183. *Dvornik F.* The Circus Parties in Byzantium: their evolution and suppression. — BM. 1946, vol. I, c. 119—133.

184. *Dvornik F.* Early Christian and Byzantine Political Philosophy. Origins and Background. Wash., 1966.

185. *Ellul J.* Histoire des institutions. Vol. I. Institutions grecques, romaines, byzantines, francques. P., 1955.

186. *Evans J. A. S.* Procopius. N. Y., 1972.

187. *Evans J. A. S.* The Nika Rebellion and the Empress Theodora. — Byz. 1984, t. LIV, c. 380—382.

188. *Fenster E.* Laudes Constantinopolitanae. München, 1968.

189. *Fine J. V. A.* Two Contributions on the Demes and Factions in Byzantium in the Sixth and Seventh Centuries. — ЗРВИ. 1967, т. 10, с. 29—37.

190. *Foss C.* Byzantine and Turkish Sardis. Cambridge (Mass.) — London, 1976.

191. *Fotiou A. S.* Byzantine Circus Factions and Their Riots. — JÖB, 1978, Bd. XXVII, c. 1—10.

192. *Franzius E.* History of Byzantine Empire. N. Y., 1967.

193. *Frend W. H. C.* The Rise of the Monophysite Movement. Chapters in the History of the Church in the Fifth and Sixth Centuries. Cambridge, 1972.

194. *Fuchs F.* Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Lpz. — B., 1926.

195. *Gagé J.* Les classes sociales dans l'Empire Romain. P., 1964.

196. *Gascou J.* Les institutions de l'hippodrome en Egypte byzantine. — Bulletin de l'Inst. Franç. d'Archéol. Or. P., 1976, t. 76, c. 185—212.

197. *Gibbon E.* The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. IV. L., 1898.

198. *Gouillard J.* L'hérésie dans l'Empire byzantin des origines au XII siècle. — TM. 1965. t. I, c. 299—324.

198a. *Greatrex G.* The Composition of Procopius' Persian Wars and John the Cappadocian — Prudentia. 1995. Vol. 27. No. 1. P. 1—13.

1986. *Greatrex G.* The Nika riot: a reappraisal (в печати).

199. *Greco V.* Die Abstammung des Historikes Petros Patrikios. — BZ. 1940, Bd. 40, c. 448.

200. *Gregoire H.* Le Peuple de Constantinople ou les Bleus et les Verts? — Comptes Rendus de l'Académie des inscriptions et belles — lettres. P., 1946, c. 568—578.

201. *Gren E.* Kleinasien und der Ostbalkan in der wirtschaftlichen Entwicklung der römischen Kaiserzeit. Uppsala—Leipzig, 1941.

202. *Grumel V.* La Chronologie. P., 1958.

203. *Guilland R.* Etudes de topographie de Constantinople byzantine. T. I—II. Berlin—Amsterdam, 1969.

204. *Guilland R.* Études sur l'hippodrome de Byzance. Les spectacles de l'hippodrome.—BS. 1967, t. XXVIII, c. 262—277.

205. *Guilland R.* La noblesse byzantine. Remarques.—REB. 1966, t. XXIV, c. 40—57.

206. *Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. T. I—II. Berlin—Amsterdam, 1967.

207. *Hahn J.* Freie Arbeit und Sklavenarbeit in der spätantiken Stadt.—*Annales Universitatis Budapestinensis de Rolando Eötvös nominate. Sectio historica.* Budapest, 1961, t. III, c. 23—40.

208. *Haldon J. F.* On the Structuralist Approach to the Social History of Byzantium.—*BS.* 1981, t. 42, c. 203—211.

209. *Hanton E.* Lexique explicatif du Recueil des Inscriptions grecques chrétiennes d'Asie Mineure.—*Byz.* 1929, t. IV (1927—1928), c. 53—136.

210. *Hardy E.* The Large Estates of Byzantine Egypt. N. Y., 1931.

211. *Haury J.* Petros Patrikios Magister und Petros Patrikios Barsymes.—*BZ.* 1905, Bd. XIV, c. 529—531.

212. *Hearsey J.* The City of Constantine (324—1453). L., 1963.

213. *Helmer S.* Der Neuchalkedonismus. Geschichte. Berechtigung und Bedeutung eines dogmengeschichtlichen Begriffes. Bonn, 1962.

214. *Hohlfelder R. L.* (ed.). City, Town and Countryside in Early Byzantine Era. N. Y., 1982.

214a. *Holmes W. G.* The Age of Justinian and Theodora. A History of the Sixth Century A. D. L., 1905—1907. Vol. 1—2.

215. *Honoré T.* Tribonian. L., 1978.

216. *Hunger H.* Byzanz, eine Gesellschaft mit zwei Gesichtern. Kobenhavn, 1984.

217. *Hunger H.* Hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. I—II. München, 1978.

218. *Hunger H.* On the Imitation (Mimesis) of Antiquity in Byzantine Literature.—*DOP.* 1969—1970, № 23—24, c. 15—38.

219. *Hunger H.* Reich der neuen Mitte. Graz — Wien—Köln, 1965.

220. *L'imperatore Giustiniano: storia e mito.* Giornate di studio a Ravenna, 14—16 Ottobre 1976, Milano, 1978.

221. *Irmischer J.* AKTA ΔΙΑ ΚΑΛΟΠΟΔΙΟΝ — Orbis Mediaevalis. Weimar, 1971, c. 78—88.

222. *Irmischer J.* Paganismus in Justinianischen Reich.—*Klio.* B., 1981, Bd. 63, c. 683—688.

223. *Irmischer J.* Zum Menschenbild der justinianischen Epoche.—*Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1978, t. 26, c. 71—85.

224. *Jacobs D.* Constantinople: City on the Golden Horn. N. Y., 1969.

225. *Jacoby D.* La population de Constantinople à l'époque byzantine.—*Byz.* 1961, t. XXXI, c. 81—109.

226. *Jaczynowska M.* Les associations de la jeunesse romaine sous le haut—Empire. Warszawa, 1978.

227. *Janin R.* Constantinople byzantine. P., 1964.

228. *Janin R.* La géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin. Première partie. T. III. Les églises et les monastères. P., 1953.

229. *Janssens Y.* Les Bleus et les Verts sous Maurice, Phocas et Héraclius.—*Byz.* 1936, t. XI, c. 449—536.

230. *Jarry J.* Hérésies et factions dans l'empire Byzantin du IVe au VIIe siècles. Le Caire, 1968.

231. *Johnson A. C., West L. C.* Byzantine Egypt: Economic Studies. Princeton 1949.

232. *Jones A. H. M.* The Cloth Industry under the Roman Empire.—*EHR*, Second Series. 1960, vol. III, c. 183—192.

233. *Jones A. H. M.* The decline of the Roman Empire. L., 1976.

234. *Jones A. H. M.* The Greek City from Alexander to Justinian. Oxf., 1940.

235. *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire, 284—602. A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. I—III. Oxf., 1964.

236. *Jones A. H. M.* Slavery in the Ancient World. — Slavery in Classical Antiquity. Views and Controversies. Ed. by M. J. Finley. Cambridge, 1970, c. 1—15.

237. *Jones A. H. M. et al.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1971.

237a. *Kaegi W. E.* Byzantine Military Unrest, 471—843. Amsterdam, 1981.

237b. *Kaegi W. E.* Nika revolt — The Oxford Dictionary of Byzantium... Vol. 2. P. 1473.

238. *Kaplan M.* Les propriétés de la couronne et de l'église dans l'Empire byzantin, V^e — VIe siècles. P., 1976.

239. *Karayannopoulos J.* Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. München, 1958.

240. *Karayannopoulos J.* Rezension von Χριστοφιλοπούλου Αί. 'Εκλογή, ἀναγόρευσις καὶ στέψις τοῦ Βυζαντινοῦ αὐτοκράτορος. Αθήναι, 1956.—BZ. 1957, Bd. 50, c. 467—474.

241. *Karlin-Hayter P.* Les 'AKTA ΔΙΑ ΚΑΛΑΠΟΔΙΟΝ — Byz. 1974, t. XLIII, c. 84—107.

242. *Karlin-Hayter P.* Studies in Byzantine Political History. Sources and Controversies. L., 1981.

243. *Kirsten E.* Die byzantinische Stadt. Berichte zum 11. Internationalen Byzantinistenkongress. München, 1958. Bd. 1. München, 1958.

244. *Knepp A.* Untersuchungen zur städtischen Plebs des 4. Jahrhunderts n. Chr. Bonn, 1979.

245. *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897.

246. *Lamma P.* Recherche sulla storia e la cultura del VI secolo. Brescia, 1950.

247. *Lécrivain Ch.* Le sénat romain depuis Dioclétien à Rome et à Constantinople. P., 1888.

248. *Lemerle P.* Le premier humanisme byzantin. Notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au Xe siècle. P., 1971.

249. *Lewis A. R.* Naval Power and Trade in the Mediterranean. A. D. 500—1100. Princeton, 1951.

249a. *Liebeschuetz J. H. W. G.* Antioch: City and Imperial Administration in the Later Roman Empire. Oxf., 1972.

250. *Liddell H. G., Scott R.* Greek-English Lexicon. Oxf., 1940.

251. *Lopez R. S.* An Aristocracy of Money in the Early Middle Ages. — Speculum. Boston—Cambridge, 1953, vol. XXVIII, c. 1—43.

252. *Lopez R. S.* Byzantine Law in the Seventh Century and Its Reception by the Germans and the Arabs. — Byz. 1944, t. XVI (1942—1943), c. 445—461.

253. *Lopez R. S.* Medieval Trade in the Mediterranean World. N.-Y., 1955.

254. *Lopez R. S.* The Role of Trade in the Economic Readjustment of Byzantium in the Seventh Century. — DOP. 1959, № 13, c. 67—85.
255. *Lopez R. S.* Silk Industry in the Byzantine Empire.—Speculum. Boston—Cambridge, 1945, vol. 20, c. 1—42.
256. *Maas P.* Metrische Akklamationen der Byzantiner.—BZ. 1912, Bd. XXI, c. 28—51.
257. *MacLagan M.* The City of Constantinople. N. Y., 1968.
258. *MacMullen R.* Enemies of the Roman Order: Treason, Unrest and Alienation in the Empire. Cambridge (Mass.), 1966.
259. *MacMullen R.* Social Mobility and the Theodosian Code.—JRS. 1964, vol. 54, c. 49—53.
260. *MacMullen R.* Soldier and Civilian in the Later Roman Empire. Cambridge (Mass.), 1963.
261. *Magoulias H. J.* Byzantine Christianity: Emperor, Church and the West. Chicago, 1970.
262. *Magoulias H. J.* The Lives of the Saints as Sources of Data for History of Byzantine Medicine in the Sixth and Seventh Centuries.—BZ. 1964, Bd. 57, c. 127—150.
263. *Mango C.* Byzantium: The Empire of New Rome. L., 1980.
264. *Manojlovič G.* Le peuple du Constantinople de 400 à 800 après J. C.—Byz. 1936, t. XI, c. 617—716.
265. *Maricq A.* La durée du régime des partis populaires à Constantinople.—ARBBSLSMP. 1949, t. XXXV, c. 63—74.
266. *Maricq A.* Factions du cirque et partis populaires.—ARBBSLSMP. 1950, t. XXXVI, c. 396—421.
267. *Mortindale J. R.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2. Cambridge, 1980.
268. *Meyendorff J.* Justinian, the Empire and the Church. — DOP. 1968, № 22, c. 43—60.
269. *Mickwitz G.* Die Organisationsformen zweier byzantinischen Gewerbe im X. Jahrhundert. — BZ. 1936, Bd. XXXVI, c. 63—76.
270. *Miller D. A.* Imperial Constantinople. N. Y. — L., 1969.
271. *Miller J. Innes.* The Spice Trade of the Roman Empire 29 B. C. to A. D. 641. Oxf., 1969.

272. *Mommsen Th.* Bruchstücke des Johannes von Antiochia und des Johannes Malalas. — *Hermes*. Berlin — Wiesbaden, 1872, Bd. VI, Heft 3, c. 323—383.

273. *Moravcsik Gy.* *Byzantinoturcica*. Bd. I. B., 1958.

274. *Mordtmann L.* Justinian und der Nika-Aufstand in Konstantinopel 10/19. Januar 532. — *Mitteilungen des deutschen Exkursionsklubs in Konstantinopel*. Heft IV, 1898.

275. *Nagl A.* *Liberius*. — *RE*. Bd. XIII, 1, col. 94—98.

276. *Ostrogorsky G.* *History of Byzantine State*. New Brunswick — New Jersey, 1957.

277. *Ostrogorsky G.* Löhne und Preise in Byzanz. — *BZ*, 1932, Bd. XXXII, c. 293—335.

278. *Pargoire J.* A propos de Boraidon. — *BZ*, 1903, Bd. XII, c. 449—493.

279. *Patlagean E.* *Pauvreté économique et pauvreté sociale à Byzance, 4e—7e siècles*. Paris — Le Haye, 1977.

279a. *Patrich J.* *Sabas, Leader of Palestinian Monasticism: A Comparative Study in Eastern Monasticism, Fourth to Seventh Centuries*. Wash., 1995.

280. *Pélékidis Ch.* *Histoire de l'éphébie attique des origines à 31 avant Jésus* — *Christ. P.*, 1962.

281. *Platon G.* *Les banquiers dans la législation de Justinien*. P., 1912.

282. *Pleket H. W.* *Collegium Juvenum Nemesiorum. A Note on Ancient Youth — Organisation*. — *Mnemosyne*. Leiden, 1969, vol. XXII, c. 281—298.

283. *Prinzing G.* *Zu den Wohnvierteln der Grünen und Blauen in Konstantinopel*. — *Studien zur Frühgeschichte Konstantinopels*. München, 1973, c. 26—48.

284. *Rambaund A.* *De Byzantino hippodromo et circensibus factionibus*. P., 1870.

285. *Rambaund A.* *Le monde byzantin: le sport et l'hippodrome à Constantinople*. — *Revue des deux mondes*. P., 1871, t. XCIV, c. 761—794.

286. *Die Rolle der Plebs im spätrömischen Reich*. Görlitzer — Eirene — Tagung 10—14. 10. 1967. B., 1969.

287. Die Rolle der Volksmassen in der Geschichte der vorkapitalistischen Gesellschaftsformationen. Hrsg. von J. Herrmann u. J. B. Sellnow. B., 1975.
288. *Rougé J.* Recherches sur l'organisation du commerce maritime en Méditerranée. P., 1966.
289. *Rubin B.* Prokopios von Kaisareia. Stuttgart, 1954.
290. *Rubin B.* Das Zeitalters Justinians. Bd. I. B., 1960.
291. *Runciman S.* The Byzantine Theocracy. Cambridge, 1977.
292. *Schlumberger G.* Sigillographie de l'Empire byzantin. P., 1884.
293. *Schmidt W. A.* Der Aufstand in Konstantinopel unter Kaiser Justinian. Zürich, 1854.
294. *Schneider A. M.* Brände in Konstantinopel. — BZ. 1941, Bd. 41, c. 382—403.
295. *Schultze M. V.* Altchristliche Städte und Landschaften. I. Konstantinopel. Lpz., 1913.
296. *Schubart W.* Justinian und Theodora. B., 1943.
297. *Seidler W.* Soziale Ideen in Byzanz. B., 1960.
298. *Sophocles E. A.* Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (from B. C. 146 to A. D. 1100). N. Y. — Lpz., 1904.
299. *Speck P.* Die Kaiserliche Universität von Konstantinopel. Präzisierung zur Frage des höheren Schulwesens in Byzanz im 9. und 10. Jahrhundert. München, 1974.
300. *Speck P.* Rezension von Lemerle P. Le premier humanisme byzantin. P., 1971. — BZ. 1974, Bd. 67, c. 385—393.
301. *Stein E.* Histoire du Bas-Empire. T. II. Paris — Bruxelles — Amsterdam, 1949.
302. *Stein E.* Justinian, Johannes Kappadozier und das Ende des Konsulats. — BZ. 1929—30, Bd. XXX, c. 376—381.
303. *Stein E.* Opera minora selecta. Amsterdam, 1968.
304. *Stein E.* Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches. Stuttgart, 1919.
305. *Stöckle A.* Spätromische und byzantinische Zünfte. Lpz., 1911.
306. *Stratos A. N.* Byzantium in the Seventh Century. Vol. I. Amsterdam, 1968.

307. Studien zu 7. Jahrhundert in Byzanz. Probleme der Herausbildung des Feudalismus. B., 1976.

308. *Talbot Rice D.* Constantinople. From Byzantium to Istanbul. N. Y., 1965.

309. *Teall J. L.* The Barbarians in Justinians Armies. — *Speculum*. Boston — Cambridge, 1965, vol. 40, c. 294—322.

310. *Teall J. L.* The Grain Supply of Byzantine Empire, 330—1025. — *DOP*. 1959, № XIII, c. 87—139.

311. *Tinnefeld F. H.* Die frühbyzantinische Gesellschaft. Struktur — Gegensätze — Spannungen. München, 1977.

312. *Ure P. N.* Justinian and His Age. Westport (Conn.), 1979.

313. *Vasiliev A. A.* The Goths in the Crimea. Cambridge (Mass.), 1936.

314. *Vasiliev A. A.* Justin the First. An Introduction to the Epoch of Justinian the Great. Cambridge (Mass.), 1950.

315. *Vickers M.* The Hippodrome at Thessaloniki. — *JRS*. 1972, vol. 62, c. 25—32.

316. *Vogt A.* L'hippodrome de Constantinople. — *Byz.* 1935, t. X, c. 482—488.

316a. Volk und Herrschaft im frühen Byzanz: Methodische und quellenkritische Probleme / Hrsg. von F. Winkelmann. B., 1991.

317. *Vryonis Sp. Jr.* Byzantine Circus Factions and Islamic Futuwwa Organizations. — *BZ*. 1965, Bd. 58, c. 46—59.

318. *Vryonis Sp. Jr.* Byzantine δημοκρατία and the Guilds in the Eleventh Century. — *DOP*. 1963, N XVII, c. 289—314.

319. *Waha M. de.* Pauvreté à Byzance. — *Byz.* 1979, t. 49, c. 465—490.

320. *Waltzing J. P.* Étude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains depuis les origines jusqu'à la chute de l'Empire d'Occident. T. II. Louvain, 1896.

321. *Wild J. P.* The Gynaecium at Venta and Its Context. — *Latomus*. Bruxelles, 1967, № 26, c. 648—676.

322. *Winkelmann F.* Kirchengeschichtsforschung als notwendige Komponente der Altertumswissenschaft. — *Helikon*. Roma, 1978—1979, anno XVIII—XIX, c. 540—546.

323. *Winkelman F.* Die Kirchengeschichtswerke im oströmischen Reich. — BS. 1976, t. XXXVI, c. 1—10, 172—190.

324. *Winkelman F.* Kirche und Gesellschaft in Byzanz vom Ende des 6. zum Beginn des 9. Jahrhundert. — Klio. B., 1977, Bd. 59, c. 477—489.

325. *Winkelman F.* Neue Beiträge zur Erforschung der frühbyzantinischen Gesellschaft. — Klio. B., 1983, Bd. 65, c. 507—530.

326. *Winkelman F.* Die östlichen Kirchen in der Epoche der christologischen Auseinandersetzungen (5. bis 7. Jahrhundert). B., 1980.

327. *Winkelman F.* Preliminarien zum Problem «Untere Volksschichten und theologisch — kirchen — politische Auseinandersetzungen» im frühen Byzanz. — Klio. B., 1982, Bd. 64, c. 171—178.

328. *Winkelman F.* Rolle und Problematik der Behandlung der Kirchengeschichte in der byzantinischen Historiographie. — Klio, 1984, Bd. 66, c. 257—269.

329. *Winkelman F.* Zur Rolle der Patriarchen von Konstantinopel bei den Kaiserwechseln in frühbyzantinischen Zeit. — Klio, 1978, Bd. 60, c. 467—481.

330. *Winkler S.* Byzantinische Deme und Faktionen. — Sozialökonomische Verhältnisse im Alten Orient und im Klassische Altertum. B., 1961, c. 318—328.

331. *Winkler S.* Zur Problematik der Volksbewegungen unter Justinian. Studii clasice. Bucuresti, 1961, III, c. 429—433.

332. *Winkler S.* Die Samariter in den Jahren 529/530. — Klio. B., 1965, Bd. 43—45, c. 435—457.

333. *Wipszycka E.* Les factions du cirque et les biens ecclésiastiques dans un papyrus égyptien. — Byz. 1970, t. XXXIX (1969), c. 180—198.

334. *Wirth P.* Grundzüge der byzantinischen Geschichte. Darmstadt, 1976.

335. *Zakythinos D.* Byzantinische Geschichte, 325—1071. Wien — Köln — Graz, 1979.

336. *Irmischer J.* Μορφή τοῦ Ἰουστινιανοῦ καὶ κριτικὴ τοῦ στὰ πρῶτα χρόνια τοῦ Βυζαντίου. — Βυζαντινά. Θεσσαλονίκη, 1982, τ. 11, c. 95—109.

337. Καλλιγᾶς J. Περὶ στάσεως τοῦ Νίκα. — Μελέται καὶ λόγοι. Αἰθῆραι, 1882, c. 329—358.

338. Καραγιαννόπουλος Ι. Ε. 'Ιστορία τοῦ Βυζαντινοῦ Κράτους. Τ. Α. Ή Θεσσαλονίκη, 1978.

338a. Καραγιαννόπουλος Ι. Ε. Πολιτική θεωρία των Βυζαντινών. Θεσσαλονίκη, 1988.

338b. Μισσίου Δ. Δῆμοι καὶ δημοκρατία στοὺ Βυζάντιο. — Αφιέρωμα στοὺ Νίκο Σφόρονο. Ρεθύμνο, 1986. Τ. Ι. Σ. 59—69.

338b. Μισσίου Δ. Η πολιτική στὴν καθημερινὴ ζωὴ τοῦ Βυζαντίου. Οι βένετοι στασιῶτες στὴν εποχὴ τοῦ Ιουστινιανού — Ή κατομερινὴ ζωὴ στοὺ Βυζάντιο. Αθήνα, 1989. Σ. 43—73.

339. Παπαρρηγόπουλος Κ. 'Ιστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους Τ. Γ'. Αθήνα, 1876.

340. Παπαρρηγόπουλος Κ. Ὁ μεσαιωνκός ἑλληνισμός καὶ ἡ στάσις τοῦ Νίκα. Αθήνα, 1868.

341. Χριστοφιλοπούλου Αἰ. Βυζαντινὴ ἱστορία. Τ. Α 324—610. Αθήνα, 1975.

342. Χριστοφιλοπούλου Αἰ. Ἑκλογή, ἀναγόμεναι καὶ στέναι τοῦ Βυζαντινοῦ αὐτοκράτορος. Αθήνα, 1956.

343. Χριστοφιλοπούλου Αἰ. Οι ἑκτέσ τῆς Κωνσταντινουπόλεως βυζαντινοὶ δῆμοι. Χαριστήριον εἰς Α. Κ. Ορλάνδον. Τ. II. Αθήνα, 1964, σ. 328—360.

344. Χριστοφιλοπούλου Αἰ. Ή σύγκλητος εἰς τὸ Βυζαντινὸν κράτος. Αθήνα, 1949.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авлавий, сын Мельтиада 107
Авлавий, сенатор 74
Авксентий 118
Агафий Миринейский 28, 121, 125—127, 133
Аддай 114—115
Адонц Н. 84
Александр Псалидий 264
Александр, сын Гиерия 74
Аллеманн 69
Альбин 76
Амаласунта 83
Амалы 80
Амантий 93, 97, 231
Анастасия 223
Анастасий I 8, 44, 54, 58, 69—75, 77—79, 82, 85, 86, 92, 93, 96, 124, 132, 168—170, 189, 192, 194, 204, 208, 209, 216, 221—225, 228, 231, 233—236, 242, 248, 258—259, 262—263, 269—276, 279, 281, 284, 285
Анастасий из Дары 74
Анастос М. В. 179
Анатолий 124
Андрей 263, 264, 277
Аниции 76, 79, 80
Антлас 184
Антониадис-Бибику Э. 32, 54, 114
Антонина 90, 136

- Антонины, династия 111
Анфимий из Тралл 121
Анфимий, префект претория 75, 77
Анфимий, император 75, 77, 90
Анфимий, сын императора 77
Апион (I), префект претория 70, 71, 263, 276
Апион (II), консул 70–72
Апионы, крупные землевладельцы 70, 72, 78, 149, 154, 263, 267
Ареовинд 75, 79, 231, 236, 273
Арвейлер Э. 32, 43, 45
Ариадна 77, 222
Аркадий 38, 112
Артемисия 211
Асклепиодот 94
Аспар 75, 79, 167
Астерий 144
Аэций 51
- Баркер Дж.** 13–14, 219
Бек Г.-Г. 30, 63, 65, 68,–70, 91, 94, 96, 129, 161, 167, 168, 241
Беляев Д. Ф. 168
Бесса 85–86
Боор К. де 181
Бозций 76
Братиану Г. 188
Браунинг Р. 13–14, 80, 86, 164, 188
Брейе Л. 249
Буза 86, 95
Бульнуа Л. 32
Бьюри Дж. 10–15, 20, 24, 61, 184, 188, 190, 192–195, 197, 203, 205, 219, 239, 244
- Валентиниан II** 38
Василид 124, 203, 220, 221, 240

- Василий Деций 76
Васильев А. А. 70, 85, 86, 206
Велисарий 15, 20, 76, 84, —85, 87–89, 90, 95, 107, 136,
203, 208, 210, 213, 217, 218, 242, 286
Вигилий 76
Вигилияncia 80
Виктор Тоннененский 28
Винкельман Ф. 161
Винклер С. 161, 219, 220
Вит 107
Виталиан 45, 86, 87, 99, 169, 178, 222, 223, 229, 232–234,
259–261
Волусиан 75
Вораид 58, 79, 213
- Гарди Е. 70, 72
Геласий 270
Георгий Амартол 25
Георгий Кедрин 24, 53
Герман, племянник Юстиниана 58, 80, 91, 126, 153, 160
Герман, родственник Маврикия 159–160
Гермоген 86, 87, 218, 221
Геродот 211
Гиббон Э. 7, 11, 12
Гиерий, сенатор 58, 59, 72–74
Гиерий, внук сенатора 74
Гийан Р. 45, 52, 58, 70, 73, 107, 192, 205
Гилар 95
Гисихий Милетский 202
Гомер 202
Гонорий 112
Гормизда 27, 223
Греку В. 83
Григорий 144
Грумель В. 277

- Дагрон Ж. 15, 30, 64, 65, 99, 130, 146, 161, 162, 165
Данлап А. 212
Дауни Г. 13–14, 73, 91, 219
Дворник Ф. 178
Демосфен, сенатор 95, 135
Дестунис Г. 69
Джонс А. 14, 32, 34, 35, 38–40, 62–63, 77, 82, 85, 107, 120, 125, 240, 250
Диагисфея 75
Диль Ш. 12, 15, 185, 219, 242
Диогениан 77
Диодор 212
Диоклетиан 55, 65
Дионисий Старший, тиран Сиракуз 212
Диоскор 124
Дьяконов А. П. 16, 64, 142, 151, 153, 156, 161, 188, 206, 219, 261–263, 269, 270, 273
Дэльтгер Ф. 31, 36
- Евагрий 24, 125, 144–145
Евбул 205
Евгений 94
Евдемон, консул 72, 88, 95
Евдемон, префект города 197, 203, 220, 240
Евдоксий 124
Евдоксия 75
Евсевий 107
Евфимий 271
Евфрат 95, 200
Елена, мать Константина 210, 227
Ефрем 236
- Жанен Р. 45, 52, 205, 271
Жари Ж. 153–154, 184
- Зайдлер Г. 68, 161

Зимарх 278

Зиноговиц Б. 36

Зион, император 49, 55, 60, 77, 79, 98, 104, 167, 250, 270

Зион, ритор 121

Зион, сенатор 77, 90, 95

Зоора 158

Иешу Стилит 28, 71, 231

Илья 258

Иоанн, внук Ипатия 248

Иоанн, патриарх 170, 223, 280

Иоанн, сын Василия 69

Иоанн, сын Луки 88

Иоанн, сын Руфина 77–78

Иоанн, юрист 124

Иоанн Антиохийский 104, 19, 196, 232, 269, 270

Иоанн Зонара 25, 26, 130, 204, 216, 240

Иоанн Каппадокийский 22–24, 27, 52, 80–82, 88, 90, 91, 113, 156, 171, 174–177, 200, 203, 217–220, 240–241, 264, 281

Иоанн Кирт 77

Иоанн Кокорвий 262

Иоанн Лаксарион 72

Иоанн Лид 24, 70, 202, 207, 213, 221, 240, 249

Иоанн Малала 11, 17, 19–22, 24–26, 73, 77, 84, 87, 91, 95, 97, 106, 107, 144, 145, 153, 154, 157, 190, 192, 194–195, 197–200, 202, 205, 206, 209, 233, 238, 240, 249, 250, 262, 263, 269, 271, 276

Иоанн Милостивый 101

Иоанн Мосх 53, 101, 109, 110

Иоанн Постник 39

Иоанн Скиф 77, 78

Иоанн Эфесский 58, 206

Иордан 80

Ипатий 8, 19, 78, 79, 92, 167, 189, 208, 209–210, 212–214, 216, 219, 221–222, 225–237, 242–243, 268, 284–285

Ираклий 36, 82

Ирина 248

Ирмшер И. 188, 193

Исакий 107

Исидор из Милета 126

Кавад I 78, 231, 233,

Каллигас П. 9, 10

Каллиоппий, комит 72—74

Каллиоппий, сын Гиерия 73

Калоподий, препозит 558—559 гг. 192

Калоподий, препозит времен Феодосия II 192

Калоподий, спафарий и кувикулярий 7, 9, 13, 16, 20, 158, 179, 181, 182, 187—194, 280

Калоподий, эконоом храма св. Софии 192

Камерон А. 142—148, 152, 156, 160, 182—185, 188, 189, 194—196, 199

Караяннопулос И. 31, 35, 54, 246

Каранис П. 65, 231, 232

Карлин-Хейтер П. 158, 181—188

Келер 96, 97, 99, 222, 223, 273

Кесарий 265, 266, 278

Кирстен Э. 31

Комито 84

Комнины, династия 26

Кондратьев С. П. 114

Константин I 65, 74, 164, 172, 210, 227, 242

Константин VII Багрянородный 10, 24, 25, 195—196, 206, 216, 217

Константин, правнук Гиерия 73

Константин Цурукка 261

Константин, юрист 124

Константиол 203, 240

Констанций II 77

Кратин 124

Крумбахер К. 83

Кулаковский Ю. 11, 12, 71, 178, 208, 230, 242, 261–263, 271, 277

Курбатов Г. Л. 16, 31, 64, 65, 102, 142

Лебедева Г. Е. 64, 65

Лев I 42, 77, 79, 167–168

Лев VI 36

Левченко М. В. 15–16, 68, 142, 153, 219

Лекривен Ш. 219, 222, 224

Лемерль П. 123

Леонтий 124

Либерий 72, 76

Лонгин, брат императора 270

Лонгин, магистр официий 270

Лопес Р. 32, 35, 36, 38, 39, 255

Льюис А. 32, 105

Маас П. 188, 191–196

Маврикий 39, 159

Магна 222

Македоний, патриарх 169–170, 222, 223, 272

Македоний, референдарий 94

Мамилиан из Кесарии 69

Манойлович Г. 142, 153, 154, 156, 277

Марин, комит 264, 265

Марин Сириец 90, 93, 170, 264, 272–274, 276

Мария, жена Ипатия 209

Маркелл 50, 80, 107

Маркиан, император 79

Маркиан, сын императора 77

Мартин 84

Марцеллин Комит 24, 59, 71, 72, 216, 229, 262, 269, 271

Масперо Ж. 105

Матасунта 80

Менандр 127

Миллер И. 32

Мина 119

Мордтман Л. 12

Мунд 85, 203, 210, 213, 242, 286

Мундар 88

Надлер В. К. 8

Нарсес 144, 183, 186, 212, 218

Нибур 83

Оливрий 75, 218, 248

Олимпиада 89

Оноре Т. 177

Ориген, сенатор 23, 210, 226–228, 237

Острогорский Г. 6, 13, 249–250

Павел Диакон 107

Паламия 223

Папарригопулос К. 9, 10, 229

Пассара 80

Патлажан Э. 63

Патрикий, квестор 124

Патрикий, полководец 231, 273

Пелагий I 76

Петр Варсима 52, 82, 101, 263–265, 277

Петр Патрикий 76, 82, 83, 88

Пигулевская Н. В. 16, 30, 46, 51, 54, 105, 142, 154, 161,
262, 263, 266, 277

Плакидия 76

Платон, префект города 271–274

Платон Ж. 103

Полихроний 59

Помпей, племянник Анастасия I 19, 78, 79, 92, 208, 213,
214, 219, 222–223, 225, 228–230, 233–236, 242–243,
248, 273, 284, 285

Презентин 124

Прейекта 80, 248

Принцинг Г. 156

Приск 94

Пров 19, 58, 78, 79, 92–93, 204, 214, 221, 229, 231–234, 236, 243, 248, 249, 285

Прокл 99

Прокопий Кесарийский 22–23, 42, 66–67, 69–71, 75, 77, 78, 80, 82–86, 88–90, 94, 99, 114–115, 119, 122, 126–127, 134, 136, 142–145, 147, 153, 165, 175–177, 194, 198–201, 208, 211–213, 216–220, 227–228, 231–233, 237, 239, 240, 248, 262, 265

Прокопий, сын императора 77

Псевдо-Захария 24, 78, 86, 155, 175, 222–224, 232, 233, 239–241

Рамбо А. 142

Ромул 77

Рубин Б. 84–86, 219, 233

Рудаков А. П. 47, 62, 64

Руже Ж. 32, 110, 111

Руфин, сын Иоанна Скифа 78, 233, 240

Руфин, сын Сильвана 78

Савватий 186, 197, 281

Сампсон 189, 205

Север 170–171, 202, 222, 272, 274, 275, 281

Секундин 232, 269

Септимий Север 206

Сергий 107

Сильван 78

Симмах 207

Сита 84, 218

Созомен 165

София 125

Софоклис Е. А. 206

Стефан 155

Стратигий 71, 263

Студий 75

Сюзюмов М. Я. 31, 105, 106, 142, 143, 152, 156, 255

Татиан 95

Теодат 83, 87

Теодорих 85, 88

Тиверий I 39

Тиверий II 36

Тимострат 88

Тимофей 170

Тиннефельд Ф. 14, 62–63, 84, 161

Тотила 86

Трибониан 22, 23, 124, 176–177, 203, 220, 284

Трифон 203, 220, 221

Удальцова Э. В. 16, 31, 175, 188

Уильд Дж. 35

Ураний 121, 133

Успенский Ф. И. 11, 142

Файн Дж. 142

Феодор, игумен Хорский 84

Феодор, кузнец 117, 119

Феодор, навикулярий 114

Феодор, префект города 221, 260

Феодор Чтец 28, 156, 165, 194, 222, 259

Феодора 23, 78, 81, 84, 89–90, 95, 157, 211, 212

Феодосий I 38, 79, 209

Феодосий II 48, 58, 76, 77, 122, 123, 150, 169, 192

Феодосий Стикка 94, 267

Феодосий, сын комита 72, 74

Феодосий, фаворит Антонины 90

Феодот, префект города, 94, 259, 267

Феодот, префект претория 102

Феокрит, куратор 231

Феоктист, племянник Амантия 97

Теофан 9, 10, 17, 21–22, 26, 47, 58, 73, 78, 94, 147, 156–157, 159, 160, 165, 181, 189–192, 194–195, 202, 205, 216, 217, 220, 222, 223, 231, 259, 262, 263

Теофил 124

Теофилакт Симокатта 28, 83, 144–145, 159, 160, 195, 196, 199, 259

Филипп 74, 77, 79

Филоксен 169, 272

Фихман И. Ф. 31, 39, 40, 72, 100

Флавий Анастасий 105, 106

Флавий Виктор 105

Фока, император 160, 205

Фока, сын Кратера 94–95, 124, 177, 203, 220–221

Фома, врач 125

Фома, квестор 94, 124

Фома, префект города 262

Фома, работник аргиропрата Флавия Анастасия 105

Франциус Э. 13

Хан И. 39, 40,

Хаури И. 82

Хосров I 74, 78, 83, 91, 121, 125, 224, 233

Христофилопулу Е. 96, 249

Хунгер Х. 30

Цетег 76

Шассен Л. 13, 14, 191, 219, 242

Шмидт В. А. 7–12, 193, 228, 229

Шнейдер А. 263

Шпек П. 123

Штейн Э. 13, 14, 71, 80–84, 86, 91, 178, 188, 192, 218, 219, 230, 232, 249, 262–264

Шубарт В. 188, 219

Шульце В. 62

Эбримунт 87

Элия Флацилла (Плакилла) 209

Элиан 212

Эллул Ж. 249

Эпагат 186

Эферий 107

Юлиан, префект города 167, 169, 269

Юлиан, префект города в 542 г. 102

Юлиан, префект претория 530–532 гг. 218, 228

Юлиан, префект претория 565 г. 278

Юлиан Галикарнасский 272

Юлиана Аниция 75–76, 222, 223, 273, 280, 285

Юст 79, 213

Юстин I 71, 77, 79, 85, 92–94, 96–99, 171, 191, 216, 220,
223–224, 226, 230, 233, 242, 259, 263, 267

Юстин II 39, 52, 80

Юстин, куropалат 264, 277

Юстин, сын Германа 80

Юстина 80

Юстиниан I 6, 8, 10–15, 17, 19, 21–23, 25–27, 32, 34–36,
38, 41–43, 45–46, 49–51, 54–60, 66–67, 71, 78, 79,
81, 83–86, 88–89, 91–95, 97, 99, 100–106, 108–109,
111, 112, 114–117, 124–125, 128–131, 134, 135, 147, 149,
151, 153, 155, 157, 166–167, 170–179, 181–182, 184,
186–189, 191, 192, 194–196, 202, 203–204, 208–213,
215–220, 223–227, 229–231, 233–238, 242–256, 259,
262, 264–265, 267–268, 276, 278–281, 263–267

Юстиниан, сын Германа 80

Якоби Д. 240

Summary

Modern interpretations of the Nika Riot are generally based on the evidence of several fragments of sources directly devoted to the insurrection, such as chapter 24 of the first book of *Persian Wars* by Procopius of Caesarea, passages from the *Chronicle* by John Malalas, the *Paschal Chronicle*, the *Chronicle* by Theophanes, *Epitome Historiarum* by John Zonara, etc. All these fragments, now contradictory, now adding to each other, provide information about the course of events and social composition of the rebels. We can also imagine the way in which the Nika insurrection was comprehended by subsequent generations of Byzantines (for example, at the epoch of Comneni).

This evidence, however, is not enough to realize causes of the riot, and the grounds forcing different strata of the population of Constantinople to participate in it. Finally the above-mentioned fragments do not allow us to draw conclusions about the consequences of the sedition and define its place among other popular movements of the 6th century.

That is why the author this book not did feel like confining herself to this small group of fragments reporting the insurrection. The necessity arose to analyze all available sources on the history of Constantinople at the epoch of Justinian I as a whole. So the monograph cites a vast number of most varied original documents

(legislative, narrative, ecclesiastical, hagiographic, papyrological evidence, correspondence, etc.). Moreover, as in modern historiography the epoch of Justinian is contrasted to the time of Anastasius I and the dynastic opposition is considered to be one of the main causes of the revolt, the author found it necessary to study all available sources on the reign of this emperor as well.

The results of the present investigation are as follows. The insurrection was caused by the whole range of economic, social, political and religious reasons. One of the most characteristic features of the economic development of Constantinople in the late 5th-early 6th centuries was the increase of independence of the artisan guilds, the flourishing of usury and various transactions, including machinations in which even senatorial aristocracy (that differed greatly from the old Roman nobility) took part. The struggle against that phenomenon began under the emperor Zenon. On his accession to power Justinian continued it drastically. The very codification of law where a great attention was paid to economics, including economics of Constantinople, meant that the state determined to control all the spheres of citizens' activities. The introduction of a custom-house in the capital, the attempt to put an end to the growth of usury, the limitation of senators' commercial activity — all these measures of the state regulation of the economics clearly shown at the beginning of Justinian's reign — strained the relations both between the state and the population of the city and among different strata of it (for example, between senatorial aristocracy and usurers).

In Constantinople there was no stratum whose interests were not touched or infringed. Senators were displeased with consolidation of the imperial power reflected in increasing control of the state machinery,

limitation of their commercial activity, and finally, in the lack of possibility to display real political activity.

State control over the prices fixed by wholesalers and prohibition of exorbitant per cent affected the interests of rich merchants and usurers.

As to exasperated people of Constantinople, their position was the most difficult one, for they suffered both from the state and from the upper classes of the capital. It should be noted that a great majority of the population of Constantinople was just working people, not lumpen-proletariat, as it was in Rome. Countless number of anti-taxation movements is the best proof of it.

The situation in Constantinople was aggravated by Justinian's attitude towards circus factions. In his aspiration for consolidation of the state and for absolute power the emperor tried to bring to nothing the political activity of the circus parties and of the people in general. It might be noted that in early Byzantium the people was a very important factor of the political life of cities. It was not an inheritance of antiquity, when *demos* was an obedient child of the old local aristocracy (*curiales*), but a result of the social and political development of the empire in the 4th century, when strong rivalry existed between the old municipal aristocracy and a new, administrative one. Both aristocracies tried to use the people as an instrument of their political struggle. Quite unexpectedly the people took advantage of the situation by obtaining right for expressing its own feelings. That was legally sealed by the famous law of emperor Constantine in 331. In fact, the people in early Byzantium had the right even for insurrection. The police and the army were not allowed to interfere into public disturbances without a special order. Moreover, police forces

in Byzantium (at that time at any rate) did not seem to be as strong and numerous as in modern countries.

The circus parties were one of the forms of the public political activity. The long existing rivalry between them in spite of intermittent fierceness was not a factor of major importance. Lower strata of Blues and Greens had very much in common, so there was more to unite, than to separate them. When the factions gathered in their hundreds of thousands in the hippodrome they could really exercise direct mass pressure upon the rulers. In 527 on his accession to power Justinian published a law which reduced the power and influence of the Blues and Greens and consequently the people in general. The emperor did not wish to recognize the people's right for insurrection and people answered him with the greatest sedition of early Byzantium. So, it was a political cause of the Nika riot.

The population of Constantinople was also displeased with the religious politics of Justinian. In striving for a consolidated state he tried to attain the unification even in the sphere of theological doctrine and faith. The emperor attempted to reconcile the orthodox and the monophysites and, as a result, both of them were dissatisfied. All those cases taken together brought the empire to unfortunate consequences. In January 11, 532 a terrible insurrection known as the Nika revolt burst out.

If a diagram were made out of the cause of the insurrection, it would not only show a straight line running steadily up, but a series of rising and falling curves. Born among common people the sedition developed into a movement aimed against the state and then against the emperor himself. After the unsuccessful attempt to proclaim patrician Probus emperor the riot lost its distinct political orientation and assumed a character of spon-

taneous movement developing into chaotic fight between the *demoi*. When Justinian banished a number of senators whom he supposed not to be loyal to his power from the Great palace the rebels gained once again a definite political trend.

This whimsical zigzag course of events can be explained by the fact that not only common people, but other social forces participated in the riot, including the senatorial aristocracy and dynastic opposition. According to the sources a great part of senatorial aristocracy of Constantinople took part in the sedition. Moreover, the great majority of them were *patrikioi*, that is representatives of the upper stratum of the nobility. The attitude of the senators to the insurrection was dubious. From the very first days of the sedition the senators decided to exploit the riot for their own purposes and cast aside Justinian. Their point, however, was quite different from that of common people, so their union with the rebels was only temporal.

One should not identify the interests of the senatorial nobility with those of dynastic opposition because although aristocracy rose in opposition against Justinian it did not think of returning to the time of Anastasius I, who died in the open enmity with senate. The fact is that the nephews of Anastasius were very suitable candidates for the throne. The weak-willed men, of no talent, they belonged to the upper stratum of the senatorial nobility and, what is more important, two of them (Hypatius and Pompeius) did not share the monophysite beliefs of their uncle.

As to the dynastic opposition many scholars consider it to be a most important cause of the riot. It is difficult to accept this point of view. First of all it should be recalled that there was no law of succession in early

Byzantium. After Anastasius' death nobody considered his nephews as his successors. Justinian himself never look upon them as his rivals. His real rival was famous general Vitalian, whom he killed without any hesitation. As to Anastasius' nephews they were too slack and unpopular to organize an opposition. They were not only the cause, but even a pretext of the riot. They did not play any role in the sedition till the sixth day of it, the day, when Hypatius under the influence of the senators was proclaimed emperor.

Common people was a decisive force of the insurrection. Although they did not succeed in finding a proper leader and were for a while under the influence of aristocracy, the Nika riot was in the first place just a popular movement. Both contemporary and subsequent generations interpreted it as such.

After the insurrection Justinian took some measures for strengthening his power, but at the same time he tried to reduce the dissatisfaction of various strata of society by making important concessions to the citizens. Though he gave up neither his active foreign policy, nor the measures for control of economic life of the empire; his politics, however, lost its clear-cut regulations well-defined at the beginning of his reign. Justinian began to display hesitation and fluctuation. The legislation itself became more verbose and less definite.

So, it is hard to agree to the point that after the Nika riot Justinian having crushed every kind of opposition strengthened his power. Quite the contrary, he did not succeed in establishing the autocracy that was his ambition when he came to power.

CONTENTS

Preface to the second edition	5
Preface	6
Chapter I. Particularities of the economic development of Constantinople in the early 6th century	29
Chapter II. Social structure of the population of Constantinople in the 6th century	61
Chapter III. Social relations. Circus factions. . .	141
Chapter IV. People in Early Byzantium . . .	161
Chapter V. Internal policy of Justinian on the eve of the Nika Riot	173
Chapter VI. Course of events during the Nika Riot	181
Chapter VII. People and senators in the Nika Riot	215
Chapter VIII. Consequences of the Nika Riot .	244
Chapter IX. The Nika Riot, its place and importance in the social and political struggle in Constantinople in late 5th—mid- 6th centuries	257
Conclusion	282
List of abbreviations	288
Bibliography	289
Index of name	312
Summary	324

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ко второму изданию	5
Введение	6
<i>Глава I. Особенности экономического развития Константинополя в начале VI в.</i>	29
<i>Глава II. Социальная структура населения Константинополя в VI в.</i>	61
<i>Глава III. Социальные связи. Партии иппо- дрома</i>	141
<i>Глава IV. Роль народных масс в ранней Ви- зантии</i>	161
<i>Глава V. Внутренняя политика Юстиниана на- кануне восстания Ника</i>	173
<i>Глава VI. Ход восстания Ника</i>	181
<i>Глава VII. Народ и сенаторская оппозиция в восстании Ника</i>	215
<i>Глава VIII. Последствия восстания Ника</i>	244
<i>Глава IX. Восстание Ника и социально-полити- ческая борьба в Константинополе в конце V — первой половине VI в.</i>	257
Заключение	282
Список сокращений	288
Библиография	289
Указатель имен	312
Summary	324
Contens	330

Директор издательства:

Абышко О. Л.

Главный редактор:

Савкин И. А.

Художественный редактор:

Агеева Е. Е.

Редактор:

Лычагина Е. Н.

Корректор:

Румянцева Л. Ю.

Чекалова Александра Алексеевна
«Константинополь в VI в. Восстание Ника»
серия «Византийская библиотека»,
раздел «Исследования»

Издательство «Алетейя»
Санкт-Петербург, ул. 2-я Советская, 27
Телефон: (812) 277-21-19
Факс: (812) 277-53-19

ИЛ № 064366 от 25.12.1995 г.

Сдано в набор 10.03.1997 г. Подписано в печать 20.07.1997 г.
Формат 70×100/32. Усл. печ. листов 15.
Тираж 1800 экз. Заказ № 3251

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Санкт-Петербургской типографии РАН № 1
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12.

Printed in Russia

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛЕТЕЙЯ»: НОВЫЕ КНИГИ О ГЛАВНОМ

Санкт-Петербургское издательство «Алетейя» существует с 1992 г. (первоначально как редакционно-издательская группа, с марта 1993 г. как самостоятельное предприятие). Его создатели — молодые философы, два выпускника философского факультета С.-Петербургского Университета. Это обстоятельство предопределило и выбор названия для издательства (в переводе с языка древнегреческих мыслителей на современный русский «алетейя» означает «истина»), и выбор основного направления в деятельности нового издательства: издание и распространение классического наследия, т. е. сохранившихся первоисточников по мировой и отечественной истории, классической литературе, религии, философии, а также издание современных исследований по основным отраслям гуманитарного знания.

Визитная карточка издательства — быстро ставшие знаменитыми книжные серии: «Античная библиотека» (издается с 1993 г.), «Византийская библиотека» (изд. с 1996 г.); «Славянские древности» (изд. с 1995 г.); «Памятники религиозно-философской мысли» (изд. с 1993 г.); «Исследования по истории русской мысли» (изд. с 1996 г.) Всего, включая многочисленные внесерийный издания, «Алетейя» выпустила в свет уже более 60 названий книг.

Издательство «Алетейя» сегодня — это:

- высококачественные переводы классических и современных философских, научных и т. д. текстов на русский язык с основных древних и любых современных языков;

- академическая подготовка публикуемых текстов (научный комментарий, сопроводительные статьи, справочный аппарат), осуществляемая лучшими специалистами Москвы и С.-Петербурга;

- высокое качество полиграфического исполнения и художественного оформления изданий (лучшие материалы и лучшие типографии города) при сжатых сроках прохождения заказа;

- возможность размещения и сопровождения малотиражных полиграфических заказов (книги в твердых переплетах, тиснение фольгой) на самых льготных условиях;

- эффективная технология оптовой торговли специальной, научной литературой, удачный опыт представления лучших образцов отечественного научного книгоиздания на крупнейших книжных ярмарках России и Европы (во Франкфурте, Париже, Лейпциге, Барселоне, Варшаве и др.)

Наши книги знают, ценят, любят и ждут во многих уголках нашей необъятной России, откуда мы получаем сотни писем благодарных читателей с повторяющимся вопросом: «Где можно приобрести

очередные книги издательства «Алетейя»? Отвечаем: это можно сделать, заказав их через отдел «Книга — почтой» Санкт-Петербургского Дома Книги, прислав заказы по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Невский проспект, дом 28, а также по каталогам агентства «Книга-сервис» (г. Москва) через «Роспечать». Книги нашего издательства продаются и в Москве: магазин «Библио-Глобус» (м. «Лубянка»), магазин-салон «19 октября» (м. «Полянка»), Московский Дом Книги (м. «Арбатская»), магазин «Академкнига на Тверской» (м. «Тверская»), книжная ярмарка в «Олимпийском». В Петербурге весь ассортимент книг издательства «Алетейя» — в специализированных магазинах и отделах: Дом Книги (Невский пр., 28, отдел истории и общественно-политической литературы); магазин «Университетская книга» (В.О., Менделеевская линия, 5); Российская Национальная (б. Публичная) Библиотека (м. «Гостиный Двор», книжный киоск при входе в Научные Читальные Залы на площади Островского); в магазинах и киосках «Академкниги»; на еженедельной книжной ярмарке в ДК им. Крупской (м. «Елизаровская»).

Среди книжных новинок издательства особенно хочется отметить наши новые переводы:

- «Древнегреческая элегия»;
- Гигин «Мифы», «Об астрономии»;
- Нонн Панополитанский «Подвиги (Деяния) Диониса»;
- Н. Аббаньяно «Мудрость жизни»;
- Дж. Беркли «Алкифрон, или Мелкий философ»;
- Дитрих фон Гильдебранд «Что такое философия?»

К бесспорным успехам издательства можно отнести трехтомную «Историю Византии» выдающегося русского историка-византиниста Юлиана Кулаковского, «Алексиаду» Анны Комниной, новое русское издание Павсания «Описание Эллады» (в 2-х томах), издание итоговой книги размышлений об истоках и судьбах русской литературы Дмитрия Лихачева «Историческая поэтика русской литературы», а также возвращение из небытия книги знаменитого русского мыслителя Алексея Лосева «Имя», собранной на основе материалов, переданных его семье из архивов ФСБ, авторскую версию «Основ средневековой религиозности» Л. П. Карсавина, сборник исторических свидетельств «Суд над Сократом», альманах «Древний мир и мы» и многие другие издания.

В наших ближайших планах выпуск в свет следующих уже подготовленных для печати книг:

- В. В. Латышев «Греческие древности» в 2-х томах;
- М. М. Ковалевский. Сочинения в 2-х томах («Социология», «Современные социологи»);

- Жозеф де Местр. Сочинения в 3-х томах («Санкт-Петербургские вечера», «О папе», «Размышления...» и др.);
- Е. Ф. Шмурло «Курс русской истории» в 4-х книгах;
- А. П. Рудаков «Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии»;
- Иордан «О происхождении и деянии гетов (Гетика)»;
- Г. Г. Литаврин «Как жили византийцы»;
- А. А. Чекалова «Константинополь в VI веке»;
- А. П. Лебедев «Духовенство древней вселенской Церкви»;
- А. П. Лебедев «История византийской Церкви» в 2-х томах;
- А. А. Васильев «История Византии» в 2-х томах;
- Н. Аббаньяно «Мудрость философии».

Издательство приглашает к сотрудничеству авторов, переводчиков, редакторов.

*Телефон редакции: (812) 277-2119, (812) 277-5319
(fax)*

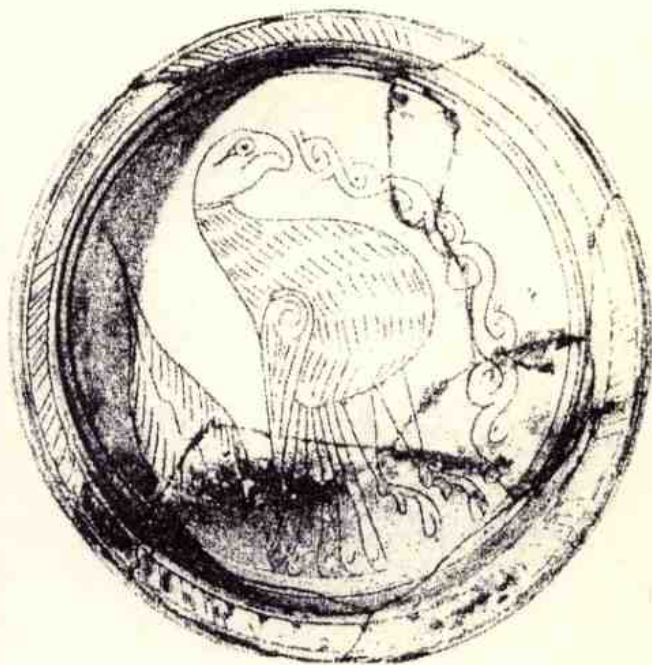
Издательство «Алетейя» выпускает в свет

Нонн Панонолитанский

«ПОДВИГИ (ДЕЯНИЯ) ДИОНИСА»

Нонн из Панополя (годы жизни предположительно 400—470 гг. н. э.), автор последнего эпоса античности «Подвиги (Деяния) Диониса», провел большую часть жизни в египетском городе Панополе. Поэма состоит из 48 песен общим объемом приблизительно в 22 тысячи стихов и повествует о происхождении и воплощениях Диониса, его войне с Индами и Гигантами. Это огромный свод мифологических сюжетов, вполне сравнимый по своему значению с «Метаморфозами» Овидия, «Мифологической библиотекой» Аполлодора и «Аргонавтикой» Аполлония Родосского. Поэма содержит сведения о мистических и орфических культах, более нигде не встречающихся и служащих нашим единственным источником о духовной жизни поздней античности. Существенным достоинством поэмы является также и то, что она изложена в художественно убедительной форме, в яркой и доступной для самого широкого круга читателей, несмотря на сложность предмета. Все вышеизложенное делает перевод этой поэмы, дотоле не существовавший в русской культуре, огромным событием в культурной жизни России. Издание снабжено вступительной статьей и обширными (до шести печатных листов) комментариями, указателями имен и различного рода реалий, встречающихся в поэме. Перевод Ю. А. Голубца.

Книга выходит в серии «Античная библиотека» в разделе «Литература». Формат 60 x 90/16. Общий объем книги около 700 стр. Твердый переплет. Тираж 2000 экз. Ориентировочный выход книги в I квартале 1997 г.

• КОНСТАНТИНОПОЛЬ В VI ВЕКЕ •

ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

А. А. ЧЕКАЛОВА

КОНСТАНТИНОПОЛЬ
В VI ВЕКЕ.
ВОССТАНИЕ НИКА

